

АДЫЛ ЯКУБОВ

КРЫЛЬЯ ПТИЦЫ

Перевод В. Тендрякова

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Акрам вошел в комнату и тут же заметил на письменном столе, под чернильным прибором листочек:

«Мама и гости уехали на вокзал. Вас не дождалась, боялись, что опоздают к поезду. Я в институте. Задержусь. Сегодня после лекций на факультете Убайджана интересный диспут, что-то о современной семье и о любви. Вас пригласить не решаюсь, зная ваше отношение к подобного рода «плетениям словес». Ваша Саяра».

Акрам отошел к окну, задумался. Ветер перебирал яркую листву урючины, росшей перед балконом, и в ее густой зелени, как китайские фонарики, уже зажглись первые огоньки зреющих плодов.

Как неловко все получилось! Мать-то ладно — простит. Но жена брата, другие гости из кишлака... Что они подумают? Сам ведь звал, уговаривал. Сколько времени собирались погостить в городе, и когда наконец приехали, он не смог принять их по-человечески. Надеялся, что сможет провести с ними весь день — с утра возьмет такси, поедит по городу, купит подарки, сам проводит к поезду...

Еще утром, выходя из дому, он был уверен, что только покажется в институте и тут же возвратится. Но вышло иначе. Неожиданно вызвал к себе директор, Султан Касымов, и попросил текст доклада, с которым Акрам выступал на техсовете еще весной. Речь шла о новом проекте главного архитектора института Зафара Бабаева. План смелый, пожалуй, даже дерзкий, полная архитектурная перестройка одного из самых больших кишлаков Зерафшанской долины. Но... в глубине души Акрам считал, что именно он лучше других знает и понимает, чем живет нынешний кишлак, что в первую очередь нужно его людям. План Зафара с его ультрамодными архитектурными решениями казался Акраму красивым, даже талантливым, но совершенно лишненным реальной почвы. И что это вообще за девиз? «Удобно — следовательно, красиво и современно!» Этакая игра словами хороша для Дома моделей. Длинные юбки? Удобно и, следовательно, красиво. Короткие? Удобно и, следовательно, современно...

Тогда, на техсовете, Акрам резко выступил против проекта Зафара Бабаева. Он отчетливо помнил, как директор института одобрительно кивал головой. Но открыто не поддерживал, видно, колебался.

Зачем же именно теперь Касымову понадобился доклад Акрама?

Перед тем как отдать доклад, Акрам вновь внимательно просмотрел его, кое-что уточнил, кое-что переписал вновь.

День пролетел незаметно. Теперь уж кайся не кайся — не поможет. Гости уехали. Акрам вздохнул, прошелся по комнате, и тут взгляд его вновь упал на записку Саяры.

«...Задержусь... Вас пригласить не решаюсь...» Конечно, Акрам не питал особой симпатии к подобным диспутам. Но ему просто захотелось разыскать Саяру, побыть с ней рядом.

Молодой поэт Убайджан был дальним родственником его жены. Он учился на филологическом факультете.

Эх... Ну к чему Саяре, будущему врачу, этот диспут? К тому же государственные экзамены не за горами!

Акрам взглянул на часы, накинул пиджак и вышел из дома.

С трудом пробившись сквозь плотную стену студентов, толпившихся даже у входа в зал, Акрам остановился. Зал — переполнен. Судя по гулу голосов, диспут был в разгаре. Вокруг Акрама возбужденные лица, отовсюду выкрики. Кто-то безуспешно пытался навести порядок. На сцене, над кафедрой, обитой зеленым сукном, возвышался «бюст» полного, не по возрасту раскрасневшегося человека с пышной седой шевелюрой. Его голос, густой и напряженный, перекрывал шум в зале. Упершись руками о кафедру, оратор горячо доказывал:

— Есть русская культура, есть немецкая, французская, испанская... Есть, наконец, наша национальная культура — узбекская. Кто станет отрицать это? Никто! Народ донес ее из глубины веков... Я готов широко открыть двери перед западной культурой. Добро пожаловать, Шекспир! Гете! Милости просим в наши самые дальние кишлаки. Но к этой ли культуре тянется наша молодежь? Увы! С горечью я должен сказать, что многие наши парни и девушки хватаются за самое наносное, что есть в западной культуре, — внешний лоск. Они стыдятся обычаев отцов...

Взгляд Акрама скользил по рядам, отыскивая Саяру. Наконец он нашел ее.

Седой домудла продолжал доказывать что-то свое, но Акрам уже не слышал его.

Саяра сидела возле больших окон, выходящих на улицу, окруженная друзьями. Акрам узнал почти всех. С одной стороны Саяры — девушка с высокой копной красновато-рыжих волос, Нилуфар. С другой — Убайджан, рядом с ним — изящная, похожая на подростка девица с коротко стриженными волосами.

К своему удивлению, Акрам узнал в «девице-подростке» Шахисту, дочь самого уважаемого человека из их кишлака.

Шахиста тоже училась в мединституте. Наверно, и ее Убайджан притащил на этот диспут. Впереди, вполоборота к ним, сидел рослый загорелый парень. Длинные вьющиеся волосы, рыжеватая борода, красиво обрамляющая узкое нервное лицо. Акрам видел его впервые. Не обращая внимания на домуллу, бородач оживленно рассказывал что-то девушкам, вероятно, очень смешное, потому что они с трудом сдерживали смех.

Акрам нахмурился и отвел от них взгляд. Шум зала вновь обрел реальность. Взволнованный голос домуллы:

— Вместе с паранджой вы отмечаете учтивость и скромность, стыдливость и благочестие...

Зал взорвался веселым гулом голосов.

Высокий девичий голос с молодым задором выкрикнул:

— Чем мы перед вами провинились, уважаемый домулла? Почему вы утверждаете, что у современных девушек-узбечек нет скромности? Чем мы вам не любимы?

Другой девичий голос:

— Несправедливо! Нам достается, а ребята вновь сухими из воды выйдут — а ведь у доброй половины из них замашки настоящих баев!

Домулла помолчал и вдруг заговорил тихо, грустно:

— Мне по сердцу современные девушки-узбечки, но я не могу закрывать глаза на правду. Мне больно, когда я вижу развязность и легкость нравов, короткие солдатские стрижки вместо прекрасных кос, когда в речах слышу скрытую дерзость вместо почтительного внимания... Не знаю, возможно, мы, старики, отстали от жизни...

— А что!.. Это идея!

— Неправда! Домулла в тысячу раз лучше, моложе душой всех наших феодалчиков в джинсах!

Домулла устало махнул рукой и, сутулясь, сошел с кафедр.

— Слово Шавкатджану! Дайте слово кинорежиссеру Шавкату Ходжаеву!

Акрам узнал голос жены. Невольно поморщившись, он посмотрел в сторону веселой компании. Громко скандируя, компания настойчиво выкрикивала:

— Слово Шавкатджану!

Парень с бородашкой, что сидел впереди, добродушно отнекивался.

Тогда молодой преподаватель, который вел этот диспут, объявил:

— Слово нашему молодому поэту Убайджану Джуманиязову!

Под аплодисменты и одобрительные возгласы Убай поднялся на трибуну.

Немного нескладный, длинный и сутуловатый, Убайджан

смущенно оглядел зал и неожиданно улыбнулся, будто вспомнил что-то смешное и давно забытое. Эта открытая улыбка так не гармонировала с первым впечатлением хмурости и суровости его широкого скуластого лица, что в зале в ответ тоже заулыбались. И тогда Убай, видно, совсем успокоившись, заговорил:

— Слушал я уважаемого домуллу, его добрые советы и вспомнил одну историю. Заранее прошу извинить, если она покажется вам слишком длинной, но я все же хочу рассказать.

В нашем кишлаке жили две сестры. Обе они были — что греха таить — очень хороши. Ну, и мы все, кишлачные парни... как бы вам объяснить...

— Все ясно, влюблены были по уши!

Убайджан ответил широкой белозубой улыбкой.

«Да, видно, он славный парень!» — подумал Акрам.

Он встречался с Убайджаном у родителей Саяры, не раз видел его мельком вместе с Шахистой, но поговорить с ним как-то не приходилось.

«О ком это он? Уж не про Шахисту ли с Хамидой?» — но тут же Акрам понял, что речь идет о других.

— Шло время, сестры вышли замуж. Не могу сказать, чтоб им повезло. Мужья им попались неотесанные, своенравные, деспотичные. Словом, не в двадцатом веке им место. Старшая сестра терпела, терпела грубость и издевательства, а потом и решила: хватит! Развелась с ним и уехала учиться. А младшая покорно сносила все. Из последних сил выбивалась, всю работу себе на плечи взвалила — и по дому, и в колхозе... Не было в кишлаке человека, кто не хвалил бы ее. Насколько старшую сестру не миловали, настолько младшую возносили...

А теперь слушайте, что было дальше. В прошлом году старшая сестра вернулась в кишлак. Она стала зубным врачом, вышла замуж за парня, который вместе с ней учился в институте. И сама она помолодела, похорошела, так что младшая сестра выглядела перед ней просто старухой.

— Выходит, наш поэт-то в старшую был влюблен!..

Это было сказано настолько невпопад, что все возмущенно зашикали на шутника:

— Эй, ты там... Помолчи!

— Тиш-ше!

Убай благодарно кивнул и, мягко улыбнувшись, продолжал:

— Словом, конец у этой истории таков... Теперь весь кишлак с уважением говорит не о младшей, а о старшей сестре. Вот я и хочу спросить уважаемого домуллу: кто из этих двух женщин более достоин уважения? Старшая, что отстояла свое человеческое достоинство, или младшая, которая, боясь сплетен и пересудов, покорила невежественному мужу и стала его рабыней?

Вихрь восторга пронесся по залу. Особенно бурно ликовала компания Саяры: «Молодец, Убайджан!.. Умница!..»

Одна Шахиста сидела молча, нервно перелистывая страницы книги.

Акрам еще раз взглянул на Саяру и с нарастающим раздражением подумал: «До каких пор она будет вести себя, как семнадцатилетняя девчонка?» Он решил наконец подойти к жене, но в это время заметил домуллу, который шел по проходу к дверям. Он шел не спеша, гордо вскинув седую голову, всем своим видом показывая, что не считает себя побежденным.

Уже у выхода навстречу домулле поднялся высокий молодой человек и пошел за ним следом. Это был Зафар Бабаев. «Он еще что тут делает?.. Ах да, здесь же Нилуфар! Домулла — будущий тесть Зафара!» — подумал Акрам.

Увидев Акрама, Зафар на минутку приотстал от домоллы, весело подмигнул приятелю:

— И ты, значит, приполз, старик. Караулишь свою Саяру? Ну как тебе наша молодежь? Палец в рот не клади! А Нилуфарто, а!.. Дочь против отца! Вот молодежь...

— Повзрослеют.

— Я говорил домулле, чтоб не выступал. Так нет, не послушался. Вот и получил... Кстати, зайти в институт. У директора на твоё имя телеграмма.

Зафар кивнул в сторону домоллы, показывая, что больше не может задерживаться, и скрылся за дверью. Акрам так толком ничего и не понял.

Колокольчик председателя настойчиво требовал тишины.

— ...Слово нашему гостю, молодому кинорежиссеру Шавкатджану Ходжаеву!

Шавкат встал и, поглаживая свою рыжеватую бородку, не торопясь, уверенным шагом направился к трибуне. Акрам проводил его взглядом и поднялся с места. Почему ему неприятен этот молодой человек? Почему ему вдруг стало неинтересно все, что происходит в зале? Он поймал себя на мысли, что ему неприятно смотреть, как неестественно возбуждена его Саяра.

Телеграмма! Что еще за телеграмма? От кого?

Телеграмма была из кишлака.

«Двадцать восьмого мая состоится торжественное открытие дворца. Возникла необходимость внесения некоторых уточнений проекта кишлака. Просим командировать Акрама Халикова сроком неделю. Председатель колхоза Тураб Икрамов».

Акрам придвинул телеграмму к Султану Касымову.

— Что скажешь?

— Коли нужно — поезжай. О чем разговор? Да не забудь передать от меня привет раису. Занятный человек этот председатель колхоза! Помнишь, как он тогда на техсовете разошелся? Горяч парень! Проект-то нашего Зафара с голой жен-

щиной сравнил! Как тебе это нравится? — Директор рассмеялся, хлопая своими густыми, как у девушки, ресницами.

— Для красного словца было сказано.— Акрам нахмурился.— Ты же отлично понимаешь, что это несерьезно.

— Серьезно или несерьезно, но согласись, что в этой шутке есть и доля правды.— Директор перестал смеяться, добавил уже другим тоном: — Да, кстати, я распорядился, чтоб один экземпляр твоего доклада отправили в министерство, а другой в Госкомитет по строительству.

— Зачем?

На гладком, выхоленном лице Султана, который, казалось, только что вышел из парикмахерской, появилось выражение усталости, веселые искорки в глазах потухли.

— Знаешь, ты оказался прав, тысячу раз прав, мой друг. Проект Зафара ничего общего не имеет с теми нуждами, которые сегодня испытывает кишлак!

«А ты только теперь это понял?» — подумал про себя Акрам, но смолчал. Грустно покачивая головой, Султан продолжал:

— О том, что ему нелегко работать в нашем институте, я давно догадываюсь, хоть у него и московский диплом... Не кажется ли тебе, что мы все несколько переоценили способности Зафара?

— Почему? — Акрам пожал плечами.— В том, что Зафар талантливый архитектор, я не...

— Талантливый, талантливый! Тоже нашел словечко!.. Уж больно легко ты раздаешь эпитеты! — перебил Султан с неожиданным раздражением.— Не знаю, талантлив он или нет, но вот вирус карьеризма в нем прекрасно прижился, это я хорошо вижу! Тут я его раскусил!

«Вот тебе и на! Метили в верблюда, а попали в осла!» — подумал Акрам, взглянув на покрывшееся красными пятнами лицо Султана.

— Что случилось, что за черная кошка между вами пробежала?

— Тут дело не в наших отношениях, а в принципе! — Султан поднялся с кресла и, нервно теребя лацканы пиджака, принялся ходить из угла в угол просторного, покрытого ярким бухарским ковром кабинета.— Знаешь ли ты, что Зафар самовольно, без нашего согласия, отнес свой проект в Госкомитет? Да, да, именно тот проект, который был раскритикован на техсовете. Мало того, он выставил его на обсуждение молодежи в Союзе архитекторов. Черт знает что! — Султан поморщился, будто увидел перед собой что-то скользкое.— А ты говоришь — талант! Не знаю, как ты, но я не мыслю себе талант без душевной доброты, честности, искренности. Вот что я ценю в первую очередь. А твой талант ведет себя так, как будто все мы тут, кроме него, сплошные тупицы.— Султан распаялся все больше, его жесты становились размашистей. Казалось, он старался

убедить не только Акрама, но и самого себя.— Члены техсовета, особенно ты, говорили очень дельные вещи! А этот мальчишка!..

— М-да...— Акрам взглянул на возбужденное лицо Султана и отвел глаза.— Положим, Зафар поступил неправильно. Но, извини меня, я хочу задать тебе один вопрос.

— Ну?

— Раз ты так активно против его проекта, почему же тогда, на техсовете, не высказал определенно своего отношения? Выходит, если бы не история с Госкомитетом и Союзом архитекторов...

— Вот тебе на! — Султан театрально раскинул руки и рассмеялся.— Понимаешь, все моя проклятая деликатность подводит. А потом, подумай сам, дорогой: ведь Зафар не просто архитектор и даже не руководитель мастерской, ведь он — главный архитектор института! Что же мне оставалось делать? Не пристало нам, двум руководителям, на техсовете грызться меж собой.

— А для чего же тогда техсовет — чтоб комплименты друг другу отпускать или говорить о принципиальных вещах? — Акрам едва скрывал свое раздражение.

— Теперь и будем говорить принципиально. Согласен? — произнес Султан примиряюще.— Сдаюсь! Конечно, ты прав. Что греха таить — смалодушничал, нужно было тебя поддержать! — Вся круглая фигура директора излучала добродушие.— Вообще я понял, что недостаточно ценил тебя, твою прямоту!.. Да, да...

Акрам смущенно заерзал.

— Благодарю за комплимент!

Но тут распахнулась дверь, и в комнату буквально влетели две девушки, сотрудницы института. Они изо всех сил старались казаться спокойными, но трудно им было скрыть переполнявшую их радость.

— Извините нас, Султан Касымович. Мы пришли,— начали они хором и, смутившись, смолкли.

Касымов стоял, скрестив на груди руки, и исподлобья наблюдал за ними:

— В чем дело?

Девушка с прической, напоминавшей минарет, сделала шаг вперед и выпалила на одном дыхании:

— Наш проект... вернее, проект Зафара Бабаевича, получил премию на Республиканском конкурсе! — Лицо ее расцвело в улыбке.

— Проект получил вторую премию,— добавила другая девушка и, смутившись, опустила глаза.

Акрам взглянул на Султана. Прикусив губу, он стоял в какой-то странной растерянности. Однако в следующее же мгновение Султан овладел собой и, подмигнув Акраму, шагнул навстречу девушкам.

— Поздравляю! Откуда сия радостная весть?

— Только что звонили из Союза архитекторов,— ответила девушка с высокой прической.— Мы еле отыскали Зафара Бабаевича. И теперь, Султан Касымович... Надо отметить...— Сбившись, девушка поправила челку и рассмеялась.— Пойдемте все вместе к Зафару Бабаевичу и вы, Акрам Халикович... По бокалу шампанского... Такая радость...

Не успела она договорить, как вновь открылась дверь, и на пороге появился сам Зафар с двумя бутылками шампанского в руках.

— Кто тут еще нас не ценит? Признавайтесь! — весело крикнул Зафар, со стуком расставляя на столе бутылки.— Мы — мастера на все руки. И авторитет института поднимаем, и сами себя угощаем! Себя не похвалишь — от вас не дождешься! Султан расхохотался.

— Ишь, разошелся, расхвастался! Смотри, чтоб вместо благодарности я тебе выговор не влепил. За самодеятельность, чтоб в следующий раз плановой институтской работой занимался, а не изобретал бы себе индивидуальные проекты.

— Ага, что я вам говорил? Нас здесь не поняли. Нет пророка в своем отечестве. Покинем сей кров негостеприимный. Будем пить сами! — Подмигнув девушкам, Зафар схватил бутылки.

— Нет, нет, я пошутил! Очень, очень рад за тебя! — Султан обнял Зафара.

Акраму стало неловко, и он поспешил отвести взгляд. Споры спорами, а Зафар, безусловно, способный архитектор. Акрам крепко пожал руку Зафару, а тот в порыве радости заключил его в объятия.

— Не сторонись, не сторонись, раз ты не хочешь, я тебя сам обниму... Ты знаешь, я люблю тебя, люблю за твою... горячность, прямоту!..

Акраму стало неловко, и он постарался поскорее высвободиться из объятий Зафара.

Пробка шампанского ударила в потолок. Поздравления, звон бокалов — все слилось в один радостный, беспорядочный гул.

День отшумел, и на город с его многоэтажными домами, густолиственными чинарами, нежными акациями и серебристыми тополями, выстроившимися вдоль улиц, медленно опускался прозрачный летний вечер. Зной спал, повеяло прохладой. С каждым мгновением сумерки становились все гуще, тени длиннее. С мягкой грустью природа ждала ночи.

Акраму не хотелось идти домой. Ему нравилось так бездумно брести по улицам, прислушиваясь к голосам вечернего города. Его подхватил людской поток — этот многоликий поток, подчинявшийся своим, только ему ведомым законам, был буквально наэлектризован смехом и улыбками. Славные лица, сплетенные пальцы рук, сияющие глаза — все дышало молодостью

и красотой. Казалось, сам воздух был напоен любовью. Повинуясь общему ритму, Акрам свернул в городской парк и очутился перед входом в молодежное кафе.

Обвитое виноградом и сине-розовыми цветами повилики, залитое изнутри светом стеклянное кафе напоминало аквариум, а пестрые пары, плавающие в такт музыке, казались диковинными рыбами. Акраму не хотелось заходить внутрь, он знал, что в кафе душно и тесно, и решил свернуть к столикам, стоящим на открытом воздухе. Проходя под навесом виноградника, он невольно остановился. В углу, самом дальнем, слабо освещенном, укрывшись за виноградной лозой, стоял... земляк Акрама, младший брат председателя колхоза Турабджана Икрамова. Напряженно, не отрываясь, смотрел он сквозь прозрачную стену кафе.

— Муратджан? Ты что здесь делаешь?

— Да так... — Муратджан затравленно оглянулся и, как-то странно дернув длинной тонкой шеей, попытался проскользнуть мимо Акрама.

— Подожди, что с тобой?

— Запрещается, что ли, бывать в кафе? — с вызовом ответил Муратджан и кинулся в темную аллею.

Акрам с недоумением посмотрел ему вслед, затем перевел взгляд туда, куда только что смотрел Муратджан, и все понял. В кафе, недалеко от дверей, сидела та самая шумная инстинтутская компания. И на самом видном месте — Убай и Шахиста!

Сразу припомнились слова Турабджана: «Мой братишка совсем потерял голову от Шахисты, сестренки твоей первой любви — Хамидыхон. Боюсь, что он ее проворонит, как ты старшую. Уж больно вы с девками мягки. Таким часто от ворот поворот дают!»

Акраму стало жаль парня. Но тут как раз он увидел свою жену и сразу же забыл о Турабджане. Рыжебородый режиссер, чуточку утрированно поклонившись Саяре, пригласил ее на танец. Саяра поднялась и вошла следом за ним в круг танцующих.

Акраму вдруг очень захотелось повернуться и уйти. Он понимал, что это мальчишество, глупость, но ничего не мог с собой поделать. Ему стоило большого труда пересилить себя и войти. Саяра увидела его, оставила Шавкатджана и, радостно улыбаясь, бросилась навстречу мужу.

Парни, сидевшие за столиком, поднялись, приветствуя Акрама, освободили ему место рядом с женой.

Шавкат встретил Акрама как старого знакомого:

— Вот кого можно назвать истинно современным мужчиной! Красавица супруга развлекается с друзьями в кафе, а Акрама хранит олимпийское спокойствие. Bravo! Равнение на Акрама-ака, товарищи мужчины!

Акрам не сразу нашелся, что ответить. Смеясь, его опередила Саяра:

— Просто жена ведет себя так безупречно, что нет никаких оснований для ревности. Супруга Цезаря вне подозрений, не так ли? — Все рассмеялись.

Саяра усадила Акрама рядом, была так заботлива и нежна, что у Акрама потеплело на душе.

«И чего я на них взъелся?... — подумал Акрам. — Наверное, после диспута не хотелось расходиться, решили посидеть в кафе... А я...»

Шавкат и Нилуфар соревновались в остроумии. Убай снисходительно посмеивался, выпускал колечками синеватый дым сигареты, изредка бросая острое словцо...

Одна Шахиста сидела смущенная и тихая. Короткая стрижка «под мальчишку» очень шла к ее смуглому удлинённому лицу. Легкая и миниатюрная, она походила на кинозвезду с обложки журнала «Экран». Акраму было занятно наблюдать, как заливались краской лицо и шея девушки от шуток не в меру расходившегося Шавкатджана. А тот, видимо тоже наслаждаясь смущением Шахисты, адресовал ей все новые и новые комплименты. Подражая домулле, он деланно вздыхал о потерянных «сорока косичках», так украшавших некогда узбекских девушек. При этом он театральным жестом показывал на стриженую головку Шахисты. Весело подмигивая, он говорил об утраченном послушании и покорности. Саяра и Нилуфар хохотали.

Акрама стала раздражать легкость, с которой Шавкат высмеивал то, что действительно было ему дорого. Может быть, там, на диспуте, домулла несколько сгущал краски, говорил о старинных обычаях, забывая о добрых чертах современной жизни. Однако... Черт возьми! Ну что плохого в том, что женщина женственна, скромна?! И зачем высмеивать «сорок косичек»? Совсем недавно борода была символом старого, отжившего. А нынче борода вновь входит в моду. Значит, дело не во внешности. Вот Нилуфар. Ведь домулла — ее отец! Шавкат открыто подтрунивает над ним, а ее буйной радости не видно конца. Разве это хорошо!

Убай первым понял, что Шавкат хватил через край. Стараясь унять не в меру расходившегося друга, пытался перевести разговор.

— Домуллу можно понять, — начал Убай примиряюще. — Для доброй половины тех, кто сидел на диспуте, культура действительно представляется в виде внешнего лоска, экстравагантных фильмов, крикливой музыки. А это имеет столь же малое отношение к современной культуре, как и сорок косичек к пережиткам прошлого. Вы со мной согласны, Акрам-ака?

— Внимание! Слово представителю среднего поколения, — шуточно воскликнул Шавкат. — К барьеру, Акрам-ака!

Акрам почувствовал на своем колене легкую и предостерегающую руку Саяры.

— Диспут отменяется! Поищите себе другого представителя «среднего поколения». Вы обратились не по адресу,— быстро парировала Саяра. В ее глазах, обращенных к Акраму, была немая просьба: «Не ввязывайтесь в спор, мне это неприятно». «Похоже, что собственная жена боится, чтоб я не выглядел смешным,— подумал про себя Акрам.— Незавидное положеньеице».

За столом возникла неловкая пауза. Саяра сидела, потупив глаза. Убай возился с очередной сигаретой.

Акрам вдруг почувствовал, что в кафе душно и что он устал и давно хочет домой. Все молчали. Одна Нилуфар вдруг горячо кинулась в спор:

— Саяра права, надоели эти диспуты. И вообще — о чем спорить? Надо открыто сказать, что мы просто не желаем жить по дедовским законам. А то иногда просто забываешь, в каком веке живешь. Посмотрите, что творится утром в троллейбусах и трамваях. Лезут с хурджунами, толкаются, скандалят. Особенно эти... из кишлаков. Ну до чего неотесанный народ!

Акрам старался смотреть в сторону и сердито думал: «Что ты, милая девушка, знаешь об этом неотесанном народе? Тебе бы хоть часть его забот». Он вновь почувствовал на своем колене ладонь Саяры и больно сжал ее. Неожиданно для себя Акрам перебил Нилуфар:

— Я что-то не возьму в толк, о чем вы так горячо болеете — о порядках в троллейбусах?

Нилуфар вспыхнула:

— Вы отлично знаете, Акрам-ака, о чем я говорю. Вам, как и моему отцу, не терпится приручить нас, взнуздать.— Нилуфар резко повернулась к Акраму. Глаза ее загорелись молодым озорством.— А если хотите знать правду,— в вас говорит обычный мужской эгоизм. Вам просто не нравится, что мы сидим здесь, в кафе, а не дома, что нам тут вот приятно и весело. Больше того, вас возмущает, что мы пытаемся судить о вещах, которые, по вашему твердому убеждению, недоступны женскому уму. Сознайтесь, разве я не права?

Нилуфар смотрела на Акрама с вызовом.

«Неужели она все-таки втянет меня в этот бессмысленный и ненужный спор? Сколько еще воды утечет, пока эта красивая девушка поймет, что, собственно, такое — земля, на которой она родилась, и что такое добрые вековые привычки, которые сейчас ее отпугивают, как огонь шакала. Здесь ли выкладывать свои взгляды на жизнь, перед нею ли их отстаивать?..»

Акрам посмотрел на Нилуфар и вдруг невольно улыбнулся — смешно было всеерьез принимать детский вызов этой милой взбалмошной девчонки!

— Милая Нилуфар,— сказал он примиряюще,— вам возражать опасно. Сразу угодишь в ретрограды. А потом замаливай свои грехи, доказывая, что ты не верблюд.

Все облегченно засмеялись, радуясь наступившей разрядке. Нилуфар удовлетворенно закивала Акраму своей высокой прической, снисходительно принимая его капитуляцию. Уже более спокойно, но столь же настойчиво она продолжала:

— Согласитесь, Акрам-ака, что жизнь сейчас предъявляет совершенно иные требования. Например, возьмем литературу. Смогла ли она рассказать о нашем поколении?..

— Увольте,— замахал руками Акрам, внутренне досадуя, что его никак не хотят оставить в покое.— Не берусь судить о вещах, в которых мало разбираюсь.

— Пусть скажет Убайджан,— настаивала на своем Нилуфар.

— Хватит, хватит, ради бога,— с некоторым опозданием вступилась за мужа Саяра.— Я вас сейчас всех примирю. Я ведь ясновидящая.— Саяра вскочила со стула, подошла к Убайджану, положила ему руки на плечи и заговорила нараспев: — Знайте, люди, что у этого отрока большое будущее, он создаст великую поэму и прославит узбекскую литературу. Столь же славен ваш второй собеседник.— Она театральным жестом указала на Шавката.— О его фильмах вскоре заговорят во всех уголках нашей планеты!

Убай и Шавкат вскочили со стульев и шутливо преклонили колени, принимая благословение Саяры. Впервые за вечер весело и залиvisto рассмеялась Шахиста.

— Только с одним условием,— воскликнул Шавкатджан.— Вы, Саяра, должны осчастливить мир исполнением главной роли в моем фильме!

Саяра покраснела:

— Где уж мне, старухе, быть актрисой! Пригласите лучше Нилуфархон и Шахисту!

— Обязательно. И для Нилуфархон в сценарии есть очень интересная роль. А о Шахисте я могу только мечтать, да боюсь грозного Убая.

Не успел он закончить фразы, как грянул джаз, и огромный стеклянный аквариум вздрогнул от этого звукового шквала. Откуда-то сбоку к столу подскочил маленький человек с лысиной и поклонился Нилуфар. Следом за ними встал Шавкатджан и протянул руку Шахисте. Та бросила испуганный взгляд на Убая. Он притянул ее к себе и полушутя-полусерьезно произнес почему-то с кавказким акцентом:

— Нэ довераю кинорежиссерам!

— Ну вот! — Шавкат трагически вскинул над головой руки.— Еще один феодал! Саяра, выручайте.

— Не знаю, разрешит ли мой повелитель? — в тон ответила Саяра.

Взгляд Акрама встретился со смеющимся взглядом жены.

— Ваше смирение заслуживает награды,— невольнo включаясь в общую игру, сказал Акрам.

Но когда Саяра и Шавкат, в такт модному танцу подер-

живая руками, начали наступать друг на друга, когда в глазах жены он увидел радость, даже азарт, в груди его что-то стало давить, сильно и тупо. Он понимал, что нельзя поддаваться глупой ревности, но ничего не мог с собой поделать. Для него сейчас казались оскорбительными и эта механическая музыка, и этот странный танец. Вдруг нестерпимо захотелось встать, крикнуть что-то обидное и злое, пнуть заставленный тарелками стол — и уйти прочь.

Раздался голос Зафара:

— Вот так удача! Вся компания в сборе!

Зафар с девушками, которых Акрам оставил в кабинете у Султана Касымова, и еще с несколькими сотрудниками, уже слегка «подогретые», стояли в дверях кафе. Не теряя ни минуты, Зафар принялся командовать.

— За работу, друзья, за работу! Раз, два — взялись! Дружно! Этот стол двигайте ко мне! Второй — рядом. Так. Теперь — стулья!

Вокруг Акрама началось оживление и дружная возня. Один из приятелей Зафара, не дожидаясь прихода официантки, побежал к буфету, девушка с прической, напоминающей минарет, что-то оживленно шептала на ухо Нилуфар. Та сначала разыграла молчаливую обиду (отчего не ей первой Зафар сообщил о таком важном событии!), потом оттаяла, потянулась к Зафару. Они расцеловались.

Один Акрам был в стороне от общего веселья. Видимо, почувствовав его настроение, Зафар спросил:

— Что так мрачен, старина? Брось! Посмотри, сколько красивых молодых лиц. Поверь мне, жизнь хороша. И я искренне рад, что ты здесь. Мы ведь друзья, правда? Давай выпьем! — Зафар обнял Акрама. — За твои успехи, коллега!

Акрам понял — Зафар сейчас счастлив, ему не терпится со всеми поделиться своей радостью, быть щедрым и великодушным.

Акрам поднял рюмку. Ему тоже захотелось сказать Зафару теплые и искренние слова. Но тот уже приглашал танцевать Саяру.

— Сегодня я ни от кого не хочу слышать отказа. Саярахон, окажите честь вашему верноподданному.

— Тебе с удовольствием окажет эту честь Нилуфархон! — произнес Акрам и смутился. «Да что со мной сегодня в конце концов происходит?»

Саяра, побледнев, поднялась и подала руку Зафару. Настроение у Акрама окончательно испортилось. Все танцевали. За сдвинутыми столами остались Убай и Акрам. Даже Шихисту, несмотря на ее отчаянное сопротивление, затащили в круг.

Поэт пересел ближе.

— Вы сегодня не в духе, Акрам-ака?

— Устал.

— Не принимайте все так близко к сердцу. Простите, что я вмешиваюсь, но, поверьте, ничего плохого здесь не происходит. Наши девушки молоды, хороши собой, и, наверное, нам надо только радоваться этому.

Акрам молчал. Где-то в глубине души он чувствовал, что этот сдержанный парень прав. Но ему было неприятно, что молодой Убай заметил его слабость и разговаривает с ним как с равным, а может быть, и с долей превосходства.

«Нужно уйти!» — сказал он себе и встал, увидев, что Зафар подводит Саяру к столу.

— Пора домой.

— Посидим еще немного. — Саяра просительно взглянула на мужа.

— Какая муха тебя укусила? — вмешался Зафар. — Веселье только начинается. Не будем портить себе и другим настроение. Увести сейчас очаровательную Саяру — значит обокрасть нас. — Он заговорщически подмигнул Саяре. — Не бойтесь, Саярахон, мы за вас будем стоять насмерть.

Саяра беспомощно улыбнулась и взглянула на мужа просительно и предостерегающе.

— В таком случае счастливо оставаться. А я пойду... — бросил Акрам и быстро зашагал к выходу.

«Господи, я веду себя хуже, чем обиженный мальчишка! А ведь я старше их всех. Ну зачем я обидел Саяру? Зачем испортил вечер людям?» Досадуя на себя, Акрам чуть ли не бежал по аллеям парка.

Народу в парке поубавилось. На скамейках, в тени деревьев, прижавшись друг к другу, сидели влюбленные. Теплый вечерний воздух был напоен крепким ароматом цветущего миндаля. Акраму этот запах был знаком с детства. Вспомнился далекий горный кишлак, где он бегал босоногим мальчишкой. Весенний ветер с гор почему-то отдавал терпким привкусом цветущего миндаля. Акрам вздохнул всей грудью и пошел медленнее. Ветерок приятно освежал лицо, возбуждение постепенно улеглось, и Акраму, который еще совсем недавно был обижен, раздражен, считал себя преданным Саярой, сейчас совсем не хотелось возвращаться домой без нее.

И так всякий раз: сначала расшумится, как ребенок, а потом ходит, точно в воду опущенный, мучается, не знает, как помириться. Когда он только избавится от своей вспыльчивости? Давно пора научиться владеть собой. Если тебе Саяра не по нраву, то почему в свое время не женился на той, которую тебе сватала мать? Она бы исправно готовила тебе обед, нянчила детей, охраняла бы твой покой и уют.

Дойдя до чинары, растущей в конце дальней аллеи, Акрам невольно остановился. Здесь он когда-то встретился с Саярой. Был такой же теплый летний вечер... Нет, кажется, это было

немного раньше. Урюк еще только начинал цвести. В белом коротком платье и туфлях на высоких каблуках, с нежными цветами урюка в пышных волосах, она шла к Акраму вот по этой дорожке. Лицо Саяры светилось, и сама она вся была похожа на только что распустившийся прекрасный цветок. Она шла все быстрее и быстрее и, наконец, не выдержав, отбросила назад длинную толстую косу и побежала к нему.

Чувствуя бешеный стук сердца, Акрам стремительно шел навстречу ей. Тогда все деревья в парке и даже эта старая чинара — все было объято весенним цветением.

А познакомился он с Саярой чуть раньше, на пятидесятилетнем юбилее ее отца — профессора. В черном вечернем костюме, торжественный и разгоряченный от произнесенных в его честь тостов, Абид Юнусович сам подвел Акрама к стайке девушек, среди которых была его Саяра.

«Прошу любить и жаловать любимого моего ученика — Акрамджана Халикова. Надеюсь, он не зазнается, если я скажу, что его, как я полагаю, ждет блестящее будущее. По крайней мере, я в это верю. Так что, девушки, делайте выводы», — добавил он шутливо.

Саяра сама пригласила Акрама на танец, а он, обычно робкий и застенчивый, был в тот памятный вечер в ударе. Ему все давалось легко и просто. Он шутил, смеялся, заражая своим весельем окружающих. Помнится, Саяра не отходила от него, ее не смущали даже шутки подруг: «А Саяра, кажется, уже сделала для себя выводы».

В тот вечер, когда, обняв тоненькую талию девушки, он кружился по залу и ее милое лицо было так близко, что он невольно касался губами нежных прядей волос, ему казалось, что никогда до этого он не любил, что не было в его жизни Хамиды, и только сейчас впервые он узнал, что такое — любить, быть счастливым!

Стоило Акраму подумать про Абида Юнусовича, как на душе стало легче. Захотелось тут же, немедленно повидаться со славным стариком, и он свернул к дому тестя.

...Ворота открыла мать Саяры, Мавжуда-апа. Чуть слышно произнесла: «Проходите», — и ушла в дом.

«Какой еще комар укусил и ее?»

Проходя по узкому коридору, Акрам заметил в ярко освещенной гостиной знакомого домуллу. Он сидел у окна, на почетном месте, и что-то возбужденно доказывал Абиду Юнусовичу. До Акрама донеслось:

— Нет, никак, Абид Юнусович, не могу согласиться с вашим мнением, увольте — не могу... Не ожидал встретить в вас противника...

— Вот, кстати, появился молодой человек, которому, кажется, небезынтересно вас послушать, — произнес Абид Юнусович вместо приветствия Акраму и, усмехнувшись, вышел из комнаты.

Впервые Акрам услышал от тестя колкость и удивленно посмотрел ему вслед.

Домулла, засунув руки в карманы брюк, стал расхаживать по комнате.

— Так вот, речь идет о сегодняшнем диспуте,— начал он, остановившись наконец и скрестив руки на груди.— Мне помнится, вы тоже там были? Насколько я знаю, вы человек серьезный, поэтому мне, ука, особенно ценно узнать ваше мнение о диспуте.

Акрам пожал плечами. Странно! Хотя он сочувствовал домулле, слова его, манера держаться, его размеренный голос — все сейчас почему-то вызывало раздражение.

— Откровенно посмеиваться над пожилым человеком, который двадцать лет проработал в этом институте!.. Как вам это нравится? Все-таки это неуважение. Так мы далеко пойдем... Только не подумайте, что во мне говорит оскорбленное самолюбие! Нет, дело не в моей персоне лично, ука... Я опечален теми сдвигами, которые происходят в нашей молодежи! Сдвигами со знаком минус.

Полные щеки домуллы вздрагивали, карие, обычно добрые, глаза обиженно поблескивали.

— Удивляюсь вашей терпимости, ука! В наше время комсомол был не таким инертным. Мы не боялись называть вещи своими именами. Не знаю, если так дальше пойдет, то что станет с нашими нравственными принципами? Надо, чтобы комсомол...

Акрам невольно улыбнулся.

— Простите, домулла, но мне уже за тридцать... И вообще, что, собственно, произошло? Не сгущаете ли вы краски? Может, потому молодежь и не поняла вас. Даже Нилуфар, ваша дочь...

Домулла, будто споткнувшись о слова Акрама, остановился.

— Неужели вы думаете, что, печалась за других, я стану выгораживать свою дочь? — Горестно покачав головой, он продолжал: — Если хотите знать, самую острую боль мне причиняют моя родная дочь и мой будущий зять.

Акрам отвел взгляд в сторону. Ему казалось, что в домулле он увидел свое зеркальное отражение. Не был ли он достойным «заместителем» домуллы там, в кафе? Ему стало не по себе. В гостиную вошел Абид Юнусович. Домулла взялся за шляпу.

— Вижу, что в этой семье у меня нет единомышленников,— сказал он с наигранной веселостью.— И этот молодой человек на вашей стороне, так что у меня нет другого выхода, как удалиться.

— Полная капитуляция! — рассмеялся Абид Юнусович.

— Нет. На языке военных — это временное отступление, вызванное соображениями тактики! — Домулла церемонно раскланялся.

Абид Юнусович вышел проводить гостя, затем вернулся в комнату, устало опустился в свое старое глубокое кресло и задумался.

— Странные мы люди,— произнес он, помолчав.— Столько пережили на своем веку, а все никак не можем научиться философски смотреть на жизнь. Часто забываем, что жизнь — это не застойное болото, а стремительно несущаяся река. Как еще мы боимся ее крутых поворотов и быстрин!

Абид Юнусович резко вскинул голову и, сощурившись, пристально посмотрел на Акрама.

— Подумать только. Преподаватель пришел всерьез жаловаться мне на молодежь. Послушаешь его, можно подумать, что мир перевернулся. Никак не могу понять, почему наша молодежь должна брать себе за образец именно этого человека? Почему она должна исповедовать обязательно его взгляды, придерживаться его мыслей?.. Будто сегодня в институте был какой-то диспут, а?

— Я был на нем,— ответил Акрам.

— Что ж там такое случилось? Почему мой коллега поднял такую панику? Поверить ему — так добрую половину студентов надо выгнать из института!

Лицо Акрама залилось краской. Ему казалось, что разговор идет не о домудле, а о нем самом.

— Как вам сказать? Конечно, поднимать панику не из-за чего. Правда, участников диспута никак не упрекнешь в избытке вежливости!

— Знаю! — сказал Абид Юнусович.— Холодно-рассудочная голова — собственность стариков, и, видит аллах, какую иной раз дорогую цену мы за нее платим! А молодой скакун тем и хорош, что горяч и норовист. Не подавлять, а развивать мы должны в нашей молодежи самостоятельность, обостренное чувство справедливости, правдолюбие, непримиримость к рутине, к карьеризму! У нас растет замечательная смена. Поделом ему, старому ворчуну, сегодня досталось. Радоваться надо, а не горевать! — Послушайте меня, Акрамджан,— неожиданно сменил тему разговора Абид Юнусович.— Я не хочу вмешиваться в ваши семейные дела. Однако... Саяра сейчас со слезами пришла домой. На расспросы ничего не отвечает. Что еще случилось?

Акрам сглотнул комок, невольно ставший в горле. Что он мог ответить? Что Саяра плохо вела себя в кафе, шутила и смеялась с друзьями, танцевала?

— Кажется, я немного погорячился...— начал Акрам сбивчиво.

Абид Юнусович грустно покачал головой, вздохнул.

— Молодежь, молодежь... Хочу предостеречь вас от своих ошибок. Ведь и я тоже был молод, и не все в моей жизни делалось так, как хотелось бы мне сейчас. Нужно быть помяг-

че, Акрамджан. Во всяком случае... Как бы мелкие стычки не превратились в большую ссору... Поговорите с Саярой... Легче тушить маленький огонь. Не дожидайтесь, пока разгорится пожар...

Саяра лежала в кабинете отца на диване, повернувшись лицом к стене. Чай, принесенный матерью, давно уже остыл.

Демонстративно бросить ее в кафе! И какое у него было нехорошее, злое лицо! Еще минута — и она бы разревелась от унижения и обиды. Наверное, кое-кто ждал этого. С какой жалостью и сочувствием все смотрели на нее. Только этого еще не доставало! Едва сдерживаясь, она выскочила из-за стола. Поднялись все, но Зафар остановил их.

— Сидите, сидите. Я отвезу Саярухон и быстро вернусь.

Голубая «Волга» Зафара стояла у ворот парка. Зафар открыл дверцу, засмеялся:

— Приедете домой раньше Акрама и зададите ему взбучку за опоздание. В наше время шутки плохи с женами!

— Если можно, отвезите меня к родителям, — попросила она.

Легко, словно бы играючи, ведя «Волгу» в потоке мчащихся машин, Зафар заговорил, как показалось Саяре, фальшивым, неискренним голосом:

— В жизни все бывает, Саярахон. Акрам хороший парень, прямой, честный. Хотя... — Зафар тихо рассмеялся, — он из тех, кто вчерашний плов любит больше свежего. Я думал, что это у него только в архитектуре. Вы представляете наше ремесло.... Не знаю даже, как назвать. Наука?.. Нет! Искусство? Впрочем, это неважно. Важно другое. Сейчас, мне кажется, наше дело приближается к революционному скачку. Скоро — да, да, очень скоро — не только здания в городе будут выглядеть не так, как сейчас, но и сами города преобразятся. А Акрам не хочет понять этого.

— Чтобы понять, человеку, наверно, кое-что нужно, — тихо произнесла Саяра.

Зафар, чуть-чуть скосив глаза, спокойно ответил:

— В студенческие годы Акрам считался одним из самых способных. Не знаю, почему он отказался тогда поехать в Москву. Я, например, не жалею, что поехал. Москва есть Москва. Просто подышать ее воздухом и то славно...

Саяра усмехнулась:

— Как он мог поехать, когда я повисла на его шее!

— Вы повисли на его шее или он на вашей? — спросил Зафар и вдруг застенчиво улыбнулся: — Вы знаете, все мы, молодые аспиранты, были влюблены в вас!..

— Спасибо, хоть и не верю этому, — сказала Саяра и покраснела. Как бы Зафар не подумал, что она кокетничает, напрашивается на комплименты.

Зафар рассмеялся.

— Я бы доказал истинность своих слов, но, к сожалению, мы уже приехали.

Саяра постояла у ворот, пока красные огоньки машины не растворились в темноте, и нехотя вошла во двор. Слова Зафара об Акраме растревожили ее. Она даже не приласкала дочку, с радостным криком выбежавшую ей навстречу. Молча прошла в кабинет отца, бросилась на диван и дала волю слезам.

Когда она поступила в институт, Зафар, молодой аспирант, был похож на мальчика, только что окончившего школу, а Акрам уже отслужил в армии. Он был высокий, по-военному подтянутый. Лицо открытое, скуластое. Ее подруги считали его неотесанным и угловатым. А Саяре все в нем нравилось — молчаливость, простодушно-кишлачный облик...

И она тайком от всех мечтала стать Лейли¹ этого странного Меджнуна.

Нет, Саяра не жалеет о своей любви. Зачем зачеркивать то светлое и радостное, что было у них! Она не может себе простить лишь того, что так рано вышла замуж. Надо было оглядеться, подождать год-другой. Уже в конце первого курса она вынуждена была бросить институт — родилась дочь. Потом снова поступила... Вот уже шесть лет она заботится о муже, о ребенке. Неужели молодость позади? А чудаковатый муж творит свои чудачества! Такие, как Зафар, в два счета, шутя защитили диссертации, а Акрам — с превеликим трудом, и то лишь через пять лет. Не нашел общего языка на кафедре — перешел в проектный институт. И здесь все чудит. Зачем? Вроде бы с искрой божьей. Чересчур принципиален?.. Зафар — тоже. Учился вместе с Акрамом, вернулся из Москвы кандидатом, сразу стал главным архитектором проектного института. У него уже много работ, за свои проекты он получает премии, он в почете, у него собственная машина... А ее чудаковатый муж всего лишь руководитель мастерской... Без коня, но с седла не слезает! Гнет свое. Говорит людям в глаза правду, «всегда правду, чистую правду». Также мне хобби! Кому это понравится? Как он не видит, не замечает, что во многом молодежь уже обогнала его. Он и о Зафаре не очень-то лестно отзывался, считает, что тот пошел работать в институт сельского проектирования только из-за высокой должности, а жизни кишлака совсем не знает.

Как она раньше была наивна! Верила всему этому. Сегодня наконец у нее раскрылись глаза! Если молодой ученый предлагает смелые, необычные решения, значит, он отрывается от жизни? Пытается наладить работу в институте, который долгие годы топтался на одном месте, — непременно карьерист! Если он не ханжа, не на словах, а истинно смотрит на женщину, как на равную, — дамский угодник. Вот она — примитивная «философия» Акрама. Зато годами корпеть над диссертацией,

---

¹ Лейли — героиня памятника средневековой литературы народов Азии «Лейли и Меджнун», в основе которого лежат древнеарабские сказания.

с молодыми держать себя стариком, ревновать жену и с опаской смотреть на новый фасон платья, новую прическу — дозволено и даже похвально. Почему она должна все терпеть от этого человека? Только лишь потому, что он ее муж?..

Саяре уже казалось, что до сегодняшнего дня она жила в потемках, не догадывалась, не знала, что где-то рядом есть другие люди, легкие, остроумные, естественные в обращении. Ироничный Шавкатджан, мягкий веселый Зафар — как они не похожи на прямолинейного, тяжеловесного Акрама. Она выносила грубую ревность Акрама потому, что думала: ведь любит. А любит ли? Любящий человек не может так поступить. Бросил, выставил на посмешище! Лучше бы схватил за руку, силой вытащил из кафе! Пусть бы показал свой шальной характер. Все-таки это было бы лучше...

Вновь вспомнив, как он, ни разу не обернувшись, демонстративно вышел из кафе, Саяра судорожно всхлипнула.

— Саяра, послушай меня... Саяра, — тихий нерешительный голос.

Она резко поднялась на диване. Акрам стоял немного наклонившись и протянув к ней руки. Темное скуластое лицо, решительные складки в уголках губ.

Саяра почему-то испугалась, что его руки заденут ее, отодвинулась к стене. Сжавшись в комок, обхватила руками колени.

Акрам болезненно и виновато улыбнулся.

— Саяра, — едва выговорил он. — Прости меня. Не будем ссориться...

Саяра чуть не застонала от обиды. Не за себя — за него. Вот тебе и цельная натура!

Она ниже опустила голову и плотнее прижалась к спинке дивана.

— Саяра...

— Уходи!

— Саяра, нам надо поговорить. Видишь, я к тебе первый...

— Первый? — Она взглянула на него и вдруг нервно засмеялась. — Ты — первый! Да, да! Там, где не нужно показывать свою волю и самостоятельность, наконец, просто силу, — там ты первый! Ты первый там, где косность и самодовольство... Ты...

Она глядела в упор и говорила, говорила обо всем, что передумала сейчас, что наболело на душе: о его самовлюбленности, чудовищной самоуверенности. Она бросала в лицо Акрама упреки один больше другого. У него побелели скулы...

Саяра, вымещая обиду, забыла все, забыла даже обиду, нанесенную Акрамом, она упивалась своим голосом, наслаждалась его растерянностью, его унижением. И ее понесло, как щелку в горном потоке... Нисколько он не талантлив! Он тряпка, тугодум, за его внушительной внешностью ровным счетом ничего интересного не кроется...

Акрам, замерев, смотрел на жену: пылающие щеки, кричащийся рот, черные провалы зрачков. Акрам смотрел и чувствовал, что все с грохотом рухнет: любовь, семья... Любви, значит, не было. Не могло быть, если скопилось столько разрушающей ненависти. Дочь? Если пока она его не ненавидит, то все еще впереди, мать научит... Все ломается, рушится, летит в пропасть. Кому нужны его сомнения, творческие поиски, его работа. Даже жена их не щадит!

— Ты мне напоминаешь брошенную мечеть. Величественные купола, арки, а внутри — паутина и мрак...

— Саяра, опомнись!..

— Знал бы ты, как жалок в сравнении с другими. Посмотри на Зафара, на тех, кто был сегодня со мной...

И вдруг Акрам почувствовал, что ее лицо утратило обычные размеры, расплылось, вот-вот потонет в широко распахнутых глазах. И в нем проснулся дикий и безудержный гнев первобытного мужа, вспомнившего, что он — хозяин дома и этой женщины.

И он, бросившись вперед, ударил ее по щеке.

Она дернулась всем телом, замолчала, цепenea, заливаясь мертвенной бледностью.

— Ты...— Она судорожно прижала руку к щеке.— Ты...— И вдруг рванулась на него грудью.

— Мало тебе? Бей еще!..

Акрам в ужасе попятился.

Дверь распахнулась, на пороге показалась Мавжуда-апа. Неверной рукой она оперлась о косяк двери, выдохнула: «Ой, отец...» и в следующее мгновение стала медленно опускаться на пол. Появился Абид Юнусович, неловко подхватил жену.

Акрам смотрел то на сотрясающуюся в плаче Саяру, то на свою ладонь, то снова на Саяру.

Выводя из комнаты пошатывающуюся жену, Абид Юнусович обернулся:

— Уходите из моего дома и немедленно! Вон!..— Он гневно махнул рукой.— Слышите? Уходите!

ГЛАВА ВТОРАЯ

На слабо освещенном перроне Акрама встретил его младший брат Нартаджи. Он был молод, высок ростом, но уже заметно начал полнеть. Немного робея, Нартаджи почтительно поздоровался с Акрамом, словно не с родным человеком, а с важным гостем из столицы.

— Председатель сам хотел встретить вас, но его неожиданно вызвали в обком. Хорошо, что приехали, ака. Торжества ожидают большие.

— С чего бы это? — несколько удивился Акрам.

— Как с чего? Во всей области нет такого замечательного дворца.

У вокзала их ждала новая грузовая машина. Шофер открыл дверцу, но Акрам, заметив в кузове женщину с ребенком, уговорил ее перебраться в кабину, а сам залез наверх и прилег на сухое сено. Нартаджи пристроился рядом. Машина тронулась, и небо, полное звезд, качнувшись, стало медленно вращаться, как в большом планетарии.

Акрам положил руки под голову. В детстве он любил лежать на дворе и, укрывшись теплым одеялом, вот так же, не мигая, смотреть на звезды.

Молчание нарушил Нартаджи.

— Хорошая у вас, брат, специальность. Завидую! Дворец получился великолепный. Спереди сад, сбоку озеро — такая картина, что просто ахнешь. Огромное дело вы сделали, ака! Огромное!

Акрам улыбнулся! Нартаджи с детства любил выражаться восторженно и несколько высокопарно. Акрам попытался представить себе Бака-Булак, дворец рядом с озером, и на душе его посветлело.

Это озеро питали десятка два родничков, поэтому вода в нем была чистая, как слеза. Озеро окружено крупными карагачами и зарослями джиды. Посредине — на островке — огромная чинара. Когда-то молния расколола ее на две части, из которых одна продолжала расти вверх, а другая накренилась к воде. Мальчишки вскарабкивались на пологую часть ствола и прыгали в воду вниз головой или прятались среди ветвей платья девочек, поднимавших визг на весь кишлак.

Теперь на берегу этого озера по проекту Акрама был сооружен Дворец культуры.

Улыбаясь в темноте, Акрам попытался представить себе дворец, но мысли его опять прервал Нартаджи.

— Сказать правду, мы очень вами гордимся, брат. Часто вас вспоминаем. Только вот...— Нартаджи замялся.

— Ну? — насторожился Акрам.

— Нет, ничего, — смутился Нартаджи. — Пустяки. Да вот говорят, что... гостей из кишлака вы принимаете не очень охотно. «Невестка нажаловалась», — догадался Акрам.

— Я не говорю про наших, — словно прочитав его мысли, сказал Нартаджи. — Нож свою рукоятку не режет. Наши и словом не обмолвятся и другим виду не подадут. А вот друзья ваши...

Акрам вздохнул, но ничего не ответил. Он и сам знал то, о чем говорил младший брат. И это его часто мучило. Каждый раз, когда Акрам приезжал в кишлак, земляки чуть ли не на руках его носили. А он в своей городской квартире никогда не мог ответить им тем же. Из-за этого он часто ссорился с Саярой. Уж очень у нее вид... Нет, она не избегает гостей. Просто она уж чересчур современна, смущает своими клипсами и оголен-

ными руками сельских простаков. Если сказать правду, дело не в Саяре. Сами односельчане, стоило им войти в его квартиру с до блеска натертыми паркетными полами, полированной импортной мебелью, растерянно топтались у порога, не решаясь ступить на разостланный по полу ворсистый ковер невиданных блеклых тонов. Явятся в гости, а потом пользуются первой же возможностью, чтобы улизнуть. Нартаджи себе этого не предвставляет. Несмотря на молодой возраст, он хорошо знает все обычаи старины и пользуется среди односельчан авторитетом, как почтенный старец. Многие обращаются к нему за советами. Ни свадьба, ни похороны не обходятся без Нартаджи. Акрам сам всегда прислушивался к словам младшего брата. Но сейчас Нартаджи задел его за живое.

— Это нелегкий вопрос, брат,— ответил он.

— Знаю, ака. Чужому человеку я бы этого не сказал. Но вы мой брат. Я знаю, что в городе вас уважают, да и наши аксакалы тоже относятся к вам хорошо. Но мне хочется, чтобы ваш авторитет был еще выше. И тут мне кажется, наша невестка...— Он замялся, пытаясь подыскать слово поделикатнее...— Мне кажется, что вы позволяете ей немножко больше, чем нужно.

— Ладно, брат,— отмахнулся Акрам,— после.

Ему стало вдруг душно. Он приподнялся на локте и растегнул ворот рубахи.

Город давно остался позади, и его огни рассеянно мерцали вдали, на отдаляющемся горизонте. Далеко впереди темнели очертания невысоких холмов.

В последний военный год Акраму исполнилось тринадцать лет. Он работал погонщиком в ишак-караване.

Каждое утро на рассвете несколько мальчишек, навьючив на ишаков по паре мешков зерна, отправлялись в дальний путь. Они шли, каждый за своим ишаком, по степному бездорожью, густо усеянному мелкими острыми камешками и заросшему верблюжьими колючками. Миновав холмы и лощины, маленькие погонщики приходили в город после полудня, сдавали зерно на заготпункт и в сумерках возвращались обратно. В дороге они так изматывались, что не оставалось сил даже на то, чтобы выпить касу ячменной похлебки. Попадав на раскаленную за день и твердую, как камень, землю, они тут же засыпали, чтобы на рассвете снова подняться и снова тащиться в город — каждый за своим ишаком.

Когда Акраму было шестнадцать лет, он ездил по этой же дороге на арбе, запряженной парой лошадей. Летом возил зерно, осенью — хлопок.

С тех пор много воды утекло. Акрам отслужил в армии, окончил институт, защитил диссертацию и женился на девушке редкой красоты. И все-таки ему часто казалось, что самым счастливым в его жизни было то трудное время, когда он жил здесь, в кишлаке, был влюблен в соседскую девушку

Хамиду и от зари до зари колесил на арбе по этим бесконечным пыльным дорогам, распевая грустные песни. Иногда он даже думал, что, пожалуй, сменил бы свою нынешнюю жизнь на те нелегкие годы юности, когда вместе с теперешним председателем колхоза Турабджаном Икрамовым они лазили в колхозный сад, воровали персики и виноград, а потом угощали своих подружек Хамиду и Малохат.

Каждый раз на рассвете, когда они с Турабджаном отправлялись в далекий путь, Хамида и Малохат встречали их у арыка, разворачивали цветастые платки и угощали свежими лепешками или самсой с тыквой. После этого и дорога казалась не такой дальней, и степь не пыльной, и солнце совсем не жгучим.

Он любил Хамиду и много раз оставался с ней наедине, но ни разу не решился даже коснуться ее руки. За один лишь нежный взгляд, за одно ее ласковое слово он готов был отдать свою жизнь!

Если бы его потом не забрали в армию...

Когда он вернулся, Хамида была уже замужем.

Потом он встретил Хамиду лишь однажды, в год своей свадьбы. Вместе с Саярой он шел по главной улице кишлака в сторону озера. Неожиданно из боковой узенькой улочки показалась Хамида. Она шла со своим мужем и с маленькой дочуркой, у которой были такие же большие темные глаза, как и у матери.

Муж Хамиды, Садыквой, загорелый до черноты, высокий и ладный парень, шел чуть впереди в распахнутой рубашке, сдвинутой набекрень тубетейке. Он замедлил шаг, чтобы поздороваться с Акрамом, и, не оглядываясь, пошел дальше. Но, видно, не зря говорили, что Садыквой очень ревнив — Хамида прошла мимо, даже не подняв головы. Поравнявшись с Акрамом и Саярой, она чуть слышно поздоровалась и нервно дернула за руку дочку, которая все оборачивалась и пялила глаза на «тетю из города».

Хамида почти не изменилась. Тот же прямой красивый нос, длинные, чуть загнутые ресницы, та же стройная фигура. Акрам старался скрыть волнение, охватившее его при встрече с Хамидой, но Саяра все поняла и сказала с усмешкой:

— Если я правильно поняла, это ваша бывшая любовь? Не жаль, что упустил? Сейчас бы вы тоже могли расхаживать по кишлаку в тубетейке набекрень и в рубашке нараспашку.

Видно, кто-то уже успел посвятить Саяру в подробности его прошлой жизни. Акрам промолчал. Саяра продолжала дожимать:

— Скрытный вы человек, Акрам. Хотя и прикидываетесь простачком.

Акрам вздохнул, вспомнив Саяру, и сразу в памяти возникла та ужасная сцена: его вспышка, поднятая рука, глаза Саяры, полные слез...

Акраму стало не по себе. И вдруг обида с новой силой проснулась в нем. «Что ж,— подумал он, оправдываясь перед самим собой,— в конце концов она сама во всем виновата».

Машина нырнула в густые темные сады. В лицо ударил нежный аромат спелого урюка. За густыми ветвями замелькали неяркие огоньки.

— Вот и приехали,— сказал Нартаджи.

Акрам проснулся рано. В саду еще было тенисто и прохладно, и лишь верхушки высоких тополей, росших вдоль арыка, нежно золотились на солнце.

Жена Нартаджи в длинном красном платье и яркой цветастой косынке прошла мимо сури, шлепая калошами, доить корову. Махира-хола, мать Акрама, боясь разбудить сына, тихо возилась у тандыра. Начался день.

Акрам встал, набросил на плечо полотенце и, миновав сад, спустился в лощину.

И лощина, и раскинувшиеся вдоль нее сады были еще погружены в тень. Но видневшиеся вдали могучие чинары и карагачи уже купались в светлых лучах. Солнце осветило и большое трехэтажное здание, окруженное деревьями. Это и был Дворец культуры, детище Акрама, предмет его долгих размышлений и споров, первое, с чего началась перестройка кишлака по его, Акрама, генплану. Сейчас, в утреннем сиянии, дворец показался Акраму особенно красивым, величественным, будто парящим в облаках. Синие, багряные, голубые краски в лучах солнца принимали какие-то причудливые, сверкающие оттенки.

Полюбовавшись дворцом, Акрам спустился с крутого обрыва к роднику. Ледяная прозрачная вода пахла мятой и камышом. Акрам черпал ее пригоршнями и плескался до тех пор, пока не начало сводить пальцы.

Вот так же тем летом, когда они с Саярой только что поженились, он приходил по утрам умываться к этому роднику. Чуть погодя с ведром в руках появлялась Саяра — как будто за водой. В просторном платье из яркого хан-атласа, в лакированных калошах и накинутом на голову белом платке, она вроде бы ничем не отличалась от простой кишлачной девушки. Вроде бы!

Акрам опять поймал себя на том, что думает о Саяре, и рассердился: в конце концов, почему он все время вспоминает ее! Приехал к себе домой, в родной кишлак, где прошло все детство и юность, разве нет здесь у него других воспоминаний? Почему он все время упорно возвращается к одному и тому же — вот они с Саярой идут по кишлаку, вот Саяра у родника набирает воду, Саяра разговаривает с его матерью, Саяра, Саяра!..

Он приехал к себе домой, при чем здесь Саяра?

Акрам решительно встал и направился к дому.

А она наверняка и не думает о нем. Да она никогда его не любила, теперь это совершенно ясно! Избалованная профессорская дочь! Думала, что станет женой заслуженного деятеля и будет разезжать на собственной «Волге», а стала женой скромного архитектора. Зачем ей это?

Акрам чувствовал, что несправедлив, но уже не мог остановиться.

— Кого вижу! Неужели Акрам?

Он поднял голову. Наверху, у самого обрыва, с большим кетменем за плечами стоял старик-сосед, отец его первой любви Хамиды, Дядя, как его звали все в кишлаке. Младшая дочь старика, Шахиста, училась вместе с Саярой в Ташкенте.

Акрам поднялся наверх, поздоровался с соседом. Расспросив о Шахисте, о ташкентской жизни, Дядя подозрительно посмотрел на Акрама:

— Что это ты такой грустный?

— Да так, вспомнилось детство.

— Должен тебе сказать, в те времена ты выглядел значительно веселее. И поседел! Я и то моложе выгляжу. Мать Шахисты¹, а как ты считаешь? — обратился он к своей жене, которая, увидев Акрама, подошла к ним. В глазах «матери Шахисты», невысокой, моложавой женщины, вспыхнули озорные искорки.

— О, вы еще в самом соку, отец Шахисты! Самая пора взять, как в старину, молодую жену. Она будет ухаживать за вами, а я, старшая жена, буду отдыхать и повелевать ею!

— Ну, если ты настаиваешь, чтобы я женился на молодой, — изволь, женюсь. Только за теперешних девиц нельзя ручаться: то ли ты будешь сидеть на почетном месте и повелевать ею, то ли она тобой начнет командовать!

— Что же, отец Шахисты, для меня счастье служить не только вам, но даже вашей молодой жене!

— Вот молодчина! — восхитился старик. — Положила джигита на обе лопатки.

Дядя поднял кетмень на плечо.

— Ну, я пошел, Акрамджан, а ты, если и правда хочешь вспомнить детство, сними свою модную рубашку, надень что-нибудь попроще, возьми кетмень и приходи ко мне на поле. А?

Акрам с грустью посмотрел вслед «джигиту»: за последние годы старик заметно сдал. Сильнее сгорбились плечи, поседела голова... А все-таки молодец! Держится как ни в чем не бывало. Сколько бодрости, неподдельного веселья. И правда, настоящий джигит!

Весь день дом Акрама был полон гостей. Приходили родственники, друзья и однокашники, приходили учителя. К вечеру нагрнул сам председатель.

---

¹ «Мать Шахисты». — У узбеков супруги обращались друг к другу либо по имени старшего сына, либо по имени любимого ребенка.

Со времени их последней встречи Турабджан еще больше пополнил и раздался вширь, но благодаря своему высокому росту и сейчас не казался толстым. Крепкий, загорелый, в белой рубашке с отложным воротничком, он чем-то походил на отставного спортсмена.

Акрам услышал его голос еще из сада:

— И это называется архитектор, художник! Его творение, можно сказать, великое произведение искусства, давно готово, а он сидит себе в своем Ташкенте и в ус не дует! Да ты должен был на крыльях сюда прилететь! Не можешь на крыльях — лети на самолете.— Он шумно расцеловался с Акрамом.

На чай и разговор со стариками ушло ровно столько времени, сколько требовал этикет. Видно было, что Турабу не терпелось остаться с Акрамом наедине, поговорить, показать строительство.

В лощине, у обрыва, их ждала «Волга». Палван, шофер Турабджана, прозванный так кишлачными остряками за маленький рост и отнюдь не богатырское сложение, радостно встретил Акрама.

— Сколько лет, сколько зим, Акрам-ака! Да будет благословен день, когда вы приехали!

Тураб открыл дверцу машины, пропустил Акрама вперед.

— Едем смотреть дворец,— сказал он торжественно.— Завтра будем праздновать его открытие. Приедут представители райкома, обкома, все председатели колхозов! Собрание, банкет, все как полагается! Пусть почувствуют размах Тураба Икрамова! — Председатель размахисто вскинул руки.— Ну, что скажешь?

Акрам кивнул. Тураб помолчал и вдруг сказал деловито:

— Да!.. Возможно, придется кое-что изменить в генплане поселка, начальство требует. Но об этом потом. Видишь, — опять оживился он,— все сровняли, можно и здесь начинать строительство.

Машина подъехала к старому кишлаку.

Акрам вышел из нее и не поверил глазам своим. Перед ним расстился пустырь. Ни высокой глинобитной стены, окружавшей старый кишлак, ни узких извилистых улочек, осторожно пробирающихся между низкими дувалами, ни домов, ни лавочек — ничего не осталось от древней крепости. Не осталось даже самого холма, на котором древний кишлак располагался. Все было снесено, сровнено с землей. Лишь мечеть с высоким, крытым белым железом куполом одиноко возвышалась слева от пустыря.

По генеральному плану улицы, разбивающие поселок на четыре части, должны были соединиться здесь, на месте снесенной старой крепости. Тут же планировалась большая площадь с фонтаном, цветами, аллеями. А Дворец культуры, с которого началось строительство, был как бы завершением всего этого комплекса.

Акрам вновь огляделся. Странно! На генплане его идея казалась интересной, оригинальной. А теперь, когда он увидел этот пустырь вместо старого кишлака, к которому так привык

с детства, в душе его что-то сжалось. Почему-то не хватало этих маленьких, узких улочек, старинных ворот, окованных железом, глинобитной стены. Так не хватало, что у Акрама защемило сердце.

Неужели Зафар был прав? Тогда, на обсуждении генплана в институте, Зафар высказал другую идею — оставить холм и старую крепость, а дворец — легкий, из стекла и металла, без старомодных украшений — построить рядом с ней. Тогда старая крепость и дворец будут контрастировать, дополнять и подчеркивать стиль друг друга.

Зафар только что вернулся из Москвы и был воодушевлен размахом строительства, интересными и смелыми архитектурными решениями столичных зодчих. На всех обсуждениях в институте он критиковал местные проекты за несовременность, излишнюю тягу к роскоши, за выбор дорогостоящих материалов — майолики, резьбы по ганчу. Но к его выступлениям не относились всерьез, даже малость посмеивались: одно дело Калининский проспект и гостиница «Россия» на фоне Кремля и Василия Блаженного, другое — наш, далекий от Москвы, узбекский кишлак!

Ультрасовременную идею Зафара, члена техсовета, как говорится, «забодали». А Турабджан, участвовавший в обсуждении, даже обиделся.

— Сейчас в колхозном кармане водятся деньжата. Не то что раньше. Зачем это нам воздух и стекло? Мы можем себе позволить построить настоящий дворец, такой, чтобы всем на зависть! А то, что вы говорите — воздух, стекло, ни к чему! Это просто смешно. Похоже на голую женщину! Нам это ни к чему! У нас все ходят одетые, и хорошо одетые!

Тогда члены техсовета смеялись над выступлением Тураба. Смеялись, но... соглашались с ним.

Так неужели Зафар в чем-то был прав?

Нет, все-таки прав он, Акрам, а не Зафар.

Акрам вырос в кишлаке и знает, что дехканам нужно. Тогда он настоял на своем и сейчас радовался этому. Улица, по которой они только что ехали, — главная улица кишлака, уже заасфальтированная и почти вся застроенная новыми одноэтажными домами, была подтверждением его правоты. Акрам знал, как довольны новоселы этими красивыми удобными домами, и сейчас, придирчиво рассматривая их, не мог ни в чем себя упрекнуть. Дома действительно отличные.

Так, то придираясь к себе, то защищаясь от собственных нападок, Акрам не заметил, как они дошли до озера Бака-Булак. Только когда перед ним заблестела зеркальная гладь воды, он поднял глаза и увидел дворец — ослепительный, сияющий свежими красками, его Дворец культуры. Светлые тонкие тона порталов подчеркивали роскошь черного мрамора, темных каменных плит, из которых дворец был построен, и Акрам опять, уже вблизи, удивился величественности, торжественности здания.

На площади перед дворцом вовсю кипела работа. Выравнивая землю, натужно ревел бульдозер; приминая горячий, дымящийся асфальт, двигались катки. Нескольким человек высаживали цветы вокруг фонтана, другие обкладывали дерном края арыков и аллей. Все спешили, торопили друг друга.

Лишь один человек выпадал из этой картины радостного оживления. Не обращая ни малейшего внимания на происходящее, он лежал на ступеньке клуба, постелив под себя чапан, и прямо, не мигая, глядел перед собой. Его лицо, испещренное морщинами, с двумя-тремя волосинками на подбородке, выражало полное равнодушие. Это выражение не изменилось и тогда, когда председатель и Акрам, поздоровавшись со стариками, подошли к нему.

— Ну что, куса, — обратился к нему Турабджан, — все лежишь себе, поплеывая?

Куса прищурил хитрые глазки, погладил подбородок.

— А что мне делать, как не лежать? Или кто утащит ворота Ходжи Насреддина?

Акрам невольно улыбнулся, вспомнив анекдот о том, как Ходжа Насреддин соорудил ворота еще до того, как у него были дом и забор. Но председателю шутка не понравилась.

— Тебе все равно, что Дворец культуры, что ворота! Только бы валяться на боку, бездельник!

Обойдя высокую восьмигранную колонну, Акрам не без труда открыл тяжелую, украшенную резьбой дверь.

Внутри дворец выглядел не менее роскошно, чем снаружи. Три мраморные колонны поддерживали высокий свод фойе. Такие же колонны высились по краям зрительного зала и по обе стороны сцены. Двери и окна были завешены зелеными бархатными занавесями.

Акрам растерянно огляделся. То же ощущение неудовлетворенности, появившееся еще на пустыре, на месте снесенного старого кишлака, опять явилось его душе. Что же это? Неужели он сомневается в своем проекте?

Акрам подошел к колонне, погладил холодный мрамор. Странно: когда он приезжал смотреть строительство, колонны не казались ему такими тяжелыми, давящими. И весь зал представлялся ему более легким, изящным, радостным.

Турабджан нажал кнопку в стене. Вспыхнула роскошная бронзовая люстра, и зал залил свет.

— Ну как? — гордо спросил председатель. — Не стыдно будет перед гостями? Чем хуже дворца Хамракула Турсункулова¹?

Акрам не ответил. Он еще раз прошелся по залу и фойе, заглянул в боковые комнаты и кабинеты. М-да... Здание роскошное. Но какое-то тяжелое, холодное, даже мрачное.

---

¹ Хамракул Турсункулов (1892—1965) — зачинатель колхозного строительства, председатель колхоза «Шарк Юлдузи» («Звезда Востока»). Трижды Герой Социалистического Труда.

Акрам знал, что между проектом и его практическим воплощением существует некоторая разница. Он, конечно же, знал об этом. Но он и не предполагал, что разница может быть столь разительна.

Смутное, неясное раздражение росло в душе Акрама. Как же это получилось? Ведь он мечтал порадовать односельчан, а не подавлять тяжелой роскошью. Хотел, чтобы они чувствовали себя во дворце легко, свободно, не стесненно!

Неужели Зафар хоть в чем-то прав?

Одно понравилось ему безусловно: украшения из ганча на стенах фойе и зала, выполненные мастерами-резчиками. Легкие, ажурные, они радовали изяществом и строгостью линий, красотой рисунка. Стены и потолки читального зала на втором этаже тоже были украшены ганчевой резьбой. Но там, на втором этаже, еще шла уборка.

— Недаром говорят: «Даже мать родную не показывай отцу без украшений!» Посмотришь завтра.— Турабджан испытующе взглянул на Акрама.— Что нахмурился? Или не нравится?

— Нет, дело не в этом,— ответил Акрам, не зная, что сказать.

— А может, вот это тебя развеселит? — Турабджан взял Акрама за руку и подвел к стене, завешенной шелковой занавесью.— Внимание! — Он торжественно поднял руку и высоко приподнял край шелка.

Блеснула белая мраморная плита с золотыми буквами:

«Это здание сооружено по проекту славного сына кишлака Бака-Булак кандидата наук архитектора Акрама Халикова».

Сразу вспомнились слова Нартаджи: «Огромное дело вы сделали, брат, огромное!»

— Ну зачем все это?

Турабджан обнял Акрама.

— Вот за скромность я тебя и люблю, дорогой! Ну что ж, пойдем, что ли?

— Куда?

— Ко мне, куда еще? Малохатхон готовит такую шурпу, какой ты еще не пробовал, ручаюсь! Посидим, поговорим, отведем душу!

Акраму не хотелось сейчас ничего: ни шурпы, ни шумного застольного веселья. Остаться бы одному, разобраться в своих впечатлениях.

— А если мы сделаем так,— предложил он.— Сейчас ты отвезешь меня к Гортепе. А когда шурпа будет готова, крикнешь, и я спущусь.

Акрам сам не знал, почему сказал это. Захотелось ли ему забраться на высокий холм и оттуда еще раз взглянуть на кишлак, еще раз представить свой проект осуществленным? Или просто потянуло к любимой скамейке под старой полувысохшей чинарой у могилы святого, месту, где хорошо было

посидеть одному, подумать, почувствовать тишину и покой сельского кладбища?

— Если тебе захотелось принести пожертвование святому, лучше отдай мне, купим пол-литра! — грубовато пошутил Турабджан. — Ну что ж, поехали?.. Да что с тобой? Может, заболел? Или с женой поругался?

— Да нет...

— А если и поругался, нечего расстраиваться! Милые бранятся, только тешатся. Кстати, — Турабджан снова оживился, — говорят, около сестренки Хамиды в Ташкенте вертится какой-то поэт. Это правда?

— Да, как будто.

— Кто он?

— Я его не очень хорошо знаю. Кажется, славный парень. И дальний родственник моего тестя.

— Ну нет, — возмутился Турабджан, — хоть он и родственник твоего тестя, Шахисту мы ему не отдадим!

Акрам вспомнил сцену около кафе, Муратджана, его жалкое лицо, плаксивый голос, и улыбнулся.

— Я-то здесь при чем? Не хочешь, не отдавай, только посоветуй это прежде всего своему брату!

— Моему брату нечего советовать! Он слишком скромен, слишком тих для нашего времени. Сейчас такие не в моде. Особенно у вас, в Ташкенте. Вот и вырывают у него добычу прямо изо рта.

— Ну, если можно назвать Шахисту добычей... Все-таки для порядка, наверное, можно и ее спросить, — рассмеялся Акрам. Ему все казалось, что Турабджан шутит.

— Дело не в Шахисте! У них все шло хорошо. А сбила ее с толку твоя старая любовь — Хамидахон! Но ты запомни, — голос председателя задрожал и рука резко разрубила воздух, — ты запомни — дураков здесь нет! Если я не женю на ней своего брата, пусть меня больше не зовут Турабджаном!

Акрам удивленно посмотрел на друга. Нет, Турабджан не шутил. Акрам не верил своим глазам. Да тот ли это Турабджан, справедливый, прямой парень, лучший друг его юности? Трудно было узнать его в этом заносчивом, властном человеке.

— Ну, чего раскрыл рот? — уже остывая, сказал председатель. — Я говорю правду, вот и все. Дураков теперь нет, все стали умные. И Шахисту мы никому не отдадим.

Акрам хотел было возразить, но в это время машина подъехала к подножию холма и остановилась перед высоким забором кладбища.

Поднимаясь по узкой извилистой тропинке, поросшей мелкой колючкой, на Гортепу, Акрам вспомнил детскую полузабытую сказку, которую рассказывала бабушка.

Давным-давно из-за далеких гор в кишлак прилетел страшный дракон. Сорок дней и сорок ночей тиранил он жителей

кишлака, каждую ночь требовал кровавую дань — красивую девушку.

И вот осталась лишь одна девушка, прекрасная дочь хаkana — властителя кишлака.

И тогда обратился хакан к людям: «Кто убьет дракона, за того я отдам свою дочь!»

Тридцать девять лучших джигитов всей округи тридцать девять дней и ночей сражались с драконом. Дракон победил тридцать девять джигитов и пожрал их.

И только последний, сороковой, джигит, простой пастух, на сороковой день зарубил дракона.

Зарубил — зарыл под кладбищем Гортепа.

Простой пастух женился на дочери хаkana, и сорок дней и сорок ночей праздновали свадьбу в кишлаке.

В детстве, рассказывая сказку, бабушка каждый раз говорила:

— Дракон до сих пор лежит под Гортепой, и если ты совершишь какой-нибудь нехороший поступок, дракон оживет, и случится несчастье.

И по ночам маленький Акрам часто просыпался и прислушивался: не ожил ли еще дракон оттого, что Акрам набрал тюбетейку персиков в чужом саду или подрался с соседским мальчишкой? Неужели из-за такой безделицы оживет страшный дракон и с кишлаком случится несчастье?

И Акрам клялся себе, что это последнее нехорошее дело в его жизни.

От этих воспоминаний потеплело на душе. А сколько их еще, смешных, детских историй, связано со старым кладбищем!

Как и все кладбища на свете, Гортепа имела своих святых и своих юродивых. Вот маленький Акрам со сверстниками везет в кишлак дыни. Летом жители кишлака сажали дыни в степи, за холмами, а ребяташки на ишаках привозили поспевшие дыни в кишлак. Жарко, ребята устали, но главное препятствие впереди — сумасшедший Хашим, страшный, заросший волосами до самых глаз. И жутко, и все-таки хочется его встретить, увидеть, как неуклюже будет он бегать за мальчишками, выпучив безумные глаза, ругаясь и грозя им. «Кем это он заколдован? — думал маленький Акрам. — Точно заколдованный. Как бы его расколдовать?»

...Наконец, Акрам увидел свою любимую чинару и скамейку под ней. Отсюда как на ладони виден весь кишлак, расположенный по обе стороны ложины, утопающий в садах.

Когда Акрам работал над генпланом, он часто поднимался сюда. Именно здесь родилась идея разбить кишлак четырьмя улицами и подвести их к площади с выстроенным на ней новым Дворцом культуры. Акрам отыскал глазами среди густых садов центральную улицу. Потом пустырь, где находился старый кишлак. Пустырь напоминал сейчас высохшее дно огромного

водоема, а дворец, расположенный рядом с озером, отсюда казался причудливой скалой.

Вспомнилась мраморная доска.

«Это здание сооружено по проекту славного сына кишлака Бака-Булак кандидата наук архитектора Акрама Халикова».

Акрам усмехнулся. Так что же все-таки получается? Если он сам уже сейчас почувствовал несовременность здания, на которое потрачено столько сил, то что же тогда лет десять спустя скажут другие? Не получится ли так, что его собственная дочка Назира, увидев надпись на мраморе, будет стыдиться своего отца? Выходит, он все-таки отстал от времени? Значит, прав Зафар? Но... прав ли?

Вот дом дехканина: впереди айван — терраса, по обе стороны передней — две большие комнаты, без окон на улицу. Почему? Зафар ответит: «Чтобы женщины никогда не видели чужого мужчину!» И станет доказывать необходимость другого планирования.

Но ведь Акрам знает, что объяснение совсем другое. В такой жаркой, щедрой на солнце стране, как Узбекистан, у домов должно быть как можно меньше окон — так легче сохранить прохладу.

А их спор о количестве комнат? Для многодетного узбекского дехканина гораздо удобнее две большие комнаты, чем четыре комнатки городского типа. Большой семье нужен простор. Жизнь доказала, что и в этом вопросе прав он, а не Зафар.

Но он, Акрам, не прав в чем-то другом, тоже очень важном. Почему... Почему Султан Касымов вдруг встал на его сторону? Сперва вызвал Зафара из Москвы, добился его назначения главным архитектором института, а теперь вот пишет на него докладные записки в министерство...

Жить по старинке легче, да и, в случае чего, за старомодность архитектурных решений спросят меньше, чем за подражание Западу. Вот и не сработались...

«Я уважаю тебя за принципиальность, прямоту», — вспомнил Акрам слова Зафара.

Не-ет... Пора во всем разобраться! Если в нем действительно есть хоть немного принципиальности и прямоты, он должен честно признать свои ошибки и немедленно заняться переработкой генплана. Пока еще не поздно. Надо обдумать все еще раз, придираясь к проекту даже в мелочах. Он обязан это сделать, чего бы это ему ни стоило. Или так — или действительно, как говорил Дядя, вернуться в кишлак и взяться за кетмень.

Акрам тяжело поднялся со скамьи и побрел вниз. Признать ошибки! Решиться на это нелегко. Но где-то в глубине души он понимал, что решение уже принято, и от этого вдруг стало легче.

У ворот кладбища, в карагачевой роще, он увидел арбу на высоких колесах. Около арбы стояли несколько женщин в белых

платках и маленький сторбленный старичок. Старичок сволок с арбы большого черного барана и потащил по тропинке к мазару. Увидев Акрама, старичок подозрительно на него посмотрел и свернул на соседнюю тропинку. Женщины тоже пошли за стариком. Лишь одна из них стала в тень карагача.

Акрам решил скорей пройти мимо, но, поравнявшись с ней, невольно вздрогнул: женщина, стоявшая в тени карагача, была... Хамида! Ее большие глаза горели, лицо было бледно...

— Хамида! — Акрам сам не думал, что встреча с Хамидой может так его взволновать.

— Нет, нет, идите, идите...

Акрам послушно отступил на тропинку, но успел заметить, как Хамида кивнула в сторону дома председателя и прошептала: «Малохат».

Или это показалось Акраму?

Когда Акрам пришел к Турабджану, во дворе, под высокими подпорками виноградника, Малохат разжигала самовар. Каждый раз, встречаясь с ней, Акрам удивлялся тому, как мало меняют ее годы: черные, без единой сединки волосы, насурмленные брови и ресницы, да и манера держаться ничуть не изменилась с юности. Кокетливо подав маленькую пухлую ручку, Малохат шепнула:

— Видели Хамиду? — и не дожидаясь ответа, сунула ему в руку записку.

— Спрячьте. Она, бедная, так хочет увидеться с вами. — Помолчав, добавила не то в шутку, не то всерьез: — Или, может быть, забыли о старой любви?

— Кто же забывает старую любовь? — в тон ей ответил Акрам, с трудом скрывая растерянность.

— Ну, слава богу!

— Эй, товарищ ученый кандидат! Почему это вы шепчетесь с чужой женой? Это вам не городской парк, а кишлак Бака-Булак! Будь вы не только кандидат, а даже академик, я повешу вас за ноги на тал!

В полосатом шелковом халате, не закрывающем волосатую грудь, Турабджан стоял посреди двора, уперев руки в бока, и хохотал, довольный своей шуткой.

— Я укоряю Акрама-ака. В кои-то веки собрался к нам и не захватил с собой молодую жену, — почтительно обратилась к мужу Малохат.

— Все они такие, эти интеллигенты. Нас, бедных кетменщиков, клеймят позором, обзывают феодалами, а сами своих жен держат в четырех стенах.

— Поэтому и говорят в народе — делай то, что говорит домулла, но не делай так, как он делает, — поддержала мужа Малохат.

— Молодец жена, всыпала кандидату!.. Ну пойдем, дорогой друг, гости заждались.

— Сейчас, я догоню...

Акрам отошел к арыку, присел на корточки, умылся. Не вставая, раскрыл записку.

«Акрам-ака! Мне необходимо с вами увидеться. Это очень и очень важно. Назначьте время и место. Хамида».

Так, значит, это не шутка Малохат? Что же это? Акрам на обороте записки быстро написал ответ:

«Хамидахон! Мы можем встретиться у знакомой вам джидовой роши. Сообщите Малохат время. Акрам».

Малохат ждала его под виноградным навесом. Она взяла записку и заговорщически рассмеялась. Акрам тоже улыбнулся, но на душе у него было невесело.

Зачем все эти мучения с архитектурным проектом? Не лучше ли простая, беззаботная жизнь в кишлаке, труд кетменщика, простая, преданная жена Хамида? Не лучше ли все это — живое и осязаемое, чем призрачная птица счастья, все ускользающая, ускользающая из рук?..

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Последние дни Саяра совершенно не выходила из дому. Ей казалось, что о ее ссоре с Акрамом знает весь город и стоит ей появиться на людях, как знакомые кинутся расспрашивать о том, что случилось, утешать.

Чтобы избежать всех этих сочувственных разговоров, вздохов и взглядов, Саяра решила вовсе никуда не выходить и, обложившись учебниками, дни и ночи занималась, готовясь к государственным экзаменам.

Но в конце недели рано утром позвонил Убай. Он защищал диплом и просил Саяру прийти на защиту. Ссылаясь на занятость, Саяра пыталась отказать. Но Убай был настойчив:

— Я вас очень прошу, Саяра. Вы же знаете, какой шум подняли вокруг моей дипломной работы. Если бы не Абид Юнусович, меня, возможно, не допустили бы к защите. Приходите, думаю, вам будет небезынтересно. — До Саяры доходили слухи, что Убая обвиняли в оригинальничанье и еще в каких-то «смертных грехах».

— Прямо не знаю, как быть... — все еще колебалась Саяра.

— Если вы не придете, — бросил последний козырь Убай, — не придет и Шахиста. Вы же знаете ее...

— Хорошо, я постараюсь.

Первыми, кого увидела Саяра, придя в институт, были Шахиста и Нилуфар. Они прогуливались под руку во дворе института. Саяра тут же пожалела, что согласилась на уговоры Убая. У нее даже мелькнула мысль, не скрыться ли, но Нилуфар уже заметила ее и бежала навстречу.

— Бедная Саяра! — едва успев поздороваться, затараторила

она. — Неужели это все — правда? Кто бы мог подумать! Я всегда знала, что Акрам — человек со странностями, но дойти до такой низости!.. А еще мнит себя интеллигентом!

Широко раскрытые, с чуть накрашенными ресницами глаза Нилуфар выражали неподдельный ужас и сочувствие.

— Не огорчайтесь, Саярахон. Этот человек не стоит ваших слез! Если бы Зафар-ака поступил со мной так, как Акрам с вами, я не знаю, что бы сделала...

Почему-то именно эти слова задели Саяру больше всего. Пожалуй, стоило повернуться и молча уйти. Именно так она бы и поступила, если бы не Шахиста.

— Я вас прошу, Нилуфар, не беспокоиться, — обрезала Саяра, — мы с Акрамом сами разберемся.

Большой зал филологического факультета был переполнен. Даже длинный узкий коридор набит студентами. По тому оживлению, которое здесь царило, было ясно, что к сегодняшней защите многие проявляют особенный интерес.

Виновник торжества в сером в полоску костюме стоял в конце коридора в кругу друзей. Ему, видно, льстило такое внимание, и в то же время было боязно. Скуластое лицо его то расплывалось в широкой улыбке, то хмурилось.

Заметив Саяру, он поспешил ей навстречу.

— А я опасался, что вы не придете, — сказал он, улыбаясь и подавая ей руку.

— Как же я могу не прийти, Убайджан, — улыбнулась в ответ Саяра, — когда вы защищаете диплом?

— Спасибо, — сказал Убай. — Но я еще не знаю, удастся ли мне его защитить. — При этом он бросил многозначительный взгляд на Нилуфар. Нилуфар засмеялась.

— Вы совершенно напрасно опасаетесь папу.

— Вай! — вдруг вскрикнула Шахиста и спряталась за Саяру. — Я говорила, что он придет.

Все оглянулись.

— А! — протянул Убай. — Красавец Муратджан, собственной персоной. Пришел поделиться своими соображениями по проблемам любви и брака. Да, кстати... — Убай отвел в сторону Саяру и спросил шепотом: — Я понимаю, вопрос этот, конечно, очень деликатный, но мне сегодня хотелось бы сказать о вас и о вашем муже.

— Что вы! Что вы!.. — замахала руками Саяра.

— Я не собираюсь называть фамилию. Просто приведу пример.

— Нет, нет, ни в коем случае!

— Бойтесь?

— Боюсь, — честно призналась Саяра.

— Ну, что ж, дело ваше...

Прозвенел звонок. В другом конце коридора показались преподаватели.

— Садитесь рядом с Шахистой, — торопливо сказал Убай. —

Если растеряюсь, буду смотреть на вас и искать поддержки, как Антей у земли.

— Хорошо. И не забывайте, что случилось с Антеем, когда его оторвали от земли!

Саяра отыскала Шахисту и села рядом. Та даже не взглянула — так волновалась. Будто не Убая, а ей самой предстояло выдержать трудное испытание.

Саяра сжала ее руку.

— Все будет хорошо, вот увидишь!

Впрочем, она и сама волновалась. Но как только услышала голос Убая, на душе стало спокойнее. Облегченно вздохнула и Шахиста и, глянув на Саяру, улыбнулась.

Убай говорил о теме любви в узбекском рассказе последних лет. Саяра слышала краем уха о разговорах, возникших вокруг дипломной работы Убая, но не знала, из-за чего разгорелся сыр-бор. Слушая ровный глуховатый голос Убая, недоумевала: в чем же он не прав?

Убай говорил о том, что многие молодые герои современного узбекского рассказа по уровню мышления и по взглядам на жизнь напоминают скорее людей прошлого, чем нынешнюю молодежь. И хотя многие из тех книг, которые упоминал Убай, Саяра не читала, но то, что он говорил, было убедительно, и она ему верила.

— Если прочесть внимательно некоторые произведения наших молодых прозаиков,— говорил Убай,— то мы увидим, что из одной книги в другую кочует некий бритоголовый, неуклюжий, застенчивый парень, который постоянно краснеет, прячет от других свои мозолистые руки, а свои чувства к любимой девушке выражает непременно в письменном виде. Девушка, которой изумительно застенчивый парень пишет застенчивые письма,— тоже застенчива, до того, что и вздохнуть-то не может, не залившись помидорным румянцем. При этом она, конечно же, носит за плечами сорок косичек. Правда, в некоторых рассказах попадают отклонения от этой схемы. Патологически застенчивая девушка с сорока косичками вначале ошибается и, недооценив застенчивого парня, отдает свои симпатии стилиге — конечно же, длинноволосому и не застенчивому. Но вскоре она разоблачает его грязные помыслы и возвращается к своему бритоголовому идеалу...

Убай говорил остроумно. В зале часто раздавались аплодисменты и смех.

Саяра, невольно поддаваясь этому веселью, поглядывала туда, где сидели преподаватели. Некоторые из них тоже смеялись. Абид Юнусович мягко улыбался, время от времени поглаживая ладонью блестящую лысину. Только отец Нилуфар глядел в зал исподлобья и нервно барабанил пальцами по столу.

Убай, уже полностью овладевший аудиторией, как умелый оратор, подождал, пока утихнут аплодисменты, и вдруг весело

глянул на Саяру. Она почему-то решила, что вот именно сейчас он и расскажет об Акраме. Она вся замерла, внутренне жалась.

Но Убай продолжал свою тему — о примитивности характеров некоторых литературных героев, и еще не раз заставил смеяться аудиторию.

— Недавно я прочел рассказ одного молодого прозаика, — говорил Убай. — Герой этого рассказа, человек, с точки зрения автора, вполне положительный, придя домой, видит, что жена его, вместо того чтобы готовить обед, наводит красоту. Это настолько возмущает героя, что он устраивает шумный скандал и вспоминает свою первую жену, которая, хотя и не была такой красивой, как вторая, но постоянно заботилась о нем и, когда он приходил с работы, бежала к нему навстречу, неся медный кувшин с водой, чтобы он вымыл руки. И герой, разочаровавшись в своей второй жене, возвращается к первой, которая все эти годы терпеливо ждала его с кувшином в руках.

Убай снова подождал, пока стихнет смех.

— Разумеется, в жизни встречаются, и довольно часто, люди, которые разводятся с женами из-за остывшего чая или из-за того, что жена отказалась вытирать пыль с его сапог. Вся беда в том, что автор рассказа, вместо того чтобы посмеяться над этим героем, обливается горячими слезами вместе с ним.

Убай еще не кончил говорить, как из зала раздался высокий (прерывающийся) дрожащий голос Муратджана:

— А ты бы хотел, чтобы все писатели в своих книгах проповедовали свободную любовь?

В зале наступила тишина. Все взоры устремились на Убая. Он отыскал взглядом Шахисту, видно, ожидая поддержки, но она сидела, низко склонив голову.

Убай пожал плечами.

— Вообще-то вопрос не по теме. Я говорил о сапогах, а не о свободной любви. Но все же попробую ответить. Мне лично кажется, что между проповедью свободной любви и проповедью уважения к женщине есть некоторая разница. Женщина полноправна, как и мужчина. Зачем же заставлять ее чистить мужу сапоги и мыть ноги?! Многие великие люди не только на Западе, но и на Востоке называли женщин лучшей частью человечества. И мне кажется странным стремление некоторых наших молодых писателей и их поклонников запереть женщину в четырех стенах и закутать в выгащенную из музейного хлама паранджу.

Под гром аплодисментов Убай сошел с трибуны и сел рядом с Шахистой. Саяра хотела пожать ему руку, но Нилуфар опередила ее. Громким шепотом она поздравляла Убая, говорила лестные слова, смеялась.

Уже по реакции зала было ясно, что защита проходит успешно. Саяре сразу стало скучно. Так бывает на спектакле, когда заранее знаешь конец. Она рассеянно слушала оппонентов. Но когда слово взял отец, насторожилась. То и дело поглядывая на

дочь, Абид Юнусович говорил о высоком смысле любви, предостерегал против легкомысленного отношения к этому чувству.

Саяра невесело усмехнулась. Ну да, конечно, отец имел в виду ее разрыв с Акрамом. Есть поговорка: «Говорю тебе, дочь, а пусть слушает невестка». Сейчас он говорил залу, чтобы слушала дочь. «Напрасны ваши речи, отец,— мысленно возражала Саяра.— Того, что произошло, я Акраму простить не смогу. Никогда!»

Абида Юнусовича на трибуне сменил отец Нилуфар.

— Дорогой Абид Юнусович,— сказал он, сияя довольной улыбкой.— Вы сказали то, что лежало у меня вот здесь.— Он приложил руку к груди.— Честь и слава вам, домулла, что не боялись показаться ретроградом и честно высказали все, что посчитали нужным. Действительно, сегодняшний доклад является достаточно красноречивым сигналом опасности. Эта опасность состоит в том, что среди нашей молодежи распространяются весьма сомнительные представления о нравственности, какая-то, я бы сказал, нечеткость позиции по отношению к проблемам морали.

— Я хотел сказать не совсем то, что вы говорите,— с места поправил Абид Юнусович.

— Понимаю,— поспешно кивнул головой отец Нилуфар.— Я говорю в общих чертах... Совершенно не обязательно сваливать в одну кучу все старые обычаи, ибо среди них есть и не такие уж плохие, как может показаться с первого...

Он смешался.

— То есть... вообще я хочу сказать, что дипломант высказал много правильных мыслей. И безусловно, мы должны помнить о равенстве женщины с мужчиной не только на словах. Только в некоторых вопросах морали... В общем, я оцениваю диплом положительно.

Как только окончилась защита, все кинулись к Убаю, наперебой поздравляли и обнимали его. Среди поздравляющих была Саяра. Кто-то тронул ее за плечо. Она вздрогнула и обернулась — отец.

— Дочка,— сказал он не то всерьез, не то в шутку, вежливо улыбаясь.— Если ты собираешься куда-нибудь сегодня пойти... ну, скажем, отметить успешную защиту Убайджана, постарайся не очень задерживаться... Да-с. Несмотря на сверхсовременные представления о жизни.

Саяре вовсе не хотелось идти на вечеринку. И все же она пошла — чтобы не обидеть Убая.

Собирались в кафе, напротив института. Убай на радостях заказал пломбир, минеральной воды, разных соков.

Первыми пришли несколько молодых поэтов и журналистов, по выражению Убая — «будущие звезды на небосклоне узбекской литературы». Затем появился Шавкатджан с маленькой, элегантно одетой женщиной. Увидев еще издали Саяру, он

помахал ей рукой. Наскоро угостив свою спутницу мороженым и распрощавшись с ней, подошел к столику Убая.

Шавкатджан похудел, осунулся и загорел. Мягкая рыже-вато-каштановая борода отросла и выгорела на солнце.

— Что с вами, Шавкатджан? — удивилась Саяра. — Вас не узнать!

— Плохо выгляжу?

— Нет, наоборот. — Саяра вдруг смутилась от невольного сказанного комплимента. — Вы похожи на путешественника.

— А я и есть путешественник. Выбирал натуру, ездил по республике, мало мылся, редко брился — и вот результат.

Он говорил в той бойкой шуточной манере, которая располагает к веселой застольной беседе.

— У меня к вам есть разговор. — Шавкатджан, прищурив большие навывкате глаза, внимательно смотрел на Саяру. — Но прежде я хотел бы задать вам невинный вопрос: почему вы такая грустная?

— Я грустная? С чего это вы взяли?

— Мне показалось. Но если не хотите, не отвечайте. Можем перейти сразу к делу. — Шавкатджан положил свою ладонь на руку Саяры. — У меня к вам есть серьезное предложение, и я прошу вас не отказываться, прежде чем вы не обдумаете все хорошенько.

Саяра забеспокоилась, почувствовав, как Шавкат многозначительно сжал ее руку.

— Вот вы смеялись в тот вечер, когда я советовал вам стать киноактрисой. Вероятно, вы думали, что я шучу. Теперь у меня конкретное предложение. Я действительно хочу предложить вам главную роль в моем фильме.

— А я говорила в прошлый раз: дайте главную роль Шахисте. Она молода и красива. — Саяра была польщена предложением и в то же время отнеслась к нему недоверчиво.

— Эта роль Шахисте не подходит. Шахиста для нее слишком молода. Вы словно созданы для моего будущего фильма!

Саяра, зардевшись от смущения, попыталась обратить разговор в шутку:

— Дорогой Шавкатджан, ну подумайте сами, какая из меня артистка? Не хотите пригласить Шахисту, есть Нилуфар. Она спит и видит себя в кино.

— Именно это меня в ней и не устраивает, — засмеялся Шавкат. — Но если вы никак не можете обойтись без Нилуфархон, я найду и ей какую-нибудь роль. Обещаю. Ну, согласны?

— Право, не знаю, — все еще колебалась Саяра. — Для того чтобы сниматься в кино, нужны особые способности, а у меня...

— У вас они есть, — нетерпеливо перебил Шавкат. — Я в этом совершенно уверен. Кроме того, в вас есть искренность и настоящая чистота, качества, которые так необходимы моей героине. Саярахон, я умоляю вас.

Шавкат говорил так просто и искренне, что она заколебалась.

— Да... Но ведь у меня скоро государственные экзамены.

— Пожалуйста, сдавайте госэкзамены. У нас пока еще достаточно других дел. А через две недели начнем пробу актеров. Фильм обещает быть интересным.

— Может, вы дадите прочитать сценарий?

— Вот это уже деловой разговор! — обрадовался Шавкат. — Завтра же получите сценарий. Это о молодой женщине из горного кишлака... Я убежден, что сценарий вам непременно понравится. Сниметесь, станете знаменитой на всю страну.

— Ну уж! — улыбнулась Саяра.

— Вот посмотрите. — Шавкат вновь пожал Саяре руку. В это время в кафе вошел Зафар. Он заехал за Нилуфар. Им надо было ехать к друзьям на свадьбу.

— Вот и хорошо, — обрадовалась Саяра. — По дороге подбросите меня домой.

Убай огорчился.

— Сразу две красавицы нас покидают! Что же мы будем делать без женского общества? Зафар, может, вы отвезете сперва Саяру, а Нилуфар побудет пока здесь?

— Мы торопимся, — нахмурился Зафар.

— Он просто не хочет оставлять ее с нами, — сказал кто-то.

— Докажи, что не так, Зафар, — улыбнулась Нилуфар, — отвези Саяру, потом заедешь за мной.

Зафар поддался общим уговорам, но за рулем был хмур и полдороги проехал молча. Лишь однажды спросил, нет ли каких вестей от Акрама.

Саяра пожалала плечами, как бы говоря: «Акрам меня совершенно не интересует».

— Простите, Саярахон, — неуверенно сказал Зафар, — может, и не следовало вмешиваться... Акрам поступил нехорошо. И все-таки я считаю, что он человек хороший и честный.

«Поступил нехорошо!» Ну и формулировочка. И откуда он знает? Саяра поежилась. Вот уж поистине шила в мешке не утаишь. Хороший? Честный? Да, разумеется, Акрам раскаивался. Он попросил прощения. Хороший!.. Хорошие не пускают в ход кулаки. Мало ли хороших и честных? Убай, Шавкат... Режиссер предлагает ей главную роль в своем фильме. А что сделал для нее Акрам?

— Нет, Зафар-ака, — покачала она головой, — вы не знаете этого человека.

— Знаю, Саярахон. Очень хорошо знаю. В нем есть некоторая прямолинейность и грубоватость, он может вспылить, и все же...

К счастью, они уже приехали, и Саяра была рада, что можно не продолжать этот неприятный для нее разговор.

— Благодарю вас, Зафар-ака, — улыбнулась она, выходя

из машины.— За то, что довели, и за совет. Только вряд ли я смогу им воспользоваться.

И дома, не давая утихнуть обиде, она еще долго мысленно спорила с Зафаром.

Она подошла к зеркалу поправить волосы и задержалась перед ним. Что ж, ей говорят комплименты не без основания. Она действительно... В самом деле, почему бы ей не сняться в фильме?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Удивительное все же существо — человек!

Казалось бы, все просто. Ты сделал большую работу, и она нравится тем, для кого ты ее делал. Будь же доволен собой и своей работой.

Акрам не был доволен. Чем больше он смотрел на дворец, чем больше размышлял, тем меньше нравилось ему это грандиозное сооружение, этот современный храм.

И разве только дворец? Только начинали строительство правления колхоза и новой гостиницы, но уже и сейчас ясно, что и они будут отличаться той же помпезностью. Ах, если бы все сначала!.. Воображение Акрама рисовало легкие, простые и удобные конструкции.

Если бы все сначала!..

Но когда начались торжества по поводу открытия дворца, Акрам несколько приободрился. Еще бы! Имя его было у всех на устах. Представитель обкома взял его под руку, вывел на сцену и усадил в президиуме рядом с собой. Когда Турабджан, открывая вечер, объявил, что здесь, в президиуме, находится автор проекта, уважаемый односельчанин, ныне известный ученый и архитектор, Акрам Халиков, жители кишлака поднялись и стоя рукоплескали ему.

И Акрам невольно подумал, что все-таки, наверно, неплохое он сделал дело, если так горячо приветствуют его.

Во время банкета в колхозном саду в адрес Акрама было сказано столько лестных слов, в его честь поднято столько тостов, что он под конец порядочно захмелел, чего с ним почти никогда не бывало.

На банкете же, в самый разгар веселья, к нему подседа Малохат и с заговорщической улыбкой незаметно сунула сложенный вчетверо листок. В записке было всего несколько слов: «Акрам-ака! Завтра, как только стемнеет, я жду вас в джидовой роще на обрыве у мельницы. Хамида».

Несколько слов, написанных торопливым почерком, до того взволновали Акрама, что весь следующий день он бесцельно слонялся по дому или валялся в саду в ожидании встречи с Хамидой.

Теперь, протрезвев после вчерашнего, он думал, что на банкете его слишком вознесли, но тут же старался отогнать

от себя эту неприятную мысль. «Но ведь,— убеждал он себя,— односельчанам незачем кривить душой, и если они говорят, что дворец им нравится, значит, он им действительно нравится. Пусть критикуют его изощренные гурманы вроде Зафара. Важно, чтобы дворец пришелся по вкусу тем, для кого он строился. Хм... Возможно, грядущим поколениям мои проекты покажутся устаревшими. Но кто знает, что примут люди будущего? Кто может сейчас гарантировать, что не устареет творчество Зафара или других, пусть даже самых расталантливых архитекторов. Из тысячи произведений искусства история оставляет лишь единицы. Как сказал мудрец: «Некоторые произведения становятся шедеврами... благодаря любезности времени!» Да, это так, и незачем мучиться и думать о том, что свершится в далеком будущем и чего так или иначе не угадаешь. Гениев мало, каждый в меру своих сил должен делать то, что он может».

Акрам вспомнил слова Турабджана, сказанные на банкете. Правда, Турабджан был уже сильно под хмельком, но предложение его (так, во всяком случае, показалось Акраму) было вполне серьезным.

— Послушай,— сказал Турабджан, положив руку на колено Акрама,— ты, конечно, человек большой и ученый, все это правильно. Но жизнь твоя мне непонятна. Разве это жизнь? Как ты мог сменить наш замечательный кишлак на городскую клетушку, в которой могут жить только куры? Сам видишь, дела в нашем колхозе идут хорошо. Я построю тебе большую мастерскую и зарплату дам ту же, что в городе. Жена кончает институт, и ей здесь найдется работа. У нас тут работает врач. Этакый хлюпик. Спит и видит, как бы укатить обратно в свой Саратов. Пускай едет. На его место возьмем Саярухон. Вдвоем вам положу рублей четыреста-пятьсот в месяц. Ха!.. Через год-полтора будете разъезжать на собственной «Волге», не будь я Турабджан Икрамов!

Вспоминая сегодня эти слова, Акрам пытался, но не мог представить свою жизнь в кишлаке. Разумеется, было бы совсем неплохо поселиться здесь, вдали от городской суеты, пустых телефонных звонков, и работать, работать... Как тебе хочется! Но вряд ли из этого может что-нибудь выйти. Он уж слишком отравлен той жизнью, чтобы вернуться к этой.

Несколько раз Акрам доставал из кармана записку Хамиды, перечитывал и волновался все больше. Не дождавшись сумерек, вышел из дому и, чтобы растянуть время, не торопясь, спустился к ложине. Сады на одном краю ее были уже погружены в тень, другой склон еще купался в красноватых лучах предвечернего солнца. Острый и влажный запах мяты, тонкий и терпкий аромат базилики и персиков-скороспелок, шум детворы, ожидающей стада, бляение овец, горький привкус синего

кизячного дыма, тянувшегося от очагов,— все это чувствовалось сейчас особенно остро, тревожило душу.

Наконец солнце зашло, и вечерняя тень легла между деревьями. Мальчишки с веселым гиканьем погнали овец по улочкам кишлака, в густой листве замелькали первые огоньки.

Чем ближе подходил Акрам к мельнице, тем сильнее волнение охватывало его. Что же все-таки заставило Хамиду назначить ему это свидание? Память о прошлом или что-то другое? Но если что-то другое, то зачем назначать свидание именно в джидовой роще? А если она вспомнит прошлое, что он сможет ответить ей? У каждого из них сейчас своя судьба, и многое их теперь разделяет. Юность не воротить.

Пока Акрам дошел до рощи, уже совсем стемнело. На небе зажглись первые звезды. Между листьями тополей, над мельницей висел тонкий молодой месяц.

Глухо шумела вода, стекающая по желобу, и бормотали что-то невнятное лопасти колеса старой мельницы. Временами легкий ветерок пробежал по ветвям джиды, еще хранившей медовый аромат недавнего бурного цветения.

Где-то сверху послышались приглушенные голоса женщин и тихий смех. Вглядевшись, Акрам увидел два силуэта, темневшие в лунном свете, и вышел из-за скрывавшей его джиды.

— Это, кажется, он...— Акрам по голосу узнал Малохат.

Хамида пришла не одна. Акрам почувствовал облегчение.

Выйдя навстречу женщинам, он поздоровался. Лицо Хамиды усталое, исхудавшее. Рука большая, огрубевшая от тяжелой работы. Словно догадавшись, о чем думает Акрам, Хамида торопливо вырвала руку и опустила голову.

Малохат засмеялась.

— Ну вот, все как прежде. Только на этот раз вы почему-то пришли на свидание без своего друга.

— Ты имеешь в виду Турабджана? — усмехнулся Акрам.

— О, этот Турабджан! Он стал таким большим человеком, что может взять себе вторую жену,— мрачно пошутила Малохат.— Однако мне пора. Не буду мешать вашему разговору.

Хамида испуганно схватила ее за руку.

— Подожди, поговорим вместе.

— А у тебя что, языка нет? — засмеялась Малохат.— Довольно того, что я твои записки носила.— Она высвободила руку и стала медленно взбираться вверх по тропинке.— Акрамджан! — прокричала она уже откуда-то сверху.— Верьте всему, что скажет вам Хамида.

Акрам уже полностью овладел собой. Теперь ему казалось даже странным и смешным, что весь день он воображал себе невесть что.

— Я слушаю вас, Хамидахон,— сказал он, своим обращением на «вы» как бы подчеркивая тот факт, что встретились чужие, ничем не связанные между собой люди.

Хамида искоса бросила быстрый взгляд на Акрама. Потом

опустила голову и, теребя пуговицу кофты, надетой поверх атласного платья, тихо произнесла:

— Вы, наверное, были очень удивлены, когда получили мою записку...

Ее печальный взгляд, грустный голос вдруг так напомнили прежнюю юную Хамиду, что сердце Акрама сжалось от боли. Он быстро заговорил:

— Да, конечно... Я был удивлен, но я рад. Мне самому хочется с тобой поговорить. Расскажи, как ты живешь.

— Акрамджан-ака, я пришла вовсе не для того, чтобы жаловаться на свою жизнь. Хотя, если сказать правду, хорошего мало. Садыквой очень ревнив. Сколько времени прошло, а он все попрекает тем, что было и чего не было...— Голос ее задрожал, казалось, Хамида вот-вот расплачется.

Акрам молчал, не зная, что сказать. Почему-то опять вспомнилась Саяра, ее широко открытые, полные ужаса глаза, ее отчаянный крик: «Мало тебе? Бей еще!»

Хамида вытерла слезы и грустно улыбнулась.

— Ну вот. Сказала, что пришла не для того, чтобы жаловаться, а сама жалуюсь. У меня к вам, Акрам-ака, просьба есть. Может, вы слышали, до недавнего времени я работала завклубом и библиотекарем. Мне эта работа нравилась, я к ней привыкла, но меня уволили.

— Кто?

— Кто же еще может уволить, как не председатель!

— Но почему?

— Все началось с того, что муж мой, никого не спросив, обещал выдать мою сестру Шахисту за председательского брата. А я — против, потому что Шахиста не любит Муратджана. Кроме того, я однажды выступила на собрании с критикой Тураба-ака.

— Неужели ты думаешь, что Турабджан мог уволить тебя за критику или за то, что твоя сестра не выходит замуж за его брата?

— Именно так,— вздохнула Хамида.— Особенно ему, конечно, не понравилась моя критика. Понимаете, наш колхоз живет по поговорке: на брюхе шелк, а в брюхе щелк. Воздвигаем всякие дворцы, а сколько-нибудь приличного помещения под детский сад нет. О яслях и говорить нечего. Пойдите в бригады, увидите: все тутовые деревья увешаны люльками. Дети пекутся на солнце. Матери прямо на солнцепеке кормят детей грудью. Дети болеют, у кого дизентерия, у кого рахит...

Хамида взглянула в лицо Акрама, как бы пытаясь понять, какое впечатление произвели на него ее слова, но Акрам стоял, опустив голову.

— Нет, вы не думайте,— сказала Хамида,— я вовсе не против того, чтобы строить дворцы и гостиницы, просто я хотела сказать, нельзя ли начать с другого конца — построить детский сад и ясли, а потом уже и все остальное.

— Почему ты не обратилась в правление или в партбюро?

— В партбюро? — переспросила Хамида. — Там у нас совсем зеленый парень, только недавно на этой должности. Он боится слово поперек сказать председателю. Вы знаете, Тураб-ака всех держит в кулаке. Каждый год колхоз перевыполняет план заготовок хлопка, имеет хорошую прибыль. Председатель он, что и говорить, толковый. Только слишком уж рвется к славе и почестям. Все соревнуется с Хамракулом Турсункуловым. Газету получит, первым делом ищет свою фамилию, а не найдет — полдня ходит мрачный. Обожает принимать иностранные делегации, хочет, чтобы и за границей знали, что есть такой человек — Турабджан Икрамов.

Акрам был взволнован.

— Скажи, пожалуйста, Хамидахон, — начал он, медленно подбирая слова, — что же, по-твоему, случилось с Турабом?

— Откуда мне знать? — вздохнула Хамида. — Слава и не таким, как наш Тураб-ака, голову туманила. До последнего времени я его считала хорошим человеком, думала, он такой, каким был тогда, когда мы вместе... — Она смутилась. — В общем... Я обратилась именно к вам, потому что ваше слово для Турабджана значит многое. Он не посмеет ослушаться вас.

Акрам долго молчал, поглядывая на потупившуюся Хамиду. Вот зачем она его позвала. А он-то думал... Не смешно ли? Весенний тюльпан дважды не расцветает. Лепестки, засушенные между страницами книги, могут только напомнить весну, но не повторить ее.

Ему хотелось обнять Хамиду, успокоить, как сестру, как ребенка.

Хамида по-своему истолковала его молчание.

— Может быть, я сказала что-то не так. Вам не хочется портить отношения с председателем, простите...

— Хамида! — Акрам посмотрел ей в глаза. — Как тебе не стыдно!

Она закрыла лицо руками. Акраму послышались странные звуки. И в ту же секунду он понял, что Хамида плачет.

— Что с тобой? — Он схватил ее за руки, пытаясь заглянуть в лицо.

— Нет! Нет! — Хамида вырвалась и отпрянула. — Простите меня, Акрам-ака, за то, что я плохо о вас подумала. За последнее время я разуверилась в людях. Простите... и спасибо вам, спасибо за все.

Хамида повернулась и побежала вверх по тропинке.

Неужели Турабджан мог дойти до такого — за критику уволить с работы честного человека? Неужто это тот самый Турабджан, который в шестнадцать лет среди своих ровесников слыл не только самым горячим, но и самым справедливым парнем?

Теперь все поведение Турабджана и все слова, сказанные им в эти дни, приобрели для Акрама иное значение.

Если бы Хамида рассказала о ком-нибудь другом, вероятно, Акрам не удивился бы. Не каждый человек может выдержать испытание властью. Многим она вскружила голову, многих сломила. Но Турабджан!.. Тот самый, с которым они когда-то разъезжали на арбе. Несмотря на молодость, а может быть, благодаря ей, Турабджан тогда смело выступал против малейшей несправедливости. А как доставалось от него тогдашнему председателю? В конце концов тому пришлось все же уйти из колхоза. И вот прошло много лет, и сам Турабджан наступает на горло людям, не желающим петь с его голоса.

Акрам долго и беспощадно мысленно ругал Турабджана. И вдруг его поразила мысль. Ты ведь сам не последняя пешка во всем этом деле! В том, что в кишлаке строительство детсада и яслей запланировано в последнюю очередь, виноват не столько Тураб, сколько он, Акрам. Именно Акрам и никто другой подсказал Турабджану, с чего начинать строительство. А когда Зафар критиковал его за излишества и помпезность — он обвинил Зафара в незнании жизни кишлака...

Подойдя к своему дому, Акрам остановился. Домой идти не хотелось, и он, решив еще прогуляться, направился к хлопковому полю. Оно начиналось сразу за садами. Давным-давно, когда Акрам был еще маленьким, оно засевалось клевером. В клевере водилось множество перепелок. Мальчишки и старики беданабазы всегда ставили здесь силки. Потом на поле стали сеять пшеницу, и дети гремели медными тазами и бросали камни, отгоняя прожорливых воробьев. Теперь поле отдали под хлопок.

Акрам постоял над арыком, питающим поле. Тихо журчала вода. Сады и бахча по левому краю лощины слились в одну темную полосу. Залитые лунным светом серебристые тополя были похожи на всадников с пиками, которые скачут неизвестно куда. Все дышало покоем. И даже кладбище, на вершине Гортепы, окруженное могучими карагачами, не вызывало сейчас мрачных мыслей.

Когда-то в этой лощине Акрам с Турабджаном, стреножив лошадей, засыпали мертвым сном, подложив под голову по охалке сена. Сюда же по висячему мостику иногда приходили Хамида и Малохат. Мог ли Акрам представить себе тогда, что у него будет другая жена, а Хамида выйдет замуж за другого!

«Старею, что ли? — рассердился вдруг на себя Акрам. — Говорят, чем человек ближе к старости, тем чаще ему вспоминается юность. А мне еще, кажется, рано жить воспоминаниями».

Идя вдоль широкого арыка, Акрам вскоре увидел заросли туютника с обрубленными верхушками, услышал хлюпанье воды и тут же заметил неясные очертания двух женских фигур.

— Вай! — неожиданно вскрикнула одна из женщин и, спотыкаясь, побежала по грядке.

Другая кинулась следом за первой.

— Что там случилось? — донесся из темноты знакомый спокойный голос. Это был голос Дяди.

— Там... там... — испуганно заговорила одна из женщин. — Там кто-то ходит.

— Ну и что? — сказал Дядя. — Зачем панику подняли? Может, бригадир или председатель проверяют, не затопило ли грядки. — Он прислушался. — Кто там?

— Это я, Дядя, — успокоил Акрам.

— А, Акрам, — обрадовался старик. — Что это ты по ночам бродишь, людей пугаешь?

— Прогуляться решил.

— Прогуляться? А я подумал, что ты нам помочь собираешься. Доченьки, — крикнул он в темноту, — примете мощника?

В темноте раздался тихий смех, но девушки не вышли, продолжая прятаться в тутовнике.

Акрам удивленно спросил:

— Неужели до сих пор девушки работают поливальщицами?

— Как видишь.

— Я помню, во время войны женщины тоже этим занимались, но тогда было все же другое дело. Есть же мужчины.

— Есть, да не очень, — сказал Дядя. — Мужчины нынче ищут, чтоб работа была не пыльная, но денежная, а у нас... Правда, толкуют, будто цену на хлопок должны повысить. Тогда, может быть, вернуться к нам и мужчины. А пока... — Дядя хитро посмотрел на Акрама. — Сидеть у себя в кабинете и перебирать бумажки приятней, чем махать кетменем или пасти овец.

Акрам улыбнулся.

— Ну что ж, Дядя, вы меня почти убедили. Бросаю свою архитектуру и перехожу в пастухи. Могу и кетменем поработать. Есть лишний?

— Зачем лишний? Могу тебе свой одолжить. Обойди грядки с той стороны, укрепи дерн, чтобы вода не снесла. Да возьми мой чапан, — добавил он насмешливо, — а то как бы не замарался.

Акрам снял туфли, подвернул брюки выше колен, а поверх рубашки надел старый, пропитанный потом Дядин чапан. Ступил в арык. Ледяная вода словно иглами пронзила босые ноги. Захотелось тут же выскочить из нее, но Акрам удержался и пошел дальше.

— Эй, гляди, насморк не прихвати! — крикнул ему Дядя.

— Ничего, — отозвался Акрам, — будет повод отдохнуть в больнице.

Вода была искусно распределена по грядкам, дерн уложен аккуратно, только в двух местах его немного подмыло. Акрам подправил его и пошел обратно, чувствуя дрожь во всем теле. Дядя за это время успел обойти поле и теперь мыл руки в арыке.

— Ну, как дела, поливальщик? — встретил он Акрама веселым вопросом.

— Дела идут, контора пишет, — попробовал отшутиться Акрам.

— Да у тебя, я смотрю, зуб на зуб не попадает, — удивился Дядя. — Потомственный дехканин, а выглядишь как мокрая курица. Вот что, парень, беги-ка скорей домой, к тандыру, и обогрейся. А то, не дай бог, что случится, скажут — загубил большого ученого.

Самолюбие заговорило в Акраме.

— Нет, Дядя, пожалуй, я не уйду. Переночую здесь с вами, а утром потягаемся и посмотрим, кто из нас лучший поливальщик.

— Значит, заговорила в жилах дехканская кровь, — удовлетворенно отметил Дядя. — В таком случае — вон под шелковицей ватное одеяло и сено. Будь как дома. Себе я постелю овчину и укуроюсь чапаяном. Если хочешь есть, в платке лепешки, в арыке горшок с супом. А я, пожалуй, уж лягу. Был у меня к тебе большой разговор, да ладно, в другой раз. Ты к нам надолго?

— Пару дней еще поживу, — сказал Акрам.

— Недолгий гость. А почему бы тебе не пожить недельку-другую? Родственники у тебя здесь... помянул бы умерших. Родными местами не брезгуй, они тебе еще пригодятся. Не зря говорится: «Куда бы конь ни удрал, все равно к своему стойлу вернется».

В темноте Дядя нашарил овчину, расстелил ее и вернулся в чапан. «Слава тебе, аллах, ниспославший нам этот спокойный день!» — слышалось его бормотанье.

Когда Акрам, умывшись в арыке, вернулся, Дядя уже мирно посапывал. Акрам нашел в узелке две лепешки, принес из арыка горшок с похлебкой и, как в детстве, предвкушая удовольствие, поднес его к пересохшим губам. Но есть не смог — от похлебки с айраном шел неприятный запах, наверное, она прокисла, а лепешки были тверды, как камень.

Акрам расправил сено, лег и накрылся одеялом. И опять почувствовал, что совсем отвык от этой жизни. В юности он засыпал мгновенно, стоило только опусть на землю, а сейчас сон не приходил. Акрам лежал на спине и широко открытыми глазами глядел в небо, полное мерцающих звезд. В тишине торопливо журчала в арыке вода, изредка доносилось от плотины кваканье лягушек.

Было жестко, мешали кочки под сеном, затекла рука, потом показалось, что кусаются блохи.

Чуть в стороне безмятежно посапывал Дядя. Счастливый человек! Разменял седьмой десяток, а до сих пор бодр, полон сил. И отчего бы ему стареть? Никаких ненужных забот, никаких мучительных мыслей, которые так терзают душу. Было бы что есть и на чем спать, и он доволен.

Акрам вспомнил недавний спор в молодежном кафе. Для многих, в том числе и для него самого, как бы ни улучшалась жизнь, казалось, все мало. А вот рядом с ним спит человек, который довольствуется самым необходимым. Кто прав? Какой из этих двух взглядов на жизнь вернее? Справедливо ли заставлять всех жить так, как живет Дядя? Справедливо ли идеализировать его жизнь? И вообще, можно ли навязывать людям жизнь, им совершенно чуждую?

Акрам плотно закутался в одеяло и повернулся на другой бок.

В ту ночь он видел странный сон. Будто в лощине возле плотины кто-то справляет свадьбу. Народу видимо-невидимо. Гремит дойра, режут карнаи, сурнаи. Певцы во весь голос распевают веселые песни, и отовсюду доносятся крики: «Яшанг!», «Улманг!», «Дод!» Кто-то разжег огромный костер. Его пламя слепит глаза. Жара такая, что нечем дышать. Акрам пытается отойти в сторону, как вдруг откуда-то появляется Саяра. Она ведет за руку дочку Назиру. Девочка кричит: «Папочка! Папочка, где же ты, я хочу к тебе!» Она вырывается из рук матери навстречу Акраму. У Саяры искажено злобой лицо: «Не смей называть его папочкой!» И, размахнувшись, она бьет Назиру по щеке.

Акрам бросается к ним, но Саяра с дочерью вдруг исчезают за плотиной.

Акрам проснулся в поту. Солнце поднялось уже над тополями, и его горячие лучи били прямо в глаза. Где-то недалеко слышался детский плач.

Акрам отбросил одеяло и приподнялся на локте. Картина, которую он увидел, изумила его: ветки тутовника были увешаны детскими люльками, как новогодняя елка игрушками. Дети кричали на все голоса. «Вот они, карнаи, которые мне снились», — усмехнулся Акрам.

Смуглая до черноты, сухощавая старуха не спеша разжигала огонь под большим баком с водой. Неподалеку от нее троечетверо женщин, прикрывшись платками, кормили грудью детей.

Заметив, что Акрам проснулся, старуха оставила бак, подошла к люлькам и стала их раскачивать по очереди. Некоторые женщины отвернулись, другие прикрыли лица ладонями, но Акрам видел, что они тайком продолжают за ним наблюдать.

Он подошел к старухе.

— Скажите, а нельзя ли перенести эти люльки на полевой стан?

Даже не взглянув на него, старуха зло проворчала:

— А что там им делать, на полевом стане? Здесь удобнее, и к матерям поближе.

Акрам посмотрел на женщин, но только одна из них, самая молодая, дерзко встретила его взгляд. В ее глазах Акрам про-

читал явную насмешку. «Много вас тут таких было,— говорили ее глаза,— а как вешали люльки на деревья, так вешают и до сих пор».

— Где ваш бригадир?

— А где же ему быть, как не на полевом стане? — усмехнулась молодая женщина.— Лежит, наверное, на террасе, несчастный, мучается. Мухи заели, а отогнать некому.

Женщины засмеялись. Акрам не ответил на шутку и пошел к полевому стану.

Позади себя он услышал голос молодой женщины. Видимо, считая, что Акрам отошел достаточно далеко и не слышит ее, она сказала:

— Еще один проверяльщик на наши головы. Выспался под ватным одеялом, теперь ходит в скрипучих ботинках и шелковой рубахе, бригадира ищет.

— Наверное, какой-нибудь уполномоченный из района,— отозвалась другая.

— Какой там уполномоченный. Это же сын тети Махиры. Говорят, большой ученый.

— Много теперь ученых развелось!

Акрам усмехнулся. Языкастые!

Он уже был совсем близко от полевого стана, когда оттуда вышел Дядя с кетменем через плечо. За ним показался высокий красивый мужчина со смуглым, темным лицом и тонкими усиками. Одет он был не по-рабочему: пестрая шелковая рубаха, соломенная шляпа и блестящие хромовые сапоги. Только пройдя еще несколько шагов, Акрам узнал Садыквою. Увидев Акрама, Садыквой нахмурился, но тут же, изобразив на лице приветливую улыбку, приподнял шляпу.

— Рад видеть вас, уважаемый.

Дядя весело рассмеялся.

— Ну как, ученый, отогрелся после вчерашнего? Больше нет желания поливать хлопок?

— Отчего же? — улыбнулся Акрам.— Я собирался потягаться с вами и от своих слов не отказываюсь.

Он пожал руки Дяде и Садыквою. Рука у Садыквой была большая и сильная, он сжал пальцы Акрама, словно тисками, и еще раз повторил:

— Рад видеть вас, домулла, спасибо, что осчастливили своим приходом.

Уловив в его словах иронию, Акрам отшутился:

— Для того и пришел, чтобы осчастливить.

Садыквой рассмеялся.

— А вам, домулла, палец в рот не клади.

Садыквой пригласил Акрама осмотреть полевой стан. Акрам согласился. Они шли рядом. В тени тутовника, у арыка, протекавшего посреди небольшого зеленого садика, двое поваров варили в казане шурпу. Здесь же кипели два огромных, в рост человека, самовара. Заметив приближавшихся Акрама

и Садыквоя, повара оторвались от своих дел и застыли в полупоклоне. Садыквой ответил им небрежным кивком и бросил на ходу:

— Кок-чаю!

В конце сада стоял домик с двумя дверями. Садыквой толкнул правую дверь и посторонился, пропуская Акрама. Войдя в комнату, Акрам остановился, пораженный. Это была просторная квадратная комната с большими окнами, обращенными к долине. Но не размеры комнаты поразили Акрама, а то, с какой роскошью она была убрана. Стены и пол покрыты коврами, на полу поверх ковра лежали атласные одеяла, а маленький столик — хан-тахта, стоявший посередине, буквально ломился от фруктов и сладостей, как будто здесь давно ожидали каких-то очень важных гостей.

Садыквой не спеша повесил шляпу на вешалку и распахнул окно. Свежий ветерок качнул шелковые занавески.

— Проходите, пожалуйста, сюда садитесь, на почетное место,— пригласил Садыквой. Приглаживая густые, черные как смоль волосы, он присел на корточки и, посмотрев сквозь раскрытую дверь в садик, кивнул кому-то головой.

Тут же в комнату вошел Дядя, а за ним повар с грудой пышущих жаром лепешек.

— Чтоб шурпа была как шурпа,— сказал Садыквой, беря лепешки из рук повара.— Не ударь в грязь лицом перед почетным гостем. Понял?

— Понял,— торопливо кивнул повар.

Акрам посмотрел в окно и увидел хлопковое поле, женщин, мерно взмахивающих кетменями, и люльки, развешанные на ветвях тутовника. Ему не хотелось сейчас обострять отношения с Садыквоем, но, увидев люльки, он не сдержался:

— Коли нет яслей... Разве нельзя перенести эти люльки сюда, к полевому стану?

— О каких люльках вы говорите? — Садыквой сделал удивленное лицо.— Ах, об этих.— Он улыбнулся.— А зачем их, собственно говоря, переносить? Там тенисто и прохладно.

— Думаю, не прохладнее, чем здесь,— холодно ответил Акрам.— Дети лежат в пыли, обжигаются на солнце, многие из них нездоровы.

— Все же там им лучше,— мягко, но настойчиво сказал Садыквой, как бы давая понять Акраму, что он хотя и почетный, но все-таки гость, а хозяин здесь Садыквой.— Кроме того, так удобнее матерям,— добавил он.

— Почему же?

— Потому что кормящие женщины избавлены от необходимости бегать туда-сюда. Заплачет ребенок — мать тут как тут. Накормит его и снова продолжает работу. Да и сами женщины так привыкли. Попробуйте перенести люльки, они начнут жаловаться, до самого секретаря обкома дойдут.

Акрам внутренне взорвался.

— Вы сначала освободите для детей эти комнаты, а потом я посмотрю, будут ли женщины писать жалобы.

— Вы, оказывается, очень любите детей, домулла,— прищурился Садыквой. Он еще пытался сохранить на своем лице выражение почтения, но глаза его уже говорили другое.

— Дорогой Акрамджан,— неожиданно вмешался Дядя.— Ты говоришь вещи правильные. Женщинам тяжело. Но для того чтобы им было легче, надо не люльки переносить с места на место, а вообще освободить женщин от кетменя. Даже в старое время, хотя и трудно жилось дехканину, женщина никогда не работала кетменем. Она сидела дома, ухаживала за детьми, доила коров и готовила мужу обед.

«Молодец старик»,— подумал Акрам.

— Зачем говорить о прошлом? — поморщился Садыквой.

— Чтобы лучше понять настоящее,— улыбнулся Дядя.

— Ах, Дядя,— покачал головой Садыквой.— Лишние слова говорите. Если бы это были не вы, я бы на эти слова ответил.

— А ты не стесняйся,— разрешил Дядя.— Можешь ответить и мне. Я не обидчивый, стерплю.

— Ну что ж...— Глаза Садыквой мстительно блеснули.— Если разрешаете, скажу. В последнее время вы так заботитесь о женщинах, что, сдается мне, забываете о своем преклонном возрасте.

— Неужели? — притворно удивился старик.— Вот уж не думал. Но все же, мне кажется, что лучше старику говорить по-молодому, чем молодому думать по-стариковски. Подумай над этим, сынок.

Дядя вышел. Акрам расхохотался. Садыквой вежливо улыбнулся, но тут же ладонью стер с лица улыбку.

— У старика острый язык,— сказал он с грустью.— Но одним языком жизнь не поправишь. Собирается освободить женщин от кетменя и не замечает, что случилось с его родной дочерью Шахистой.

— Что же с ней такое случилось?

— Вы, ака, знаете это не хуже меня. Мое мнение — женщину надобно держать в узде.

— То-то я вижу, как вы держите в узде Хамиду! — неожиданно вырвалось у Акрама.

Потом он себя много раз ругал за эти слова.

Садыквой потемнел лицом.

— Вот что, уважаемый домулла,— сказал он, медленно выговаривая слова.— Вы, конечно, человек ученый и живете по другим законам, но будь вы хоть трижды ученым и мудрецом из мудрецов, я не позволю вам вмешиваться в мои семейные дела. Возьмите сначала в руки свою жену, а потом поучайте других.

Акрам смутился.

— Я не хотел вмешиваться в ваши семейные дела, я только...

— Спасибо за совет,— наклонил голову Садыквой.— Но ваши советы для нас не подходят. В прошлом году мы с председателем приезжали к вам и имели удовольствие наблюдать, как некоторые мужчины распускают своих жен. Если на то пошло, я бы на вашем месте...

— Хватит! — резко оборвал Акрам.

Он стремительно встал и, пинком отворив дверь, вышел наружу.

Весь этот день Акрама одолевали противоречивые мысли и чувства. Он опять побывал во Дворце культуры и сходил на площадку, где строились здания правления и гостиницы. Потом долго сидел в председательском кабинете перед макетом генплана. Он твердо решил поговорить с Турабджаном и убедить его, приостановив строительство правления и гостиницы, возвести прежде детский сад и ясли. И вообще пересмотреть весь генплан. Но Турабджана не было, он с утра уехал в район. Не дождавшись, Акрам вышел на улицу и, повинуясь какому-то неуловимому внутреннему чувству, снова пошел к Гортепе.

Странно, но почему-то именно после встречи с Садыквоём Акрам не находил себе места. Хотелось тут же уехать, увидеться с Саярой и поговорить с ней обо всем. Если бы не проект, он бы уехал отсюда немедленно.

Встреча с Садыквоём перевернула в нем многое. От того приподнятого настроения, которое было у него в день открытия дворца, не осталось и следа. В самом деле, взялся за строительство роскошных зданий, забыв о том, что люди в первую очередь нуждаются в самом необходимом. К чему здесь это великолепие? Все равно что украсить плохо одетого человека брильянтами, вместо того чтобы дать ему хотя бы какую-нибудь одежонку. Зафар, видимо, все-таки прав. Надо строить здания не помпезные, а красивые, удобные, а главное — дешевые. И это не мода, а требование времени. Уже сейчас во многих колхозах поддерживают проекты Зафара. А какое будущее ждет проект Акрама? Да, он думал подчинить генплан поселка представлениям и вкусам жителей кишлака, а не города, но объективно получилось так, что он равнялся на вкус Садыквой и таких, как Садыквой.

Мысли его прервало тарахтение мотора. Справа, из-за карагачей, выскочил мотоцикл и, обдав Акрама запахом бензиновой гари, на бешеной скорости понесся вниз, к лощине. Позади парня сидела девушка, обхватив его руками за талию, и громко хохотала. Ветер развевал ее волосы и поднимал вверх короткое платье. Увидев Акрама, девушка хотела поправить подол, но чуть не свалилась и, снова вцепившись в парня двумя руками, еще громче захохотала. Они, как два черта, появились перед Акрамом и тут же исчезли, оставив за собой облако пыли и медленно исчезающий запах дыма.

«Вот уже и такое можно увидеть возле Гортепы»,— невольно подумал Акрам.

Лет пятнадцать назад такая картина была бы немыслима в здешних местах. И не только в здешних. В начале пятидесятых годов, когда Акрам поступил в институт, на их курсе было всего лишь две девушки-узбечки. В те времена далеко не каждая девушка могла решиться пойти в ресторан, веселиться и танцевать в компании мужчин. Пятнадцать лет не такой уж большой срок, а многое изменилось. И, пожалуй, ему, Акраму, надо теперь подумать, как жить дальше.

Вновь и вновь он мысленно возвращался к своему проекту. Если бы он мог начать все сызнова! Неужели были напрасны все его бессонные ночи? Отказаться от проектов — значит перечеркнуть какую-то часть своей жизни, признать свое поражение. Допустим, он даже на это решится. Но какой шум поднимется в институте! Ведь правильно поймет его далеко не каждый. Будь он рядовым архитектором, еще так-сяк. Но он руководитель большой мастерской. У него есть подчиненные, ученики и последователи — его школа. Значит, ему надо перечеркнуть не только свою работу. А поймут ли они, согласятся ли? Наверняка найдутся такие, которые назовут его ренегатом. Только вчера выступал против Зафара, а сегодня идет к нему же на поклон. И поверит ли Зафар искренности своего недавнего противника?

«Глупости,— прервал он себя сердито.— Не с того конца начинаю узел распутывать. Почему меня так заботит, кто что думает? В первую очередь я должен решить все для себя».

Кишлак теперь был далеко внизу. На Гортепе сады не жились в лучах нежаркого горного солнца, и ряды джиды казались окутанными тончайшими белыми кружевами. В воздухе стоял крепкий запах кисловатых горных яблок и маленьких дынь-скороспелок. Акрам долго разглядывал сады, бахчи, хлопковое поле и грядки, которые отсюда, сверху, были похожи на стеганый ватник. А в душе опять скребли кошки, и вчерашняя тоска поднималась с новой силой, затопляя все его существо. Он думал о том, что пошел по неверному пути, цеплялся за него и сам осложнил свою жизнь. Может быть, он просто взялся не за свое дело? В таком случае, не лучше ли быть простым арбакешем или работать с Дядей на поливке хлопчатника? Да, у него есть работа, довольно заметное положение в обществе, обеспеченная жизнь... Но сейчас Акраму казалось, что он может, не колеблясь, сменить все это на трудную, но простую, без суеты, жизнь своих земляков. Ведь это так достижимо. Вон зеркально блестит та самая плотина. Как в детстве. Вон, возле мельницы, стоит тот же белый тополь. Как в детстве. Вон та самая джидовая роща, где они с Турабджаном треножили лошадей. Все как будто на месте и все-таки не то. И Акрам понял, что он пытается обмануть самого себя, что свою теперешнюю жизнь он уже никогда не обменяет на эту. В один миг он понял, что его воспоминания о прошлом навеяны

сожалением об ушедшей молодости. Ему выпала иная дорога, и, как бы ни было трудно, надо идти по ней дальше. Возврата к прошлому нет.

Турабджан встретил Акрама шумно.

— А мы уж здесь объявили всесоюзный розыск и подняли на ноги всю милицию. Куда запропал? Или отыскал какую-нибудь молодую вдову?

Довольный своей шуткой, Турабджан засмеялся. Акрам тоже улыбнулся.

— Голодной курице просо снится. Я слышал, что здесь есть более опытные специалисты по молодым вдовам.

— Один-ноль в пользу «Пахтакора»,— развел руками Турабджан.— Ладно, шутки в сторону. Собирайся, поедем в гости.

— К кому?

— К одному приятелю.— Турабджан стал убирать со стола бумаги и укладывать их в ящик.— Устал как собака. Был в районе. Опять бюро, опять взбучка. Надоело до чертиков. Поедем, немножко развеемся. Не бойся, не пожалеешь. Отличное местечко.

— У вдовушки?

— О аллах, спаси и помилуй заблудшего раба твоего. Спаси меня, боже, от моих друзей, а от врагов я и сам отобьюсь.

— При этом главное — не перепутать, где враги, где друзья,— улыбнулся Акрам.— Погоди. К вдовушкам мы успеем, а пока поговорим немного о деле.

— О деле потом. Завтра на правлении будут обсуждать генплан, там самое место говорить о деле.

— Нет, я хотел бы поговорить сейчас,— стоял на своем Акрам.

— Ну, если ты настаиваешь...— Турабджан закрыл ящик стола и подсел к Акраму.— Для начала советую тебе подумать вот о чем. Как ни печально, придется, видно, приостановить строительство правления и гостиницы, вернее, перестроить их под детский сад и ясли. Я буду говорить об этом завтра на правлении. Ну как, ошеломил? Что годилось вчера, не годится сегодня. Еще два года назад люди требовали в первую очередь строить клубы, гостиницы и магазины, а сегодня они хотят, чтобы строили ясли и детский сад. Вот и пойми их! Хотя в общем-то они правы. Тяжелая работа у наших женщин. Они заслуживают того, чтобы им были созданы приличные условия. Я подумал об этом и решил, что с гостиницей и зданием правления можно подождать.

Акрам удивился.

— Сам решил или это и есть результат взбучки?

— Сам решил... в результате взбучки. Словом, придется тебе малость потрудиться.

— Ну что ж, за эти поправки я возьмусь с радостью,— сказал Акрам.— Только ответь мне по возможности откровенно.

— О чем ты?

— Почему, когда эти же очевидные вещи тебе говорила Хамида, ты был против?

Слово «Хамида» подействовало на Турабджана как удар кнута. Он вскочил и нервно зашагал по кабинету.

— Значит, не зря говорят — старая любовь не ржавеет, — колко заметил он.

— Перестань. Я говорю тебе об этом как другу.

— И я тебе скажу как другу: очень жаль, что я до сих пор не выгнал твою Хамиду из колхоза.

— Она не моя.

— Все равно. Твоя или не твоя, она только тем и занимается, что мутит воду. И вообще это бабье...

— Ого, уже бабье! Ты же только что говорил, что женщинам надо помочь.

— Во всяком случае, не тем, у кого язык длиннее ума. Пускай она думает обо мне все, что угодно, это ее личное дело. Но скажи мне, зачем она на каждом перекрестке кричит, что председатель — твердолобый истукан и консерватор?

— А что же, председателя и покритиковать нельзя?

— Критикуют, и еще как! — выкрикнул Турабджан. — У меня критика вот уже где сидит. — Он похлопал себя по холке. — Председатель стал для всех козлом отпущения. Все валят на председателя. Выдалось засушливое лето — виноват председатель. Дождливое лето — опять виноват председатель. В газете, чтобы публику посмешить фельетоном, пишут о ком? О председателе. О ком комедии сочиняют — опять о председателе. Председатель — и консерватор, и бюрократ, и зажимщик критики... Поработай пару недель на моем месте, узнаешь, что такое председатель.

Акрам сдвинул брови.

— Занимать твое место не собираюсь, знаю, что работа у тебя не из легких, но при этом вовсе не обязательно вымещать зло на других.

— Да что я такого сделал?

— Я тебе скажу — что, из-за того, что тебя покритиковали, и не так уж несправедливо, уволил с работы женщину... По-дожди, не перебивай. Мне тоже несладко живется. Я многое напутал в жизни. Но ты... Помнишь, во время войны был у нас председатель... забыл фамилию...

— Ну и что?

— Ничего, мне просто вспомнился один случай. Старушка после жатвы собирала колоски. Делала она это не от хорошей жизни. А мимо ехал председатель верхом и замахнулся на старушку плетью. Тогда один мальчишка бросился под председательского коня и выхватил плеть. Мальчишку этого звали Турабджан Икрамов.

Турабджан нахмурился.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, как странно меняются люди. Если бы тот Турабджан встретил нынешнего, пожалуй, им трудно было бы понять друг друга. Отчего ты так загордился, нынешний Турабджан? Оттого, что поднял колхоз? Но разве ты один его поднимал? Почему же ты топчешь людей, которые вместе с тобой делили все трудности?

— Если ты имеешь в виду свою бывшую любовь, пусть поменьше треплет языком.

— Ах, Турабджан,— покачал головой Акрам.— Ты забыл поговорку, что друг бранит, а недруг льстит. Видно, успех слишком вскружил тебе голову.

Турабджан опустил на диван и сжал ладонями виски.

— Ты многого не знаешь,— тихо сказал он.— Ты ничего не знаешь, Акрам.

— Может быть, я ничего не знаю, но многое вижу,— возразил Акрам.

— Перестань, я тебя прошу! — Турабджан поморщился как от зубной боли.— Есть хочу как собака. С утра не было во рту ни крошки. Да еще в райкоме устроили сегодня такую головомойку, что пронеси и помилуй. И теперь ты бьешь лежачего. Если у тебя есть еще ко мне претензии, поедем туда, куда я тебя зову, а там уж добьешь на месте.

Акрам посмотрел на его усталое лицо, на провалившиеся глаза и кивнул головой.

— Ладно, поехали.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Сквозь сон Саяра чувствовала, что чья-то рука гладит ее лицо и тихо, кончиками пальцев, проводит по прядям волос. Рука маленькая, нежная и ласковая. Саяре показалось, что это ее дочь, и она рассмеялась. Ей захотелось обнять и поцеловать Назиру. Она открыла глаза и тут же зажмурилась: из открытого окна прямо в лицо били шелковые теплые лучи солнца.

Никого! Просто приятный сон. Ей не хотелось вставать, и она долго лежала, потягиваясь на мягкой постели. Она имела на это право: вчера был сдан последний государственный экзамен.

Закрыв глаза, лежала Саяра на постели и улыбалась. Как хорошо быть молодой, здоровой и сильной, как хорошо сознавать, что институт позади, а впереди — отдых и только те дела, которые она сама выберет!

Сейчас она пойдет на киностудию, а вечером, если пожелает, на вечеринку однокурсников. Какое счастье распорядиться собой и своим временем! Пусть семейная жизнь не получилась. И не надо! Хватит, она сыта по горло. Семь лет бесконечных хлопот по хозяйству, семь лет возни на кухне. Постоянные

заботы о большом ребенке Акраме, сцены ревности и регулярные стычки из-за мелких неурядиц в быту.

Мысли Саяры прервал голос отца, донесшийся со двора. Абид Юнусович, должно быть, умывал Назиру, потому что слышно было его добродушное ворчанье:

— Не шали, Назира, стой смирно, а то вся обольешься. Шалунья ты эдакая, долго еще будешь издеваться над дедом!

Саяра встала и подошла к зеркалу. Волосы ее были не убраны и падали до пояса. Получилась самая модная прическа. Саяра повернула голову вправо, потом влево. Сделала обиженное лицо. Улыбнулась ослепительно. Придала лицу высокомерное выражение. Протянула руку для поцелуя. Из зеркала на Саяру смотрела очаровательная молодая женщина. Настоящая актриса. Недаром такой талантливый режиссер, как Шавкатджан, пригласил ее на главную роль! Недаром предпочел ее даже профессиональным актрисам! Как жаль, что в юности Саяра не знала цену своей красоте. Вот результат этой глупости — брак с человеком, который не может оценить ее по заслугам, ребенок, который будет расти без отца...

Ну, да ладно! Зачем столько переживать из-за прошлых ошибок? Лучше подумать о будущем, тем более что сейчас оно, кажется, улыбается ей. Диплом врача! А с ним доступно многое...

А что касается мужа, бог с ним. Не так уж велика потеря.

Саяра еще раз улыбнулась своему отражению в зеркале и вышла из комнаты.

На столе под виноградным навесом кипел самовар. Мать Саяры, Мавжуда-хола, кормила внучку из ложечки, а отец в пижаме, напялив на нос очки, просматривал свежие газеты.

Четырехлетняя Назира вырвалась из рук бабушки, кинулась к матери и повисла у нее на шее.

— Мама,— сказала она,— а правда, что люди, которые не едят вареную тыкву, навсегда остаются маленькими?

— Правда, правда,— рассеянно улыбнулась Саяра и, поцеловав дочь, снова водворила ее на бабушкины колени.

Абид Юнусович кивнул дочери и подвинулся.

— А мы уже позавтракали,— сказал он.— Решили тебя не дожидаться.

Он перевернул газету, пробежал глазами спортивные заметки, несколько дольше задержался на программе телевидения и прогнозе погоды. Потом отложил газету в сторону, встал и внимательно посмотрел на Саяру.

— Дочка, я ухожу. Мама передаст сейчас тебе одно письмо. Как ты к нему отнесешься, дело твое. Я ни на чем не настаиваю, но прошу тебя об одном: прежде чем принять окончательное решение, подумай.

Отец ушел. Мать, подождав немного, вынула из-под скатерти конверт и протянула Саяре.

— От Акрамджана,— сказала она значительно.

— Акрамджан! Акрамджан! — захлопала в ладоши Назира.— Мой папа — Акрамджан!

— Не болтай за столом,— сказала Саяра, вскрывая конверт.

— Акрамджан — мой папа, мамин муж и бабушкин дедушка,— не унималась Назира и сама засмеялась, довольная собственной сообразительностью.

— Сиди смирно! — прикрикнула на нее Саяра.

«Саяра! — увидела она крупные, так знакомо падающие влево буквы, что невольно сжалось сердце.— Саяра! Вот уже неделя, как я вернулся из кишлака. Там, в кишлаке, я много думал о нашей с тобой жизни. Я перед тобой виноват. Я часто бывал к тебе несправедлив, слишком мало уделял внимания. Особенно тяжело вспоминать последний случай. В письме всего не напишешь, поэтому прошу тебя: давай встретимся, поговорим по душам, как это бывало раньше, когда мы ссорились. Время и место встречи зависят от тебя.

Я бы пришел сам, но неловко перед отцом. Жду ответа. Акрам».

Саяра представила лицо Акрама, на минуту даже услышала его глуховатый голос. «Я виноват перед тобой... Особенно тяжело вспоминать последний случай». Каждый раз после семейных ссор стоило Саяре увидеть по-детски виноватые глаза мужа, какую-то беззащитность на его лице,— она забывала все свои обиды и готова была броситься в его объятия. Но сейчас почему-то вспомнился именно «последний случай» — сцена в кафе, безобразное ее продолжение здесь, в присутствии отца. Нет, примирение невозможно.

Саяра сложила письмо и встала.

— У меня сегодня много дел, мама, я ухожу.

Мать вопросительно посмотрела на дочь.

— А что пишет твой муж?

— Что он может написать,— сдержанно улыбнулась Саяра.— Кажется, спохватился.

— А ты?

— Я? — Саяра поморщилась.— А что я?

— Просто хочется знать, что ты собираешься ответить ему.

— Ах, мама,— раздраженно отмахнулась Саяра.— У меня сейчас нет ни времени, ни желания думать обо всем этом.

Мавжуда-хола печально взглянула на дочь и тяжело вздохнула. Она очень переживала разлад Саяры с мужем. Когда-то она была против этого брака. Ей не нравились в Акраме его простота, кажущаяся ей неотесанностью, вспыльчивость, резкость. Но сейчас, когда дело зашло так далеко, она испугалась. Кто знает, сумеет ли Саяра устроить свою жизнь, найти человека по душе? И потом ребенок, Назира...

— А что я скажу отцу, доченька? — схитрила мать.

— С папой я поговорю сама,— решительно сказала Саяра. И, как бы давая понять, что разговор окончен, отодвинула недопитый чай и пошла в дом одеваться.

Саяре всегда казалось, что работа в кино — это не работа в истинном значении этого слова, а интересная увлекательная игра. Первое знакомство с киношниками не изменило ее представления.

Утром, придя к проходной, она увидела автобус, на котором было написано: «Киностудия». В автобусе сидели Шавкатджан, Нилуфар и еще с десятков девушек и молодых людей. Все они были модно одеты: девушки в брюках и темных очках, парни в белоснежных рубашках, и почему-то все, как один, бородатые. В подражание своему режиссеру, что ли? Саяру встретили, как старую знакомую, приветливыми улыбками, шутками, остроумиями. Шавкатджан усадил ее рядом с собой и крикнул шоферу: — Поехали!

Шофер включил скорость. За автобусом двинулись две странные машины с не менее странными названиями «Тонваген» и «Лихтваген», как объяснили Саяре, — машины для звукозаписи и освещения. Саяре казалось, что она стала вдруг центром всеобщего внимания: прохожие, умирая от любопытства, вытягивали шеи, чтобы разглядеть ее получше, то же делали и шоферы встречных и попутных машин, но уже с некоторым риском для жизни. Поставые отдавали ей честь. Саяре стало весело.

Автобус выехал из города и полетел по гладкому шоссе. Не отставали от него и «Тонваген» — «Лихтваген». Так, на полной скорости и влетели они в кишлак, где была намечена съемка. Сидевшие на задних местах музыканты спохватились, и выставив в окна карнай и сурнай, грянули веселую песню. Из ворот домов, из-за дувалов высыпали жители кишлака. Ребятишки бежали рядом с автобусом, размахивая руками и что-то выкрикивая.

Машина остановилась около конторы. Приехавших встретили директор картины и председатель колхоза. Председатель пригласил дорогих гостей в колхозный сад. В саду, у водоема, их ждало угощение: в огромном казане, распространяя вокруг божественный запах, варился плов, шумно кипели самовары. Именно в этом саду Шавкатджан и предлагал снять сегодняшний эпизод: сбор яблок и встречу влюбленных.

Гости выпили только по пиале чаю. Остальное, несмотря на уговоры председателя, перенесли на вечер.

— Мы сюда приехали не отдыхать, а работать, — пояснил Шавкатджан. — Тем более сейчас самое хорошее освещение.

Пока операторы налаживали аппаратуру, подошли местные девушки, которые должны были участвовать в массовке, Шавкатджан позвал к себе Саяру и Нилуфар:

— Посмотрите-ка на них. Вы должны выглядеть точно так же. Идите к гримерам, пусть они вам помогут.

Шавкатджан не ошибся в своем выборе: превратить Саяру в молодую девушку из кишлака оказалось совсем не трудно.

Парикмахер сплел ее мягкие каштановые волосы в две длинные косы, гримеры подкрасили брови, подвели сурьмой глаза, набросили на голову белый шелковый платок — и произошло чудо. Городской девушки, профессорской дочки Саяры как не бывало. Из зеркала на Саяру смотрела миловидная, похожая на нее, но совершенно другая женщина. Шавкатджан был вне себя от восторга.

— Ну что? — Он чуть не прыгал от радости. — Я же говорил, что это ваша роль! И я оказался прав. Советую вам всегда слушаться старших. А теперь за дело. Возьмите сценарий и повторите вашу роль в сегодняшней сцене.

Сценарий понравился Саяре с первого же чтения. Тема его была близка ей... Кишлак. Кишлак у горы. Молодая женщина, героиня фильма, подавлена обстановкой в своей семье. Муж ее ревнив, груб, деспотичен. В собственном доме она чувствует себя одиноко. В героиню влюбляется молодой инженер, приехавший в кишлак. Постепенно и она начинает понимать, что любит его, хотя до последней минуты страшится этого чувства, не признается в нем даже самой себе. Наконец, поборов все сомнения, она решает порвать со старой жизнью. Но на ее пути встают непреодолимые препятствия: муж, родня, древние нравы и обычаи, оказывающиеся сильнее ее. У героини не хватает сил для борьбы.

Многое в сценарии напоминало Саяре ее собственную судьбу.

«Вот это про меня, — думала Саяра, читая сценарий, — и это тоже у нас было. Эта женщина — я, а ее своенравный муж — Акрам».

Сегодня в колхозном саду предстояли съемки очень ответственной сцены — первого свидания героев. Инженера должен был играть молодой грузинский актер, не очень, правда, похожий на узбека, но зато, как говорили, очень талантливый. Красивый, высокий, статный такой, каким и должен быть киногерой, исполнитель главной роли прогуливался сейчас в глубине сада с Нилуфар. Саяра уже несколько раз перехватывала его внимательный, изучающий взгляд. Никто до сих пор не догадался их познакомить, и им оставалось только рассматривать друг друга издали.

Наконец все приготовления были закончены. Шавкатджан, с рупором в руках расхаживающий по площадке, пригласил Саяру и грузинского актера в виноградник. Знакомя их, режиссер пошутил:

— Смотрите, не переиграйте и не влюбитесь по-настоящему. Любовь мешает работе.

Пока актеры репетировали свои роли, а операторы налаживали технику, выплывшие из-за гор облака заслонили солнце. Снимать было невозможно — пришлось ждать. Ждали солнца до вечера, но не дождались и, похвалив хозяйский плов, отправились обратно.

На съемку — с дублями — этого короткого эпизода ушла целая неделя. Саяре казалось, что его можно снять за несколько часов. Порой ей надоедало, стоя перед камерой, неустанно повторять одно и то же. Но все-таки ей все нравилось. Нравилась роль, нравилось (что греха таить!) восторженное отношение мужчин, одобрение Шавкатджана, ежедневно просматривавшего отснятые кадры.

Однажды на съемки приехал Зафар. Целый день ходил по съемочной площадке, рассматривал, расспрашивал, шутил с актерами и Шавкатджаном, но Саяра видела, что веселье его несколько нарочито, а на самом деле ему невесело и тревожно. Прощаясь с Нилуфар и Саярой, Зафар пошутил:

— Завидую вам. Может, и мне податься в артисты? Прямо не жизнь, а малина!

— Малина? — обиделась Нилуфар.

— Напрасно вы на меня нападаете, Нилуфархон.

Зафар покраснел и, быстро попрощавшись, сел в машину.

— Все они такие, эти мужчины, — презрительно скривила губы Нилуфар. — Я ведь вижу его насквозь. Он думает, работа в кино отразится на нашем поведении.

Саяра усмехнулась. Можно себе представить, что думает об этом Акрам!

Это произошло в тот день, когда съемка первого эпизода была наконец закончена. Автобус довез Саяру до самого дома. Улица сразу наполнилась шумом, смехом: веселая компания никак не могла с ней распрощаться — кто-то кричал ей вдогонку, кто-то выводил на сурнае печальную мелодию. А когда автобус, заслонявший дом, отъехал, Саяра увидела, что у ворот стоят отец и Акрам. Кровь бросилась в лицо, ноги сразу отяжелели, но через секунду она уже овладела собой и быстро прошла мимо них в ворота.

На веранде столкнулась с матерью.

— Ты видела Акрама?

— Видела.

— Как похудел, как плохо выглядит! А Назира? Повисла у него на шее и так плакала, что еле оторвали! — Мать явно вызывала ее на разговор, но Саяра молча прошла в гостиную.

Минуту спустя на пороге появился Абид Юнусович. Саяра взяла полотенце и хотела выйти, но отец настойчиво сказал:

— Сядь, поговорим!

Никто из них, однако, не сел.

Саяра с полотенцем в руке подошла к окну. Не решаясь взглянуть на отца, она смотрела на цветник перед домом, смотрела не отрываясь, боясь повернуть голову и встретиться с отцом взглядом.

Абид Юнусович нервно ходил из угла в угол.

— Ты решила, что ответишь Акраму? — нарушил он наконец молчание.

— А что мне решать? Вы же знаете...

— Да, я знаю! — перебил он. — Но, во-первых, он понял свою вину, мучается, места себе не находит, а во-вторых, насколько мне известно, у него сейчас неприятности по работе. Как же можно в трудную минуту...

— У него всегда трудные минуты, вся его жизнь состоит из трудных минут! — Саяра посмотрела на отца, но, встретив его строгий, неприязненный взгляд, опустила голову.

— Сколько тебе лет, дочка? — вдруг спросил Абид Юнусович.

«Началось воспитание!» — подумала Саяра с тоской.

— Вы говорите так, будто сами не знаете, сколько мне лет!

— Я спрашиваю потому, что ты ведешь себя как взбалмошная девчонка, а не как взрослая женщина, мать четырехлетней дочери.

— Вы имеете в виду кино?

— Да, и кино тоже! Я думаю, чтобы стать кинозвездой, надо обладать очень многим и прежде всего настоящим талантом. Ты уверена, что он у тебя есть?

Саяра смутилась и покраснела.

— Я не собираюсь становиться кинозвездой. Я просто так хочу попробовать.

— Просто так. Ты и в семейной жизни поступаешь «просто так»? — Абид Юнусович замолчал, а потом с неожиданной нежностью сказал:

— Вот что, дочка. Я не хочу вмешиваться в твою личную жизнь. Но я бы хотел, чтобы ты была справедливой и человеческой. Твоему мужу сейчас очень тяжело, он страдает, места себе не находит. Кто же, если не ты, поддержит его, поможет почувствовать твердую почву под ногами? Жизнь сложна. И надо не только уметь быть требовательной, надо еще уметь и прощать. Подумай об этом, дочка!

Саяра ничего не ответила. Ей и самой было жаль Акрама. Но... «Уметь прощать!» Легко сказать — «Уметь прощать»!

Не дождавшись ответа, Абид Юнусович вышел из комнаты.

Несколько дней Саяра переживала встречу с Акрамом и разговор с отцом. В памяти возникало похудевшее, осунувшееся лицо мужа, и сердце сжималось от боли. Она уже совсем было решила помириться с Акрамом, но опять вспоминался тот вечер, унижение, пережитое в кафе, поднятая рука Акрама...

И все-таки права она, а не отец. Так жить нельзя, все равно это должно было кончиться.

В конце недели позвонил Шавкатджан. Веселый, полный планов, он обрушил на Саяру каскад поздравлений, шуток, комплиментов:

— Молодец, Саярахон! Вы утерли нос дюжине профессиональных актрис, претендовавших на роль! Художественный совет студии единогласно постановил, что вы просто созданы для этой роли! Да, кстати. Мы отыскивали чудесный кишлак.

Называется он Бака-Булак. Вчера я облетел его на вертолете. Это райский уголок, Саярахон! Стоит у подножия горы, кругом сады, родники, плотины. И председатель — отличный парень. Получите громадное удовольствие. Так что готовьтесь, Саярахон, через три-четыре дня выезжаем!

Саяра положила трубку. Это было уж совсем некстати. Она представила себе, как приедет в кишлак, встретится с родными Акрама... А что скажут все знакомые, соседи? Ведь надо же было случиться такому совпадению! Саяра вконец расстроилась. Но, с другой стороны, не отказываться же от роли только из-за этого? Получится уж совсем глупо. И вообще, какое ей до них дело? Она им теперь не родственница!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Акрам не застал Зафара в институте. Он тоже уехал в свой подшефный колхоз, над генпланом которого сейчас работал.

Впрочем, Акрам не особенно огорчился. Он хотел еще раз проверить себя, обдумать свое решение. За неделю он просмотрел много проектов детских садов и яслей. Познакомился с работами Зафара и снова убедился, что выводы, к которым пришел в Бака-Булаке, в общем правильны.

Но вот что было самым удивительным. Одно и то же стремление Акрама — учесть все особенности жизни дехкан, их вкусы и представления, принесло ему успех в строительстве жилых домов — и явную неудачу в строительстве общественных зданий. Как это могло случиться? Акрам хотел во что бы то ни стало найти разгадку и выбрать наконец для себя истинный путь.

Все эти дни он сидел в мастерской, не разгибаясь, не отвечал на телефонные звонки, а вечерами забирал работу домой. Ему необходимо было докопаться до истины.

И еще — это спасало от мыслей о Саяре.

Последняя встреча только сильнее разбередила душу Акрама. Саяра выглядела так, будто несколько не переживала их ссору. Изменила прическу, помолодела, похорошела. А ее решение сниматься в кино? И надо же было этому режиссеру выбрать для съемок именно Бака-Булак!

Акрам боялся даже подумать, какую бурю насмешек и сплетен вызовет появление в его кишлаке Саяры в компании киношников, как расстроится мать, как длинно и нудно будет разглаговльствовать Нартаджи. Конечно, можно считать себя выше всего этого. Можно. Но как уйти от этих мыслей?

В ту ночь Акрам почти не спал. Ворочался с боку на бок, принимался читать, но мысли все время возвращались к одному и тому же.

Проснулся он разбитый, с большой головой, но полный решимости. Что он, собственно, так раскис? Надо же прийти

к какому-то решению. Не может быть, чтобы Саяре было совершенно безразлично, чем все это кончится. Нужно еще раз попробовать объясниться. И покончить с этой неопределенностью раз и навсегда!

Акрам быстро встал, принял холодный душ, даже навел порядок в квартире и, чувствуя былую легкость, вышел из дому. Такси нашлось быстро, и через несколько минут Акрам уже несся по висячему мосту через Бозсу к киностудии. Только одно волновало его сейчас: где и как ему найти Саяру? Но на его счастье, когда такси остановилось около ворот киностудии, он тут же увидел Саяру и Шавкатджана, выходящих из другой машины.

— Саяра! — громко крикнул Акрам и покраснел, чувствуя на себе удивленный и несколько насмешливый взгляд Шавката.

Саяра остановилась, сказала что-то режиссеру. Потом перешла улицу и направилась в сторону Бозсу, к озеру.

В легком коротком платье, по-девичьи стройная, Саяра быстро шла по улице, гордо и независимо поднимая голову. Ее каблучки стучали тоже гордо и независимо. Мужчины провожали ее внимательными взглядами, а женщины не менее внимательно осматривали ее платье, ища в нем секрет успеха. Акрам шел немного поодаль, исподлобья наблюдая за ней и волнуясь. Минутами ему казалось, что впереди идет не та женщина, с которой он прожил шесть с лишним лет, а та прежняя Саяра, которую он встретил первый раз в жизни.

Саяра миновала мост и, свернув влево, остановилась у речки, под низко склоненными вербами.

— Я слушаю тебя... вас.— Она произнесла это тихо, еле слышно, но в ее глухом голосе таилась угроза.

Акрам смотрел на ее тонкие руки, шею, покрытую нежным пушком, на знакомую маленькую родинку у плеча и молчал, забыв все продуманные слова.

— Я пришел покончить с этой... неопределенностью,— резко, чтобы не выдать своего волнения, сказал он наконец.— Надо решить.

— О каком решении вы говорите? — повернулась к нему Саяра.— Разве вы не решили все в тот день, когда ударили свою жену, как уличную женщину?

Глаза Саяры потемнели, наполнились слезами, Акрам невольно потупился, боясь увидеть, как Саяра плачет.

— Я... Я горько раскаиваюсь, Саяра. Тысячу... Десять тысяч раз... Я готов просить прощения...

— Спасибо! — с горькой иронией бросила Саяра.— Для вас это всего лишь... пощечина, а для меня — логическое завершение наших отношений. Что хорошего я видела в жизни с вами? Кроме кухни, ребенка и забот о вас? Ну скажите, что я увидела хорошего, выйдя за вас замуж?

Акрам быстро взглянул на нее, на ее дрожащие, как у обиженного ребенка, губы, отвел глаза.

— Что же делать, если так складывается жизнь. Я был занят работой, диссертацией. Я думал...

— Да, вам нужна была диссертация! Вы только и думали о вашей диссертации, о вашем высоком творчестве. А о том, что у вас есть жена, которая тоже живой человек, у которой есть свои мечты, желания... Вы об этом хоть раз подумали?

Саяра закрыла лицо руками и отвернулась.

Акрам молчал. Он понимал, что во многом она права, что он не должен сейчас быть резким, но что-то в ее словах больно его задело, и он не сдержался:

— Неужели ты думаешь, что в кино для тебя наступит райская жизнь?

— Нет, я так не думаю. Но и хуже не будет! — Саяра повернулась и решительно пошла обратно.

Акрам долго стоял под вербой. Он смотрел на людей, катающихся в лодках, на загоревших до черноты детей, на женщин в ярких купальниках.

Ничего не решилось, все осталось по-прежнему. Больше того, Саяра говорит уже не только о том последнем вечере, она говорит обо всей их жизни. В глубине души Акрам был уязвлен. «Ну что ж, если со мной ей было так плохо, пусть попробует без меня. Пусть поищет кого-нибудь получше. А-а!..»

После этой встречи Акрам несколько дней не выходил из мастерской. Работой он хотел заглушить тоску. Он работал днем и ночью. Он выкурил сотни сигарет. Он начертил десятки набросков и почти все изорвал на мелкие части. Очнулся он только после того, как до него дошли слухи, что его назначают главным архитектором института, на место Зафара. Эта весть была для него как ушат холодной воды. К чему, к чему, а к этому он сейчас никак не был готов. Акрам немедленно отправился к Султану.

Султан выглядел как полководец, одержавший крупную победу. Акрама он встретил с распростертыми объятиями.

— Дорогой мой, куда ты пропал? Тебе надо гоголем ходить, а ты залег в какой-то берлоге, и никто тебя не может разыскать! Или ты до сих пор ничего не слышал?

— Слышать-то слышал, но...

— Никаких «но». Твой доклад очень понравился министру. Я подчеркиваю слово «очень».

— Я не про доклад, а про слухи, которые ходят по институту.

— Если ты имеешь в виду твое назначение на место Бабаева, то это совсем не слухи. Вопрос уже решен, и решен положительно.

Султан откинулся на спинку кресла, ожидая, какой эффект произведут на Акрама его слова. Его гладкое, сияющее, как у искупавшегося ребенка, раскрасневшееся лицо расплылось в улыбке.

— Все согласовано во всех инстанциях, осталось только утвердить на коллегии. Но это уже простая формальность.

Султан продолжал сиять. Он так искренне ждал горячих слов благодарности, что Акрам растерялся. Как сказать о том, что это назначение сейчас совсем ему не нужно, что лучше бы все осталось на своих местах?

Султан по-своему понял его растерянность. Он засмеялся и обнял Акрама.

— Скромничаешь? Это неплохо. За это я тебя люблю. Скромность украшает человека. Но, говорю тебе, к черту эту скромность, если она открывает дорогу всяким проходимцам и карьеристам. Будем работать вместе.

Султан опять просил, считая, что Акрам достаточно поскромничал и теперь может выразить свою радость в полной мере. Но Акрам молчал, и молчание это с каждой минутой становилось все тягостней. Наконец он сказал:

— Мне очень жаль, но я не могу стать главным архитектором института.

Султан одной рукой схватил папку, другой взял под руку Акрама и направился к выходу.

— Сейчас я тороплюсь на коллегию. Потом поговорим обо всем подробней. Но,— он шутливо угрожающе поднял руку,— запомни: с твоими возражениями я считаться не собираюсь. Я бы тоже хотел сидеть в мастерской и создавать гениальные произведения для потомства. Но не все получается, как хочешь, надо кому-то и руководить. Вот и будем тянуть упряжку сообща.

В тени тополей перед зданием института Султана ждала черная «Волга». Садясь рядом с шофером, Султан еще раз сказал Акраму:

— Выкинь всю эту ерунду из головы. Пора тебе быть руководителем. Будь здоров!

На следующее утро, едва Акрам появился в своем кабинете, его вызвали к главному архитектору.

Зафар стоял, склонившись над длинным столом, заваленным макетами, чертежами, фотокопиями проектов. Лицо у него было усталое и хмурое, но, увидев Акрама, он улыбнулся, вышел из-за стола, протянул руку.

— Поздравляю с повышением!

В его голосе Акрам не заметил иронии. Зафар подвинул Акраму стул и сел сам.

— Честно говоря, я очень рад,— сказал он, помолчав,— что именно тебя назначили на мое место. Мы с тобой можем спорить сколько угодно, можем резко расходиться во взглядах, но наши споры всегда чисто творческие, всегда по существу.

— Погоди...

— Нет, уж ты, пожалуйста, выслушай сначала меня. Я все равно не смог бы сработаться с Султаном. Не потому, что

я лучше тебя или что-нибудь в этом роде. Просто у нас с ним слишком разные характеры и представления об архитектуре. Я сам собирался уходить и даже написал заявление. Вот оно.— Зафар придвинул к Акраму лист бумаги.— Вот так. А теперь все получается само собой, как я и хотел.

— Если уж разговор пошел начистоту, выслушай и меня. Я не желаю занимать твоего места. Я действительно не хочу этого, не имею морального права. Там, в кишлаке, я о многом думал, пересмотрел проекты твои и свои и понял: в главном ты был прав. Моим проектам не хватает современности, они тяжеловесны, отстали от жизни...

— Не надо,— смутившись, перебил Зафар.— Зачем уж так все перечеркивать? В них тоже есть много для будущего, а не для прошедшего полезного. Но иногда, мне кажется, ты забываешь, что мы строим.

— Да, да,— торопливо согласился Акрам.— Именно в этом все дело. Я оказался в плену отживающих обычаев и вкусов дехкан, дехкан вчерашнего дня. Теперь я многое понял, хотя и сейчас не считаю, что абсолютно все здания обязательно надо одеть в бетон и стекло...

— Кто же спорит? Во всем нужно чувство меры.

— Вот именно, чувство меры! Я думаю, что перспективнее всего сочетание современной архитектуры с нашими национальными традициями.

— Точно! — кивнул Зафар.— Но для этого у нас в институте нужна настоящая творческая атмосфера. Каждый проект должен широко обсуждаться. А Султан боится споров как огня. И я лично в такой атмосфере работать не могу. Не хватает ни терпения, ни нервов.

— Но ведь, кроме Султана, есть еще большой коллектив!

— Увы! — вздохнул Зафар.— Директор у нас решает все. Для того чтобы этот самый коллектив мог работать по-настоящему, надо убрать с дороги Султана, надо бороться...

— Ну и борись! — подхватил Акрам.

Зафар печально покачал головой.

— Нет, Акрам, я устал. Чтобы свалить Султана, необходимо доказать, что он не соответствует своему месту, надо потратить на это, по крайней мере, год жизни, а жизнь, как тебе известно, дается человеку только один раз. На борьбу с Султаном надобно затратить столько усилий, что если бы даже мне удалось его победить, я бы к тому времени, вероятно, кончился как архитектор.

— Значит, место на ковре ты уступаешь мне? — засмеялся Акрам.— А сам переходишь на скамейку для зрителей?

— Не место красит человека, а человек — место,— улыбнулся Зафар.— Кстати, как у нас успехи в области киноискусства?

— Ты имеешь в виду Саяру? Меня ее теперешняя жизнь совершенно не интересует,— сказал Акрам, краснея от неискренности своих слов.

Зафар смущенно улыбнулся.

— Я тебя понимаю. Сейчас каждый живет как хочет, и это, наверно, правильно. Умом я с этим согласен, а вот сердцем... Похоже, что даже я, вроде бы не такой уж консерватор, все-таки не могу смириться с мыслью, что моя невеста ведет себя не так, как мне того хочется. Ревную, что ли? Или старею?

Акрам рассмеялся.

— Уж если ты стареешь, то тогда я и вовсе древний старик.

В это время открылась дверь, и секретарша директора просунула голову в кабинет.

— Акрам Халикович, Султан Касымович приглашает вас к себе.

— Сейчас он придет,— ответил за Акрама Зафар и, видя, что секретарша все еще мнетя на пороге, повторил: — Я же вам сказал: сейчас придет.

Секретарша скрылась. Зафар подошел к Акраму, протянул ему руку.

— Ну что ж, Акрамджан, я считаю, что все недоразумения между нами устранены. Спасибо тебе!

Акрам горячо пожал протянутую руку.

Проводив его до дверей, Зафар напомнил:

— Еще раз прошу, если тебе эта должность интересна, не отказывайся от нее хотя бы из-за меня.

Султан вышел из-за стола навстречу Акраму, положил ему руки на плечи.

— Вот теперь я готов тебя выслушать. Но предупреждаю заранее: вопрос уже решен, мы можем обсуждать только детали. Так что прежде всего прими от меня, как полагается в таких случаях, поздравления.

Осторожно освободившись из объятий Султана, Акрам присел на диван.

— Но ведь только вчера ты говорил, что необходимо еще утверждение коллегии.

— Насчет этого можешь быть спокоен, коллегия утвердит.

Гладко выбритое лицо Султана выражало такую радость, что Акрам снова почувствовал непреодолимую неловкость, оттого что придется разочаровать директора.

— Что же ты молчишь? Неужели и в самом деле не рад?

Как хорошо представлял себе Акрам, обдумывая предстоящий визит к директору, что скажет ему, как яснее ясного докажет, что именно Зафар — идеальный главный архитектор института! Но стоило только взглянуть на сияющее лицо Султана, как улетучились все слова. Проклятая нерешительность! Красный, вспотевший от неловкости, стоял Акрам перед Султаном и мямлил что-то невразумительное.

Султан слушал его снисходительно, как слушают несмышленного ребенка. Затем сказал:

— Дорогой мой, будешь ты главным архитектором или не будешь, дело, конечно, твое. Насильно заставлять не станем. Но о талантах Зафара больше ни слова. У нас уже был разговор, и я не изменил своего мнения. Допускаю, что у него есть способности, но небольшие. Главному архитектору этого мало-вато. К тому же надо еще иметь талант организатора, руководителя, надо, если хочешь, иметь безупречную репутацию, быть в высшей степени принципиальным человеком. А твой Зафар...

Султан так уверенно рассуждал о принципиальности и безупречной репутации, что Акраму стало смешно. Султан заметил это и нахмурился, но только на миг. Он тут же взял себя в руки.

— Извини меня, дорогой, но ты чудишь. Этот Зафар... Или ты действительно его не знаешь, или вместе с ним играешь в какую-то игру! Я уже не знаю, что и подумать.

Акрам удивленно посмотрел на Султана, но не сдержался.

— Ты очень критичен к другим. А сам?.. Ведь дела в институте идут из рук вон плохо. А ты занят расстановкой фигур на шахматной доске. Боюсь, что нам придется скоро услышать: «А вы, друзья, как ни садитесь...»

— Так...— нервно перебил Султан.— Кое-что я начинаю понимать. Заварили всю эту кашу — и в кусты! Может быть, не ты критиковал недавно позицию главного архитектора? Или, может быть, я заставлял тебя это делать?

— Нет, ты меня не заставлял,— покачал головой Акрам.

— Так куда же ты клонишь?

— Понимаешь,— медленно подбирая слова, сказал Акрам,— в последнее время я много думал о своей работе и работе института. И я понял, что мы совершили много ошибок.

— Не обобщай,— перебил Султан,— говори о себе.

— Хорошо. Я совершил много ошибок...

Султан испытующе посмотрел на Акрама.

— ...И самую главную совершаешь сейчас. Кажется, я начинаю догадываться, чем продиктовано твое мнимое благородство. Неужели ты мог поверить слухам, будто у Зафара в министерстве рука надежнее, чем у меня? — Султан выпрямился и посмотрел прямо в глаза Акрама.— Знай, если Зафар Бабаев ходит по бревну, то Султан Касымов шагает по крепкому мосту. Ошибка, которую ты сейчас совершаешь, может стать непоправимой! У меня есть люди и повыше министерства, так и передай своему Бабаеву!

Акрам оторопел. Вот как, оказывается, можно истолковать его нерешительность! А он-то деликатничал, подбирая слова... Это было уж слишком.

— Не меряй всех на свой аршин!

— Что ты имеешь в виду?

— В мире еще есть честные люди! — Хлопнув дверью, Акрам вышел из кабинета.

— Сам заварил кашу, сам иди в министерство и ее раскле-
бывай! — услышал он уже из коридора голос Султана.

Акрам нервно ходил по коридору.

Ну что ж, он пойдет в министерство! И неужели не найдутся там люди, способные разобраться в обстановке? Неужели Султан действительно всесилен? Он, Акрам, пойдет в министерство, а если понадобится, и дальше, и будет добиваться справедливости, чего бы это ни стоило! Пусть он потратит год жизни, хоть жизнь и дается только один раз. Остричь всегда легче.

Акрам почувствовал в себе такой прилив силы и энергии, что несколько не сомневался сейчас в успехе. Решено. Он пойдет в министерство и добьется своего. Они еще поработают вместе с Зафаром.

Не заходя в мастерскую, Акрам отправился домой. Еще на лестнице он услышал из своей квартиры звонки. Перепрыгивая через ступеньки, добежал до двери и кинулся к телефону.

— Акрам-ака, это вы? Хорошо, что я застал вас! — Акрам узнал взволнованный голос Убая и с трудом подавил волнение.

— Слушаю вас, Убайджан.

— Я хотел только узнать, нет ли вестей от Саяры?

— Нет... А что-нибудь случилось?

— Я получил телеграмму от Шахисты.

— Ну?

— С ее сестрой произошел несчастный случай, она лежит в больнице, и Шахиста просит, чтобы я немедленно выехал.

— С какой сестрой? С Хамидой, что ли?

— По-моему, да, ведь у нее есть сестра по имени Хамида? Я подумал, может быть, вам через Саяру что-нибудь известно?

— Нет. А что за несчастье?

— Не знаю, в телеграмме не сказано.

— И когда вы поедете? — Акрам устало облокотился о стену.

— Сегодня я дежурю в газете. А поутру смогу выехать.

— В таком случае к вам большая просьба: как только приедете, дайте мне телеграмму. Я должен знать, что случилось.

— Хорошо.

— Ну, доброго вам пути. — Забыв положить трубку, Акрам долго стоял в раздумье.

Странная телеграмма. Что могло случиться с Хамидой? Авария какая-нибудь? И почему Убай спросил про Саяру? А вдруг это с ней что-нибудь случилось? Нет, не может быть, ему бы сообщили. И все-таки надо бы поехать в кишлак... Если бы не история с Зафаром...

В конце концов Акрам решил дождаться телеграммы Убая, а пока, на случай если придется срочно уехать в кишлак, подготовить подробное письмо на имя министра.

Он переоделся, поставил на плиту чайник и сел за письмо.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

После замужества Саяра лишь однажды побывала в Бака-Булаке, но родственники Акрама, особенно его мать, младший брат Нартаджи, и председатель колхоза Турабджан со своей женой Малохат частенько приезжали к ним, и отношения у них были самые лучшие. Как теперь будет держать себя Саяра при встрече с ними, особенно с матерью Акрама, тетушкой Махирой? Что скажут эти люди, узнав об их разрыве, и что она ответит им?

Как ни убеждала себя Саяра, что все это не имеет серьезного значения, как ни отгоняла от себя неприятные мысли, по мере приближения к кишлаку росло ее смутнение. Больше всего пугала встреча со свекровью — как она сумеет объяснить ей свой приезд в кишлак? Подумав о тетушке Махире, Саяра на первом же привале переделалась: узкие брюки и модный свитер сменила на атласное платье.

Девятиместная компактная «Латвия», вышедшая из города рано утром, въехала в Бака-Булак к исходу дня. Когда машина остановилась перед правлением колхоза, на всех столбах уже горели лампочки. Саяра вышла из машины последней и сразу же увидела среди встречающих Турабджана.

Саяре хотелось сейчас его видеть примерно так же, как и свою свекровь. Турабджан — друг ее мужа и, конечно, во всем будет на его стороне. Хотя и к ней он относился всегда хорошо. Приезжая в Ташкент, Турабджан сваливался на них как снег на голову и сразу же переворачивал вверх дном всю их жизнь. Он появлялся, нагруженный с ног до головы пакетами, свертками, ящиками с подарками, и сейчас же принимался строить невероятные планы... Тащил в ресторан, и в театр, и в гости, и все это надо было делать немедленно, сейчас же. Саяра поддавалась его настроению, и они вместе торопили Акрама, и бежали куда-то, и спешили, и боялись не успеть.

Турабджан нравился Саяре этим напором, энергией, веселостью. Но встречаться с ним сейчас...

Саяра инстинктивно спряталась за чьи-то спины, но было уже поздно. Шавкатджан, желая представить председателю свою главную героиню, уже громко звал ее, приглашая подойти. Увидев Саяру, Турабджан остолбенел:

— Кого я вижу, Саярахон! Каким ветром занесло вас в наши края? — Затем добавил в шутку: — Или стали киноактрисой?

— Да вы, оказывается, знакомы? — в свою очередь удивился Шавкатджан. — Саяра не просто актриса, она исполняет главную роль в нашем фильме, раис-ака!

Председатель улыбнулся словам режиссера, как хорошей шутке.

— Не знаю, как насчет главной роли в вашем фильме, а у меня ей приготовлена очень хорошая роль — место врача

в нашей больнице. Да, да, Саярахон, этот вопрос я уже согласовал с вашим повелителем, так что привыкайте постепенно к этой мысли.— Он повернулся к Шавкатджану.— Ну, товарищ режиссер, вы устраивайте своих людей, а о Саярахон мы позаботимся сами. Палван!

Палван вырос перед председателем как из-под земли.

— Слушаю вас, хозяин!

Саяра испуганно вздрогнула, будто Палван сейчас же по приказу председателя мог потащить ее куда-то, связав по рукам и ногам.

— Узнаешь Саярухон? Молодец! Машину нашему будущему врачу к подъезду и прямо ко мне!

Ища спасения, Саяра посмотрела на Шавкатджана, но поняв, что нужно отказаться самой, мучительно покраснела.

— Спасибо, Тураб-ака. Я должна остаться здесь, с ними.

— Да что, в самом деле, происходит? — Председатель растерянно переводил взгляд с Саяры на Шавката.— Почему вы должны остаться здесь?

— Не спрашивайте меня сейчас, Тураб-ака. Потом я вам все объясню.

— Ну что же, поступайте, как вам удобней.— Турабджан помрачнел и быстро распрощался.

Вечером в колхозном саду в честь приезда киногруппы был накрыт праздничный стол. Турабджан появился всего на несколько минут и, сославшись на занятость, ушел, даже не взглянув на Саяру.

А утром Саяру разбудила Нилуфар и сказала, что ее спрашивают. Саяра выглянула в окно: во дворе под чинарой стоял Нартаджи и нетерпеливо поглядывал на дверь гостиницы. Саяра всегда несколько иронически относилась к младшему брату мужа, к его попыткам наставить всех окружающих на путь истинный. Бывало, он пытался поучать и ее. Тогда, не желая обострять отношений, она деликатно слушала его, не спорила, переводила все на шутку. Но выслушивать его наставления сейчас — это было уже слишком.

— Ну, Нартаджи.

— Я поражен, Саярахон. Разве вам негде остановиться в кишлаке? Почему вы живете вместе с этими безусыми юнцами? Или мы сделали вам что-нибудь плохое? Что скажут люди, прослышав о вашем поступке?

Не желая затягивать неприятный разговор, Саяра холодно оборвала его:

— Простите, но нас теперь не связывают родственные узы. Я разошлась с вашим братом.

Лицо Нартаджи сразу вытянулось, глаза растерянно заморгали.

— Но если это так, зачем же вы приехали в наш кишлак?

— Так получилось, это не зависело от меня. А потом, ведь этот кишлак не является вашей собственностью?

— Я не говорю, что он моя собственность. Но... если случилось такое несчастье,— жалкая улыбка мелькнула на лице Нартаджи,— если уж это произошло, зачем вам понадобилось позорить нас перед всеми?

— Чем это я позорю вас?

— Не прикидывайтесь наивной! Будто вы не понимаете, как выглядит в глазах людей ваше новое занятие! Ни одна женщина из нашей семьи еще никогда...

— Не знала, что, став актрисой, опозорю вас и вашу семью! — вспыхнула Саяра.— Можете объяснить людям, что мое непристойное поведение больше не имеет никакого отношения к вам и вашей семье. Все. Прощайте!

Она повернулась и быстро вошла в гостиницу.

Странно, именно разговор с Нартаджи успокоил Саяру, утвердил в своей правоте. Младший брат, конечно, пошел дальше старшего. И откровенней гораздо. Но в главном они сходятся, это у них семейное. Правильно она сделала, что не пошла на очередное примирение с Акрамом. Правильно, что не отказалась от съемок и приехала сюда. Она во всем совершенно права.

«Я совершенно права»,— твердила себе Саяра, проезжая по кишлаку вместе с киногруппой, занятой «поиском природы». Она спускалась в лощину и задерживалась у родника, подолгу вглядываясь в свое отражение, как тогда, шесть лет назад, когда впервые была здесь с Акрамом. Вода была холодная и прозрачная, как и тогда. На Гортепе так же тихо, и та же скамейка стояла у могилы святого.

«Я совершенно права»,— твердила Саяра, глядя на кишлак с вершины холма, с того места, где любили стоять они с Акрамом. Но глаза застилала какая-то пелена, и комок подкатывал к горлу.

Как страшилась Саяра всех этих встреч в кишлаке: с родственниками, друзьями, соседями мужа! Как страшилась и готовилась к ним, обдумывая заранее каждое свое слово. Но самой трудной оказалась другая встреча — та, которую она не могла предусмотреть: встреча с самой собой, девятнадцатилетней Саярой, прошедшей здесь самый счастливый месяц в жизни.

Воспоминания подстерегали ее на каждом шагу. Любая улочка, тропинка, скамейка приобретали вдруг над ней какую-то страшную, непонятную власть. Она останавливалась перед ними, пронзенная воспоминанием, таким ярким, будто все это было только вчера. И становилось больно, и опять наворачивались слезы, и хотелось не думать об этом, забыть, но они вновь приходили и приходили, эти воспоминания, и уйти от них было некуда.

...Вот на второй день свадьбы, сыгранной в городе, они приехали сюда, в кишлак. Вечером вся лощина звенела от музыки. Тетушка Махира и Нартаджи устроили большой той. Саяра важно восседала на разряженном иноходце. Ее сопровождали не менее разряженные девушки.

Вижу тебя — душа в огне,
Сердце поет, ёр-ёр,
Ты улыбнись, моя песня, мне,
Сердце мое, ёр-ёр! —

разносится по всему кишлаку.

Костер на берегу ложины, натянутая через дорогу веревка, пригоршни монет, сыплющиеся на голову Саяры...

...Ты улыбнись, моя песня, мне,
Солнце мое, ёр-ёр!

А вот их любимый уголок в саду матушки Махиры. Только теперь Саяра поняла, как беден и ограничен был мир без Акрама, без его влюбленного, немножко смущенного взгляда, без его грубоватых и нежных рук, без этого неба...

В те темные ночи Саяра впервые по-настоящему ощутила дурманящий запах дынь, доносящийся с бахчей, и тонкий аромат базилики, и таинственную тишину уснувшего сада, время от времени нарушаемую кваканьем лягушек. И это кваканье казалось Саяре замечательной музыкой.

Если бы тогда Саяре сказали, что через шесть лет она будет вот так стоять около этого сада и со слезами на глазах вспоминать прошедшее, она ни за что бы не поверила.

«Все проходит», — хоть это и утверждал мудрейший из мудрых, но это не про них. Их любовь не похожа ни на какую другую. Она — на всю жизнь. И вот — неужели и правда «все проходит»?

Почувствовав, как комок вновь подступает к горлу, Саяра торопливо пошла вперед.

— Что с тобой, Саяра? — окликнула ее Нилуфар.

— Ничего, не беспокойся, Нилуфар, наверное, немного устала.

— А-а, все понятно, вспомнила медовый месяц! Не переживай, Саяра, не мучай ты себя. Никто из них не стоит наших переживаний. Пойдем-ка лучше к роднику, Шавкатджан ждет нас, там приготовлен роскошный завтрак! — Нилуфар, не отставая, шла за ней и говорила без умолку.

— Хорошо, хорошо, я приду, — пообещала Саяра, чтобы поскорее остаться одной.

Вот ведь что получается. Саяра и не подозревала, что все эти годы память о лучших днях, обо всем хорошем, что было у них с Акрамом, жила в ней, жила где-то далеко, незаметно, так далеко, что она и сама об этом не догадывалась. А сейчас, охраняя их любовь, память выплеснулась из тайников, заставив устраситься потери. Только теперь Саяра поняла, как трудно, как невозможно трудно жить без Акрама. Всего, всего, что она вспоминает сейчас, больше уже никогда не будет.

Чувствуя себя совершенно разбитой, Саяра добрела наконец до гостиницы. Здесь ее ожидал новый сюрприз. На ступеньках гостиницы сидела ее свекровь, матушка Махира. Знакомое ситцевое платье, белый кисейный платок, руки с синими про-

жилками устало сложены на коленях. Увидев Саяру, она торопливо поднялась со ступенек, подошла к ней, обняла.

— Как ты жива, как здорова, доченька моя? — спросила она робко. — Как там поживает моя Назирочка?

Саяра чувствовала, что старуха хочет спросить об Акраме, но боится начать разговор.

— Ладно, мама, что случилось, то случилось, что теперь говорить!

— Да что вы не поделили, доченька моя? А он-то, он-то, наверное, ходит сам не свой. Я знаю его, он и ссорится с тобою только потому, что очень любит, ревнует...

— Не надо, мама.

— Хорошо, хорошо, не надо. Ты у нас умная, образованная, сама все понимаешь.

Саяра думала, что после этой встречи Махира-хола больше не придет. Но она приходила каждый день, и только в то время, когда Саяры не было в гостинице. Возвращаясь со съемок, Саяра всегда находила на своем столе кукурузные початки, испеченные на углях, и кувшин холодной как лед похлебки из проса. Это были ее любимые блюда.

Уже неделю Саяра жила в кишлаке. Дни летели незаметно. Съемки шли с утра до ночи.

В тот вечер Саяра вернулась в гостиницу усталая. Она устала от жары, от суеты на съемочной площадке, от окриков Шавкатджана. С тех пор, как началась работа, Шавкат очень переменялся. Он стал властным, нетерпеливым, раздражительным. Саяра решила не идти на плов, который устраивал сегодня Шавкатджан в честь актеров группы, и рано легла спать. Где-то далеко за полночь ее разбудил стук в дверь.

Нилуфар, только что вернувшаяся с вечеринки и еще не успевшая заснуть, недовольно пробурчала:

— Кого там еще принесла нелегкая?

— Нам нужна Саяра-апа. Если дома, пусть выйдет! Ее просит раис!

— Зачем это раису понадобилась Саяра-апа? Что за свидания в полночь?

— Сестрица, спросите об этом самого раиса!

Саяра узнала голос Палвана и, чтобы положить конец этому ненужному разговору, ответила:

— Передайте, сейчас приду!

Турабджан ожидал ее под уличным фонарем. Заложив руки за спину, он нетерпеливо ходил по дороге.

— Простите, что нарушил ваш сон, Саярахон, — взволнованно проговорил председатель. — Если не трудно, пойдите со мной. Тут недалеко. Вы должны помочь в одном деле, неотложном деле.

— Какие могут быть неотложные дела в такое время?

— Я вас зову не на плов! — вспыхнул Турабджан, но тут же осекся и заговорил, с трудом подбирая слова: — Видите ли, один человек, вероятно, хотел пошутить с женой и неудачно... Или у него рука сорвалась, или она сама случайно наскочила... Да что там толковать! Произошел несчастный случай. Надо срочно оказать помощь. А тут, как нарочно, врач нашей больницы в отпуске. Я вспомнил, что вы окончили мединститут, и вот пришел за вами, Саярахон. Выручайте.

— Но что я могу сделать? Мне еще не приходилось вот так, неожиданно...

Тураб нетерпеливо прервал ее.

— Вы врач или актриса?

— Хорошо, — покорно сказала Саяра, — сейчас оденусь.

— Вот это другой разговор!

В узком коридоре одноэтажного приземистого здания больницы царил полумрак. Там Саяру встретила Шахиста. Ее была нервная дрожь. За спиной Шахисты стояла неестественно высокая пожилая женщина в халате. Шахиста со слезами бросилась к Саяре. Она не могла говорить и только бессвязно повторяла:

— Беда, ой какая беда!.. Сестричка моя родная, что же делать?

Саяра, успокаивая, обняла ее за плечи и быстро прошла в палату.

На железной кровати, в просторной, но такой же полумрачной, как и коридор, комнате, лежала женщина с закрытыми глазами. Голова ее была наскоро перевязана. Женщина тихо стонала.

— Почему здесь так темно? Настольную лампу, и поскорее! — неожиданно для себя твердо распорядилась Саяра.

Она склонилась к изголовью кровати. Лицо женщины показалось ей знакомым. Вглядевшись, Саяра невольно вздрогнула: перед ней лежала... Хамида. Обескровленные губы, еле слышное дыхание, беспомощно запрокинутая голова.

Так вот над кем «пошутил один человек»!

Только теперь до сознания Саяры дошел смысл слов Шахисты. Беда!

Она присела на край кровати, взяла руку Хамиды, нащупала едва слышную ниточку пульса.

Хамида открыла глаза и тяжело вздохнула. Взгляд ее, бессмысленно скользивший по комнате, вдруг остановился на лице Саяры. С минуту она сосредоточенно смотрела на нее, затем, должно быть, узнала, беспомощно заметалась по кровати.

— Успокойтесь, сестрица. Успокойтесь. Все будет хорошо.

Саяра была подавлена. Она с трудом вывела из комнаты плачущую Шахисту, усилием воли заставила себя откинуть с больной одеяло, разбинтовать раны...

Хамида была жестоко избита. На голове, на лице, на всем теле зловещие кровоподтеки. Но больше всего Саяру испугала ножевая рана в боку. Пострадавшая потеряла много крови, и Саяра понимала, что положение больной серьезное. Требовалось срочное хирургическое вмешательство.

В немом ожидании на Саяру смотрела пожилая медсестра.

— Прежде всего — противостолбнячную! К ранам тампоны, следите... Я сейчас вернусь.

Саяра быстро вышла во двор.

Турабджан тут же подошел к ней:

— Что там такое, Саярахон?

— Рана серьезная, нужна операция, и как можно быстрее. Надо срочно вызвать из города хирурга.

Турабджан протяжно свистнул:

— Хирурга, говорите... Срочно...— Он насупился, почесал затылок.— Задачу вы мне задали. Пока дозвонюсь, пока хирурга разыщут, пока он сюда доберется... Далековат город-то от нас...— Председатель просительно посмотрел на Саяру: — А может, сами управитесь? Ведь говорите — время не ждет?

— Боюсь,— по-детски призналась Саяра.— Первый раз с таким сталкиваюсь...

— Когда-то надо в первый раз, Саярахон. Придумайте что-нибудь. А я расшибусь, а достану все, что вам потребуется. Решайтесь, вы же врач!

Раис говорил так убежденно и настойчиво, что Саяра заколебалась.

— Господи! Справлюсь ли? Пойду узнаю, есть ли в больнице все необходимое...

Турабджан удовлетворенно кивнул и вежливо подтолкнул Саяру к двери.

От волнения у Саяры слегка кружилась голова, ладони стали влажными. Ею владели страх и отчаянная решимость. Вновь наткнувшись в коридоре на плачущую Шахисту, она повелительно крикнула:

— Хватит! Кончай реветь. Возьми себя в руки.— Потом порывисто обняла девушку, прижалась к ней и сказала почти шепотом: — Иди к медсестре. Хирурга нет. Мы с тобой сами будем зашивать раны. Поняла?

Уже после операции, вспоминая эти минуты, Саяра удивлялась, откуда у нее появилось столько хладнокровия и выдержки. Сначала она попыталась мысленно представить себе весь ход операции, чтоб ничего не забыть, не выпустить из виду. Главное — она должна справиться с раной в боку, а потом уже все остальное. Все время следить за давлением, за пульсом. Лишь бы у Хамиды хватило сил. С какой благодарностью она думала сейчас о медсестре. Честно признаться, если бы не ее умелые руки, Саяре пришлось бы туго. Эта пожилая женщина не только подавала нужные инструменты, не только подбадривала советом, но и сама приходила на помощь, когда

видела, что Саяре трудно. Шахиста, не отрываясь, наблюдала за Хамидой.

Окончив операцию и поручив медсестре следить за больной, она сразу вышла к Турабджану...

— Нужна консервированная кровь... — Выслушав Саяру, раис облегченно вздохнул и неожиданно своими огромными ручищами обхватил Саяру.

— Не только литр, десять литров достану! Ай да Саяра! Ай да молодчина!

— Рано радоваться, раис-ака! Рано! — устало, одними глазами улыбнулась Саяра.

Турабджан ринулся к машине, но Саяра жестом остановила его:

— Подождите. Чуть не забыла главное. Захватите, пожалуйста, все анализы для лаборатории и список лекарств, которые необходимы на первый случай.

— Есть, — по-военному отрапортовал Турабджан. Через минуту его машина скрылась из виду.

Тураб сдержал слово. Утром, часам к шести, Палван привез в ампулах кровь для переливания и все заказанные Саярой лекарства.

Саяра и ее помощницы провели тяжелую ночь у постели Хамиды. У больной поднялась температура, она бредила, металась, не раз пыталась сорвать с себя повязки. Саяра проклинала себя, что поддалась на уговоры Турабджана и согласилась самостоятельно оперировать. Увидев во дворе больницы машину, она тут же отдала распоряжение подготовить больную к переливанию крови.

В это время к ней подошла Шахиста и с испугом прошептала:

— Саяра-апа! Режиссер приехал! Вас спрашивает!

С минуту Саяра смотрела на Шахисту, ничего не понимая, потом отрывисто бросила:

— Скажи, что сейчас у меня нет времени, пусть заедет попозже!

Занятая Хамидой, Саяра совершенно забыла о Шавкатджане. Когда же Шахиста, чуть робея, вновь напомнила о режиссере, с удивлением спросила:

— Разве он еще здесь?

— Да, он не ушел, дожидается.

Шавкатджан стоял, нахмутив брови, и нетерпеливо тербил свою бородку.

— Долго же вы заставляете себя ждать, Саярахон! Похоже, что раис переманил вас. Откройте секрет, как ему это удалось? — Видно было, что этот шустрый тон дается ему с трудом.

Саяра стояла, прислонившись к косяку двери, и было видно, что она еле держится на ногах. Лицо ее осунулось, глаза запали.

Шавкат внимательно посмотрел на нее.

— Да что здесь, собственно, происходит?

— Разве Шахиста вам ничего не сказала? Ночью привезли... одну женщину в тяжелом состоянии. Муж искалечил ее! Еще счастливо отдалась. Могло быть хуже. А врач, как назло, оказался в отпуске. Вот я и приняла свое первое боевое крещение.

— М-да-а... Печальный случай...

Шавкат помолчал и, не глядя на Саяру, медленно спросил:

— А как же со съемками теперь?

— Разрешите мне пропустить один день. Только один. От меня сегодня вряд ли будет толк.

— Вы знаете, что значит сорвать целый съемочный день! Не говоря уже о том, что массовка, чуть ли не в сто человек, сидит без дела. Вы же не маленькая, Саяра, все сами отлично понимаете.

Саяра беспомощно оглянулась на дверь, как бы ища поддержки, и чуть слышно проговорила:

— Но ведь здесь больной человек!

Шавкат поморщился.

— Только, пожалуйста, без сантиментов.

Взглянув на побелевшее лицо Саяры, осекся:

— Простите меня, Саярахон. Похоже, нервы сдают... Идите к больной. Только постарайтесь закончить все как можно быстрее.

Саяра молча вернулась в палату. Сначала ее возмутил тон Шавката, но, немного остыв, она поняла, что и ему не сладко. Шутка ли сказать, сто человек сидят без дела и ждут, когда она появится. Срывается план, не говоря уж о деньгах. Сегодняшний день Шавкату влетит в копеечку.

Убедившись, что переливание крови прошло благополучно и Хамида заснула глубоким и спокойным сном, Саяра, пересилив усталость, все же пошла на съемку.

На площадке уже устанавливали декорации для нового эпизода. Увидев Саяру, Шавкат облегченно вздохнул и, еще раз сдержанно извинившись за резкость, которую позволил в больнице, попросил через полчаса быть готовой к съемке. Стараясь наверстать упущенное, на площадке суетились ассистенты режиссера. Слышались негромкие команды. Актеры заняли свои места. Началась съемка. Саяра отлично знала этот эпизод. Но как только вспыхнули юпитеры, все, что было продумано и пережито вместе с героиней, вдруг куда-то исчезло. Саяра произнесла первую реплику и беспомощно замолчала. Шавкат попросил повторить. Саяра начинала снова и снова — безуспешно. Слова звучали фальшиво и неискренне, движения были вялыми и невыразительными. Трудная ночь не прошла бесследно, видно было, что Саяра измучена и не может играть. Безнадёжно

махнув рукой, Шавкат прекратил съемки. Все восемь дублей были загублены. Чтоб не сорваться, Шавкат резко повернулся и быстро ушел с площадки. Десятки глаз были устремлены на Саяру. Одни смотрели с сочувствием, другие с сожалением, некоторые с плохо скрытой насмешкой. Вскоре вернулся Шавкат.

— Вы сами видите, Саярахон. Так у нас дело не пойдет. Отдохните. Перечитайте сценарий. Мы пока снимем эпизоды без вашего участия.

Хамида медленно поправлялась. Состояние ее заметно улучшилось, температура спала, раны уже не так тревожили ее. Теперь Саяру беспокоило только одно — Хамида молчала. Целыми днями она лежала, неподвижно уставившись в потолок, углубившись в круговерт только ей одной ведомых горьких мыслей. Она не отвечала на вопросы медсестры, с немым безразличием переносила мучительные перевязки. Не только Шахиста, но даже отец с матерью не могли вывести ее из этого оцепенения. Сначала Саяра надеялась, что это последствие нервного потрясения скоро пройдет. Но дни шли за днями, а больной не становилось лучше. Саяра стала не на шутку опасаться, что у Хамиды серьезное нервное заболевание и без вмешательства невропатолога и психиатра ей не обойтись.

Перед тем как принять окончательное решение, Саяра еще раз заглянула к своей пациентке.

Хамида лежала одна в небольшой прохладной комнате с открытым настежь окном. Те же печальные, неподвижные глаза, плотно сжатые губы, вместо лица — застывшая маска спокойствия.

Саяра придвинула поближе к кровати стул и осторожно взяла перебинтованные руки Хамиды — борясь с мужем, она схватилась за нож...

— Хамидахон, вам плохо? Скажите. Почему вы молчите? Попробуйте рассказать, что вас тревожит. Помогите мне поставить вас на ноги. Или вы мной недовольны?

Хамида долгим и испытующим взглядом посмотрела на Саяру, тяжело вздохнула и отвернулась к стене. Ее длинные загнутые ресницы стали влажными от слез. Саяра порывисто прижала к себе руки больной.

— Умоляю вас, скажите, что с вами? Зачем так упорствовать? Поверьте, это очень плохо, когда больной человек молчит. Вся медицина бессильна, если вы не придете нам на помощь. У вас же дети, Хамидахон!

Хамида судорожно глотнула и, не поворачивая головы, произнесла внятно и тихо:

— Оставьте меня. Слышите?

Саяра облегченно вздохнула. Наконец-то. Несмотря на боль и горечь, голос больной звучал здраво и ясно.

— Хамидахон, милая! Нельзя так мучить себя. Все самое страшное позади. Этот человек ответит, за все ответит сполна.

— Ответит? Перед кем? Уж не вы ли призовете его к ответу?

В словах женщины было столько ненависти и отчаяния, что Саяра испугалась.

— О чем вы говорите, сестра? Неужели вы думаете, что... это может остаться безнаказанным! Опомнитесь!

— Что вы знаете о наших порядках! Обычная история. Хозяин семьи наказал свою рабу. Все они одним миром мазаны! Увидите, как они горой поднимутся на его защиту. Да что вам говорить! Все равно ничего не поймете.

— Кто это «они»? Кто поднимется на его защиту? Я действительно ничего не понимаю.

Хамида порывисто приподнялась. Лицо от возбуждения покрылось пятнами. Все, что накопилось в ее измученной душе за эти долгие, одинокие ночи, вдруг прорвалось, хлынуло наружу. Она говорила торопливо, сбивчиво, боясь, что ее не поймут.

— В чем моя вина? В том, что я, слабая женщина, осмелилась поднять голос против председателя? В том, что искала помощи и защиты у вашего мужа? В этом моя вина?!

«Помощи и защиты у вашего мужа» — эхом отдалось в душе Саяры.

— Моя вина в том, что в молодости мы с Акрамом-ака были друзьями. В этом нет ничего плохого! Видит бог, это была прекрасная юношеская дружба. И теперь я всю жизнь расплачиваюсь за нее. Сколько я приняла мук! Сколько несправедливых упреков! Десять лет я несу этот крест. Крики, побои, ругань... Я не помню ни одного светлого дня! И вот чем все это кончилось.— Она протянула перебинтованные руки.

Саяра подавленно молчала. Что она могла сказать этой измученной женщине, чем могла помочь ей? Она понимала, что должна дать Хамиде выговориться. Это как нарыв, который долго зрел и наконец прорвался.

— Но почему, почему вы все эти годы терпели? Почему не развелись с мужем?

Хамида уже потухла, силы оставили ее. Она откинулась на подушку и еле пошевелила губами:

— Дети!.. Чем виноваты дети? Я пыталась сохранить им отца...

И вдруг грустно добавила:

— Вы счастливы, Саярахон, и молоды! Ох, как молоды! А я, мне кажется, прожила уже тысячу лет. Где нам понять друг друга? Мы как будто на разных планетах!

— Счастлива,— повторила Саяра.

В палате наступило молчание. Каждая думала о своем. День догорал. Тени от гор становились все длиннее и гуще. Из закрытых глиняными дувалами дворики слышались плач и смех детей, громкие голоса женщин, блеяние овец. Воздух

был напоен горьковатым запахом кизяка, жареного лука, перца...

Странные звуки вывели Саяру из оцепенения. Хамиду была дрожь, она с трудом сдерживала рыдания. Саяра знала, что такая нервная реакция неизбежна, и ждала ее.

— Сестрица! Не надо меня стесняться... Ради бога... Расслабьтесь... Да не стесняйтесь же вы своих слез! Вам сейчас станет легче.— Саяра поднялась со стула, быстро накапала в стаканчик капель, подошла к Хамиде.— Выпейте.

Хамида послушно, как ребенок, выпила, зубы цокали о стекло. Саяра ободряюще улыбнулась:

— Не думайте сейчас ни о чем, не бередите раны. Поверьте мне — все устроится.

Хамида горько изогнула уголки губ.

— Что устроится? Как мне жить дальше? Неужели вы думаете, что раис даст его в обиду?!

Дыхание Хамиды вновь стало трудным. Саяра предостерегающе подняла руку:

— Только не говорите сейчас о муже. Постарайтесь уснуть. Вам надо набраться сил...

Саяра вышла из комнаты и тихо прикрыла за собой дверь.

Как бы ей хотелось узнать, что произошло между Турабом и Хамидой и при чем здесь Акрам! Она вспомнила, как нервничал Тураб в ту ночь, как упорно не хотел вызывать из города хирурга, как благодарил ее за операцию. И ни слова о муже Хамиды! Ни возмущения, ни угрозы в его адрес. Но ее-то он не заставит молчать. Пусть и не пытается.

Саяра быстро шла по улицам кишлака. Больше всего хотелось бы ей сейчас очутиться дома, прижаться к нежному и родному телу дочки, услышать ее лепет... Господи, она устала, просто устала! Сколько свалилось за эти дни на ее бедную голову! Но она знала, что не уедет из кишлака, не уступит. Что-то новое и еще не знакомое рождалось в ней в эти минуты.

У Турабджана шла летучка бригадиров. Девушка-секретарь вежливо попросила подождать и исчезла за дверью кабинета. Вскоре люди стали расходиться. Не ожидая приглашения, Саяра направилась к кабинету, но тут дверь открылась, и на пороге показался щеголевато одетый смуглый мужчина.

— Садыквой? — Саяра невольно остановилась.

Садыквой стоял на пороге, широко расставив ноги, и, прищурив глаза, рассматривал Саяру. Неожиданно, сняв шляпу, поклонился.

— Приветствую вас, дохтур-апа!

Саяра молча отвернулась, ожидая, когда он уступит ей дорогу. Садыквой шумно вздохнул:

— Значит, брезгуете, не хотите удостоить своим вниманием. Напрасно, дохтур-апа! Напрасно.

Пытаясь скрыть волнение, Саяра ухватилась за спинку стула.

— Вы всегда такой храбрый, когда воюете с женщинами?

Садыквой передернулся, как будто его ожгли кнутом. Черты лица исказились, он сделал шаг вперед навстречу Саяре. С трудом владея собой, произнес:

— Зачем так, ападжан! Что вы понимаете в нашем деле? Сначала надо выслушать...

— Слушать ничего не хочу!

— Не слишком ли круто берете, Саярахон? Режьте меня на куски, но сначала выслушайте. Знаю, что вы погибели хотите моей.— Садыквой истерично вскрикнул, рванул ворот рубахи и медленно пошел на Саяру. В это время открылась дверь, на пороге показался Турабджан.

— Опять? А ну марш отсюда! Да побыстрее! Слышишь?! — В голосе Турабджана звучала угроза.

И тут же мягко и предупредительно — Саяре:

— Прошу вас! Заходите.

Саяра прошла мимо присмирившего Садыквою. Большой и жалкий, он походил на побитую собачонку.

В кабинете председателя было нечем дышать от едкого табачного дыма. Турабджан открыл окно и, взяв полотенце, стал разгонять эту дымовую завесу. Саяра опустилась на диван.

Тураб сел рядом. Секретарь на большом подносе принесла угощение: инжир и виноград, чай с лепешками.

Турабджан, как вежливый и радушный хозяин, протянул Саяре пиалу.

— Прошу вас. Разрешите заметить, что врачевание вам явно пошло на пользу. Вы еще больше похорошили. А почему бы вам вообще не взять больницу в свои руки? Как смотрите на это, а? Только моргните, завтра же заявку сочиню. Вот жили бы отлично! Акрам — архитектором, вы — врачом. Я ведь вам уже говорил об этом. Ну, что хмуритесь? Сегодня — поссорились, завтра — помирились... Долго ли — умеючи?

— Я пришла к вам по делу,— не поднимая головы, сказала Саяра.

— Пожалуйста.— Турабджан широким жестом раскинул руки.— О деле так о деле, поговорим. Я как председатель очень доволен вашей работой. Только одна просьба: нельзя ли чуть постroje со всякими справками да бюллетенями!

— Я же не главный врач и бюллетенями не распоряжаюсь,— сухо заметила Саяра.— Просто... Раз присматриваю за Хамидой, не могу же других больных палкой гнать. Вот и помогаю по мере сил.

— Да нет, вы очень правильно делаете! Спасибо вам, Саярахон. Просто я хотел напомнить, что время сейчас — горячее! Рабочих рук не хватает.

— Значит, по-вашему, можно заставлять работать с кетменем беременных женщин?

— Ну и попал в переплет! Разве я сказал такое? Только боюсь, чтобы лодыри не воспользовались вашей неопытностью.—

Турабджан раскатисто рассмеялся.— Беда с вами, с интеллигентами, да и только. Просто невозможно разговаривать!... Слово неосторожное скажешь, и тут же угодишь на скамью подсудимых. Да я шучу, простите, Саярахон. Слушаю вас.

— Я пришла к вам поговорить насчет Хамидыхон.

— Так, так...— Тураб выжидающе замолк.

— Я хочу знать, почему этот человек — вы знаете, о ком я говорю,— как ни в чем не бывало расхаживает по кишлаку? Почему не вмешалась милиция, почему до сих пор дело не передано в суд? Я, наконец, начинаю просто сомневаться, существует ли здесь общественное мнение. Может быть, все боится гнева раиса?

Тураб нахмурился.

— Не беспокойтесь, милиция уже интересовалась. Просто я взял его на поруки.

— Вы? Взяли на поруки? Выходит...

— Не торопитесь с выводами. Сначала ответьте мне на один вопрос, Саярахон...— сказал Турабджан.— Мысль о наказании Садыквой пришла вам самой в голову или она исходит от Хамидыхон?

— Разве не все равно, от кого исходит эта мысль? Ведь речь идет о...

— Нет, не все равно!

— Предположим, что это моя мысль.

— Я так и знал. Но одобрит ли Хамида ваше требование?

— У Хамиды сейчас нет сил бороться. К чему мучить больного человека? Разве и так не ясно, что Садыквой преступник? А потом... если хотите знать, и Хамида потребовала бы наказания Садыквой, если б не боялась гнева влиятельных покровителей мужа,— выпалила Саяра и смолкла.

Турабджан резко поднялся. Саяра ожидала, что он сейчас сорвется, наговорит ей грубостей. Но Турабджан сумел взять себя в руки. Он подошел к окну, несколько раз вдохнул воздух всей грудью и, грустно покачав головой, сказал:

— Выходит, это я, друг Садыквой, мешаю восторжествовать справедливости?

— Выходит так, Тураб-ака! — смело выдохнула Саяра.

— Ну и отчаянная жена у нашего Акрама,— проговорил Тураб примиряюще.— Эх, Саярахон, Саярахон! — Председатель придвинул свой стул к дивану и сел напротив Саяры.— Неужели вы действительно считаете меня таким дурным человеком? Мы ведь знакомы не первый день! Поверьте, если я хочу не предавать широкой огласке эту историю, то тому есть тысячи причин! Да, я согласен с вами, Садыквой совершил ошибку. Но мы вправе задать себе вопросы: «Как он дошел до такой жизни? Почему этот энергичный бригадир вдруг стал таким?» Как вы думаете?

— Пускай анализируют психологи или судебные эксперты, а не мы с вами,— буркнула Саяра.

— Напрасно вы так говорите. Даже аллах не безгрешен. Во всем надо разобраться не горячась. Легче всего рубить сплеча. Всем нам свойственно ошибаться,— сказал он и многозначительно посмотрел на Саяру.

— Как вы снисходительны и красноречивы. Даже преступление норовите назвать ошибкой!

— Хорошо! — произнес Турабджан и нетерпеливо мотнул головой. — Хорошо, пусть он совершил преступление. Но какая польза от того, что мы засадим Садыквою в тюрьму? Только оставим его троих детей без отца!

— Странная логика! Может быть, его следует наградить за то, что он еще не убил Хамиду?

— Заладили одно... Хамида, Хамидахон!.. — взорвался Тураб. — Если хотите знать, эта Хамида не такой уж ангел, как вы себе представляете! В конце концов женщины, которые берегут свою честь, не станут в укромных уголках встречаться с чужими мужьями. — Турабджан вдруг умолк и странно посмотрел на Саяру. — Да, да, есть и такая причина... Из-за которой я не могу рассказать вам всю правду.

«Господи, неужели он намекает на Акрама?» — Саяра густо покраснела, сердце ее забило так громко, что казалось, удары его слышны во всех уголках комнаты.

— Наконец вы перестали ходить вокруг да около и сказали правду. Вы просто не любите Хамиду... А то, на что вы намекаете, мне давно известно, — храбро схитрила Саяра. — Сама Хамида мне об этом рассказала.

— Не знаю, что рассказывала вам сама Хамида. Недавно я видел один французский фильм. Улицы Парижа. Набережная Сены. Там под каждым деревом, в каждом укромном местечке сидят в обнимку молодые парни и девушки — и целуются. А люди?.. Идут себе мимо, и ноль внимания. Никто даже не оглянется. Может быть, спустя сто лет и мы будем смотреть на такие вещи равнодушно. Но сейчас, простите, мы еще «не доросли» до этого. У нас, к счастью, не Париж.

— Перестаньте! — в отчаянии крикнула Саяра и зажала ладонями уши. — Зачем вы все это мне рассказываете? При чем здесь Париж? При чем Хамида? Ведь у нас с вами разговор совсем не об этом. Вы нарочно сбиваете меня!

Турабджан пожал плечами.

— Простите, если что не так. Я только хотел сказать, насколько каждое дело запутано и сложно...

Саяра поднялась с дивана.

— Я поняла только одно: вы не желаете, чтобы преступник был наказан.

— А я спрашиваю вас: какая польза от того, что мы накажем Садыквою?

— Люди будут верить, что существует справедливость. Хотя для вас, видимо, это такая малость!.. Я тут у вас много чего навидалась!

Саяра понимала, что надо остановиться, но это было не так просто.

— Что же вы видели? — спросил Тураб, задетый за живое ее тоном.

— Я никогда не думала, что в таком передовом колхозе, где председателем — друг моего мужа, во всем выезжают за счет женщин.

— О, аллах! — воскликнул Турабджан и шлепнул руками по бедрам. — Странные вы люди — интеллигенты. Ровным счетом ничего не смыслите в жизни, а нос суете повсюду! Скажите, зачем вы беретесь судить о том, о чем не имеете никакого представления?

— При чем тут интеллигенция? Просто вам правда глаза колет...

— Хватит, Саярахон, — нетерпеливо перебил Турабджан... — Всегда виноват не тот, кто лаган плова слопал, а тот, кто остаток слизал. Беретесь меня учить, а сами на слепого кутенка похожи. — Турабджан зло прищурился. — Я вас слушал, теперь вы меня послушайте, не отворачивайтесь, пожалуйста. Разве бы вы бросили такого парня, как Акрам, если бы имели хоть малейшее представление о жизни? Разве бросили бы свою прекрасную специальность?.. Связались с желторотыми птенцами, которые годятся вам в младшие братья?..

У Саяры от обиды выступили слезы.

— Вы несправедливы ко мне, Турабджан... — Чувствуя, что сейчас расплачется, она бросилась вон из кабинета.

Всю дорогу до больницы Саяра, не переставая, мысленно спорила с Турабом. Она не могла себе простить, что спасовала перед ним, не поставила на место. Сбежала, как нашкодившая девчонка. Она шла, не разбирая дороги. Скорее бы очутиться в спасительных четырех стенах, никого не видеть и не слышать! Попадись он ей сейчас, она бы уж не пощадила ни его возраста, ни положения. Как он смел вмешиваться в ее личную жизнь, читать нотации! Этот тон распоясавшегося бая!.. Возмутительные намеки!

Неожиданно перед ее глазами всплыло усталое и грустное лицо Акрама.

А что, если в этих намеках?.. Но разве ей теперь не все равно, что было между Хамидой и Акрамом? А если все равно, то почему так сжимается сердце при одном только имени мужа? И это неправда, неправда! Этого не могло быть.

Саяра даже остановилась и до боли прикусила губу. Нет, нет, это им не удастся. Они специально хотят поссорить ее с Хамидой. Тогда Тураб легко возьмет верх в их споре о Садыквове. «А если правда?» — нашептывал чей-то голос.

Ну и пусть, пусть! Ей нет до этого никакого дела.

Почти бегом она бросилась к больнице.

Пусть председатель не надеется. Она не отступит. Куда обратиться, откуда ждать помощи? Ведь она здесь никого не

знает! Ей уже, как Хамиде, начинало казаться, что все в сговоре с райсом. Неожиданно она вспомнила об Убае. Вот кто выручит! Надо срочно попросить Шахисту дать телеграмму. Он заставит с собой считаться, ведь за ним стоит газета...

Саяра почувствовала, как тяжесть, давившая ей на плечи, отпустила. Она облегченно вздохнула, как будто уже выиграла сражение.

Около ворот больницы стояла знакомая «Латвия». Саяра замедлила шаг и перевела дух. Она поймала себя на желании незаметно юркнуть в ближайший переулок, но было поздно, ее уже заметили. Из машины навстречу выпрыгнул ассистент режиссера. Его голос, радостно-возбужденный и громкий, наполнил всю улицу.

— Где же вы пропадаете? Нельзя заставлять столько муж-чин ждать себя. Мы просто с ног сбились. Без вас велено не появляться.

Увидев, что Саяра пытается что-то возразить, протестующе замахал руками.

— Н-никакие отговорки сегодня не принимаются. Мы вас похищаем, и точка. Прошу в машину.

Саяра не успела опомниться, как машина уже несла ее по улицам кишлака. Сзади длинным шлейфом поднималась пыль.

— В честь чего такой переполох?

— Сразу видно, что вы от рук отбились. Первая часть картины позади. У нас не принято пропускать такие события. А то дальше удачи не будет.

Саяра поняла, что возражать поздно и бесполезно.

Резко затормозив, машина остановилась у гузара — на самом оживленном перекрестке кишлака. Здесь же была местная чайхана. Шум, веселые возгласы доносились из внутреннего двора. В общем хоре голосов она отчетливо различила звонкий голос Нилуфар. Саяра и ее спутник вошли внутрь. У небольшого водоема прямо на деревянных помостах, в тени могучих карагачей, сидели люди. Здесь расположилась не только их компания. Неподалеку, степенно потягивая из пиал зеленый чай, чинно сидели длиннородые старики. По выражению их лиц трудно было понять, по душе ли им этот веселый той. Зато молодые парни не скрывали своих чувств.

— Вот жизнь! Красивые женщины, музыка!.. Это тебе не кетменем махать.

— Интересно, что они про наш кишлак наснимают!

— А-а!..

— Больно ты скор акать! Сам небось в кино любишь ходить!

— Посмотри!.. Наша новая дохтур-апа!

Чувствуя на себе пристальные взгляды, Саяра невольно ускорила шаг.

Ее появление новые друзья встретили радостным криком. Пир был в разгаре.

— Жар-птица поймана, — хорошо поставленным голосом провозгласил спутник Саяры.

Все дружно заплодировали. Шавкат, сидевший на самом почетном месте за низкой хантахтой, поднялся.

— Внимание! Минуточку тишины. Друзья, я хочу поднять тост за вновь прибывших. Все мы знаем, что успех фильма во многом зависит от таланта и обаяния нашей главной героини. Так выпьем же за очаровательную женщину, будущую звезду экрана — Саярухон Халикову!

Саяра смущенно хлопала ресницами. К ней тянулись руки с бокалами, каждый хотел сказать что-то ласковое, доброе.

— Подруга, за тебя! — услышала она голос Нилуфар.

— За будущую кинозвезду!

— Ура, Саярахон!

Зажмурившись, Саяра разом осушила бокал. Шавкат подвел ее к хантахте и усадил рядом. Теплая волна захлестнула Саяру. Она обвела взглядом собравшихся. Зачем она сопротивлялась? Почему не хотела сюда ехать? Как здесь легко и свободно дышится. Тяжесть, которая последнее время сжимала сердце, отступила, пришло ощущение молодости, легкости, радостного озорства. Рядом сидели молодые люди и девушки почти ее возраста, ее товарищи по работе. Загорелые, смеющиеся лица, пьянящий запах миндаля, влетающий в общее веселье говор падающей воды. Какими далекими и преувеличенными показались Саяре все заботы и волнения последних дней!

Шавкат, придвинувшись ближе, шепнул:

— Очнитесь, наша царевна — Ширин! ¹ Я рад, что вы сегодня с нами. И, ей-богу, не считайте меня пьяным, я действительно очень привязался к вам.

— Спасибо, — рассмеялась Саяра.

— Ну вот. Вы и засмеялись. Только я ведь не шучу. Вы не знаете себе цены. — Шавкат слегка сжал ее локоть. — Вы такая... милая, гордая и... прекрасная. Именно такие женщины мне нравятся... Давайте выпьем только вдвоем. За нашу дружбу! Мы ведь друзья, не так ли? — Шавкат настойчиво вложил в руку Саяры пиалу с сухим вином. Саяра молча кивнула. От вкрадчивого голоса, выпитого вина у нее кружилась голова. Взгляд Шавката, полный нескрываемого восхищения, смущал и волновал.

Какой он славный, она несправедлива к нему.

— Так не годится! Когда пьют за дружбу, надо смотреть друг другу в глаза.

Саяра заставила себя поднять голову и неожиданно наткнулась на колючий и недобрый взгляд Нилуфар. Саяра невольно отшатнулась. Как она могла забыть? Нилуфар сидела по другую сторону от режиссера, сидела не шевелясь, с напряженным лицом. Молоденькие девушки-гримерши украдкой наблюдали за

¹ Ширин — героиня фольклорного и литературного памятника народов Востока «Фархад и Ширин». Трагическая история любви; ее герои соотносятся с реальными прототипами, жившими в VI—VII вв.

ними. Молнией мелькнула догадка: «Ревнует! Нилуфар ревнует!» Саяра опомнилась, обвела всех взглядом.

Смятый шелк одеял, остатки пищи, и среди них, как распавшиеся бусы, влажные крупные виноградины.

Господи, что она делает здесь, среди этих далеких, в сущности, чужих ей людей? Все, что минуту назад казалось таким привлекательным,— предстало в ином свете. Вдруг Саяре показалось, что на нее в упор, осуждающе смотрит Турабджан: «Разве связались бы с желторотыми птенцами, которые годятся вам в младшие братья?»

Саяра покраснела, как будто ее уличили в чем-то нехорошем, и попыталась поставить пиалу на столик.

— Саярахон, так нельзя,— шутливо взмолился Шавкат и попробовал удержать Саяру за плечи. Саяра резко отстранилась.

— Нельзя же быть такой строгой! Иногда можно позволить себе и отдых, отвести душу. Ведь мы с вами вполне современные люди. Без таких разрядок мир может показаться пресным и бесцветным! Молодость дается только один раз. Это не банальность, а мудрость, поверьте мне.— Шавкат продолжал острить, не замечая изменившегося настроения Саяры.

Бросив быстрый взгляд на Нилуфар, Саяра неожиданно встала.

— Давайте выпьем за мою подругу, за Нилуфар! Природа наделила ее красотой, талантом, умом! Мне кажется, она нашла свое призвание. А это так важно. Мне хочется пожелать ей большого плавания. За твой успех, Нилуфар! — Саяра повернулась к подруге и, не садясь, выпила всю пиалу до дна.

Как будто кто-то окропил Нилуфар живой водой. Она вся засветилась, потянулась к Саяре, крепко обняла ее.

Шавкат внимательно посмотрел на Саяру, добавил:

— Вы правы, Саярахон, Нилуфар молодчина. Она сегодня так играла, что буквально изумила всех. Пожалуй, у нее действительно природный талант, а мы только скромно помогаем ему проявиться.

Саяра громко крикнула:

— Итак, прощай, доктор Нилуфар! Да здравствует Нилуфар-актриса!

Вокруг Нилуфар образовался веселый кружок, она стала центром всеобщего внимания. Кто-то из парней даже попробовал поднять ее на руки. Нилуфар торжествовала.

Саяра стояла чуть в стороне и с легкой грустью наблюдала за происходящим. Какие они разные, как многое их уже разделяет! Тысячу раз прав отец! Разве не легкомысленно в двадцать шесть лет, имея семью и ребенка, с дипломом врача, все бросить, разрушить во имя пустой химеры. Если разобраться всерьез и быть честной перед собой до конца,— какая она актриса! Что общего между ее легкомысленным стремлением к славе и настоящим призванием! Сейчас она даже не могла понять, как такая идея пришла ей в голову. Еще не начав по-настоящему

работать в кино, она уже охладела к своей роли. Ее не трогают переживания героини, безразлична ее судьба. Саяра почувствовала свою вину перед Шавкатджаном, Нилуфар, перед группой. Для них сейчас нет ничего важнее фильма. А для нее?.. Среди шума и смеха Саяра еще острее ощутила свое одиночество.

Никто не обращал на нее внимания. Шавкат, как опытный дирижер, руководил общим весельем. Один за другим следовали тосты. Весело пили за успех каждого актера и за успех картины, за мир и за молодость. Саяра незаметно выскользнула из круга.

Кишлак спал. Тихие улочки были пустынно и просторны. Луна еще не взошла. Мягкое бархатное небо нависало так близко, что, казалось, звезды запутывались в ветвях деревьев. Земля отдыхала от дневного зноя. Хотелось побыть наедине с собой, со своими невеселыми мыслями. Просто посидеть у арыка, вслушиваясь в его журчанье. В конце концов пора во всем разобраться. Задумавшись, Саяра не услышала за своей спиной шагов и вздрогнула, когда кто-то властно взял ее за руку.

— Саярахон, вы опять сбежали, — узнала она приглушенный голос Шавката. — Простите, но вот уже несколько дней я хочу серьезно поговорить с вами. Вы не возражаете?

Шавкат, не ожидая ответа, пошел рядом.

— Что с вами случилось, Саярахон? Вы так переменялись за последнее время. Ваше отчуждение, этот срыв на съемках, я начинаю не на шутку беспокоиться! Куда девалась ваша прежняя воодушевленность, та легкость и вдохновение, с которыми вы работали над ролью?

Саяра подавленно молчала. «Надо собраться с силами и сказать ему правду,» — подумала она. Но вместо этого проормотала что-то невнятное.

— Вы же знаете, Шавкатджан, этот случай с женщиной...

— Нельзя же принимать все так близко к сердцу. Эдак любая чужая беда может надолго вывести вас из колеи. Первая заповедь — актриса не должна поддаваться своим чувствам. Неужели я в вас ошибся? Честно говоря, Саярахон, я был просто восхищен вашим мужеством, узнав, как решительно вы порвали с мужем, когда он попытался навязать вам свои правила жизни.

— Прошу вас, об этом... не надо, — вздрогнула Саяра.

— Вы меня не так поняли. Я вовсе не собираюсь вмешиваться в вашу личную жизнь. Просто как режиссер я хотел дать вам несколько советов. Во-первых, вы должны извлекать все лучшее из своего положения...

— А именно? Что вы имеете в виду?

Шавкат остановился и взял Саяру за плечи.

— Я хотел вам напомнить, что вы молодая, красивая, полная сил женщина!

— А во-вторых?

— Во-вторых... будьте женщиной, в лучшем смысле этого слова. Тогда и работа наша с вами пойдет на славу. Поймете, как я был прав. О, какое это сложное искусство — быть актрисой,

быть женщиной! Вы должны увлечь людей, покорить их не только своим талантом, но и обаянием...— Шавкат стиснул руку Саяры. Она мягко, но настойчиво высвободила ладонь.

— Я не могу воспользоваться вашим уроком. Я просто... Я не актриса.

Странное дело, то, что волновало Саяру совсем недавно: его прозрачные намеки, комплименты,— теперь ее почти не трогало. Решительно, даже жестко, она проговорила, глядя прямо ему в лицо:

— Я поняла, что не справлюсь с ролью, и прошу вас освободить меня от съемок.

Шавкат изменился в лице.

— Что, что вы сказали? — спросил он резко.— Вы хотите, чтобы из-за ваших капризов я поставил под удар работу всего коллектива? Выкиньте эти мысли из головы.

— Я очень виновата перед вами, но я не могу больше сниматься! Шавкатджан, попробуйте вместо меня Нилуфар. Она отлично справится с ролью.

Шавкат пропустил замечание Саяры мимо ушей.

— Прошу вас, Саярахон, забудем этот разговор. Вы же знаете, что это моя первая картина. У меня с ней связано столько планов, надежд... Это как первые шаги, когда человек учится ходить. Понимаете... Ваш отказ — это удар в спину... А потом, если я вас чем-то обидел — простите. Обещаю, что отныне у нас будут только официальные, деловые отношения. Вам не в чем будет меня упрекнуть... Вот мы уже почти и пришли. Не смею дольше навязывать свое общество. До завтра. Ровно в восемь я жду вас на площадке.

Шавкатджан повернулся и, не оглядываясь, пошел прочь.

Саяра растерянно смотрела ему вслед. Ее испугала категоричность слов Шавката. Неужели ей действительно не выбраться из этого капкана? Где найти выход?

До поздней ночи Саяра ворочалась в постели, не в силах уснуть.

Саяра проснулась от сильного шума во дворе больницы. Кто-то ругался и громко кричал. Она прислушалась. Калитка с треском хлопнула один раз, второй... Потом раздался сердитый голос старика сторожа:

— Ты что, с ума сошла, старая? Перепугаешь мне всех больных!

Саяра торопливо накинула халат и вышла в коридор. Медсестра предостерегающе шагнула навстречу, испуганно шепнула: «Не выходите, от этой злобной старухи всего можно ожидать...» Не дослушав, Саяра открыла дверь.

Посреди двора стояла дочерна иссушенная солнцем старуха с распущенными волосами и в сбившемся головном платке. К ее ногам боязливо жались двое детей — мальчик лет шести

и девочка чуть постарше. Они стояли не шевелясь. Широко раскрытые глаза их были полны страха.

Саяра спустилась с крыльца.

— Что здесь происходит, отец?

— А, вот ты где, наша погубительница! Смотрите, люди добрые, все смотрите! — истерично завизжала старуха. — Прочь с глаз, безмозглый старик! — С неожиданной силой оттолкнув сторожа, старуха бросилась к Саяре. — Не смотри, что я старая, я еще сумею постоять за своего сына! Лучше меня засади в тюрьму, чем его... Ишь чего захотела, бесстыжая!

Старик сторож поспешно встал между Саярой и старухой.

— Зачем вы привели сюда детей? — бледнея от волнения, проговорила Саяра.

— Еще спрашиваешь, зачем привела? Чтоб сиротки знали, видели, кто их обездолил! Ишь чего захотела — кормилица в тюрьму... Сама теперь с ними нянчиться будешь! — Старуха схватила за руку мальчика и толкнула его к Саяре. Мальчик споткнулся о камень и, падая, обхватил руками колени Саяры. Не успела Саяра опомниться, как старуха бросила к ее ногам девочку. Задохнувшись, Саяра прижала к себе плачущих детей, востыкнула возмущенно:

— Вас на пушечный выстрел нельзя подпускать к детям! Вы искалечите их, безумная женщина!

Старуха рванула платок с головы.

— Вот как ты заговорила, наглая! Слушайте все, как оскорбляют мои седины. Внучата мои бедные, сиротки бесприютные! Разлучить нас задумали, — запричитала она плаксиво.

Все молча наблюдали за этой сценой. Саяра первая пришла в себя, смело шагнула к старухе:

— Хватит, кончайте спектакль. Здесь больница, и людям нужен покой. Уходите.

Старуха потянулась к детям, но Саяра загородила их.

— Нет, нет, дети пока останутся здесь.

Рядом с Саярой встали сторож и медсестра. Старуха на мгновение растерялась. Но в это время в ворота больницы ввалился Садыквой. Лицо красное, волосы растрепаны, рубаха нараспашку, в руках длинная плеть. Увидев подмогу, старуха с новой силой заголосила.

— Вайдоод! — завопила она, хлопая руками по иссохшим бедрам. — Мусульмане! Что вы смотрите? Аллах покарает вас. Среди бела дня отнять у беззащитной старухи внучат? Вайдоод!

Садыквой стоял, силясь понять, и ничего не понимал. На всякий случай он угрожающе взмахнул плетью, со свистом рассек воздух. Воспользовавшись замешательством, старуха рванулась к детям и, цепко ухватившись за них, поволокла к воротам.

Плач детей заставил Саяру очнуться. С отчаянной решимостью она крикнула старухе:

— Оставьте детей, немедленно оставьте. Или я вызову из района милицию!

Старик сторож пришел ей на подмогу и загородил путь:

— Пусти детей, добром тебя прошу. Не вводи в грех... Слышишь... Кончай, старая, над ними измываться. Пошутили, и хватит!

— Отец, присмотрите за малышами! — сказала Саяра. — А я сейчас позвоню в милицию.

Яростно наскაკивая на сторожа, старуха и не думала отступать. Наконец угроза Саяры дошла до Садыквой. Ни на кого не глядя, он угрюмо произнес:

— Не вмешивайтесь не в свое дело, мать.

— Вы слышите этого безумного, мусульмане! Как он разговаривает с родной матерью! Есть ли правда на земле?

— Придержите язык, мама! — Садыквой, побледнев, шагнул к старухе. — Чтоб жалеть потом не пришлось!

— Придержите язык, говоришь? Это мне-то, родной матери!.. Грозишься еще... Вместо благодарности. Глаза бы мои тебя не видали. По мне хоть снова сходишь со своей шлюхой! Палец о палец не ударю больше, чтоб твою беду развести!

Накинув на распустившиеся волосы платок, путаясь в длинном подоле платья, старуха засемила прочь.

Садыквой отбросил в сторону плетъ, тяжело вздохнул.

— Ладно уж, ападжан, с горя это мать. Пошли, что ли, домой, малыши...

— Нет, Садыквой. В таком состоянии я вам их не отдам. Куда вы их возьмете? Пусть лучше побудут у матери Хамиды. Шахиста отведет их к ней.

— Эх, ападжан. Если бы не дети! Если бы только не дети... — Садыквой, как пьяный, мотнул головой.

Перехватив жалобный и растерянный взгляд ребят, Саяра прервала его:

— Опомнитесь, Садыквой. Мы здесь не одни, будьте мужчиной!

— Вам легко говорить — «будьте мужчиной»! — Садыквой криво усмехнулся. — Если бы не ваш уважаемый супруг, жили бы мы все мирно и спокойно... Чего так смотрите, будто в первый раз меня увидели? Лучше это письмоцо почитайте, ападжан! — Садыквой широко раскрыл ладонь. На ней лежал смятый лист бумаги.

Тупо заныло сердце. «Неужели — правда?»

— Я передам это письмо прокурору! — сказал Садыквой и, обхватив руками голову, стал раскачиваться из стороны в сторону... — Десять лет крутили любовь. Десять лет!..

Земля рванулась из-под ног Саяры. Она почувствовала, будто что-то липкое и скользкое коснулось ее тела. Вытянув вперед руку, словно защищаясь от удара, вымолвила скороговоркой:

— Хватит! Избавьте меня от всей этой чужой грязи!

Садыквой сжал руками голову, присел на корточки.

— Кому — чужое, кому — свое! Скоро же оно у вас, горожан, чужим делается. А у меня душа горит. Если бы вы могли заглянуть ко мне внутрь. Не сердце, а кровавая рана!

На мгновение Саяре даже стало жалко этого недалекого измученного человека.

— Послушайте, Садыквой. Возьмите себя в руки. Гнев слепит вам глаза и сердце. Идите домой. Не к лицу так раскисать.

Садыквой поднялся, с тоской взглянул на детей и вновь невнятно забормотал:

— Эх, ападжан, ападжан! Знали бы вы, как мне тяжело! Кто бы только знал...— И, махнув рукой, пошатываясь, пошел к воротам.

Саяра смотрела ему вслед, пока Садыквой не скрылся за калиткой, оглядела двор — из всех окон выглядывали больные, прижавшись друг к другу, у забора стояли дети.

— Шахиста не приходила? — спросила Саяра у медсестры.

— Нет еще.

— Накормите, пожалуйста, детей и присмотрите за ними. Когда придет Шахиста, пусть зайдет ко мне.

В кабинете главврача Саяра навзничь упала на диван и закрыла глаза... Тут же она увидела раскрытую ладонь Садыквой и в ней — скомканное письмо. Откровенные намеки Туррабджана, Садыквой и теперь... это письмо. Неужели они правы и Акрам столько лет обманывал ее?! Но Хамида... Можно ли сомневаться в ее искренности? Умом Саяра понимала, что все грязные намеки — вздор, что если она даст волю своему чувству, — ловушка захлопнется. Но сердце, выйдя из-под контроля, продолжало ныть... И зачем только, на свою беду, она решилась сниматься в фильме! Судьба сыграла с ней такую злую шутку — занесла в кишлак Акрама. Ей страстно захотелось бросить все и уехать из Бака-Булака, забыть всех, попробовать начать новую жизнь.

— Апа, ападжан!..

Шахиста, глотая слезы, стояла у дверей. Поборов свинцовую усталость, Саяра поднялась, нехотя спросила:

— Что еще?

— Сестра, — произнесла Шахиста. — Сестра все слышала. Она зовет вас.

— Умоляю тебя, только без слез. У меня нервы и так натянуты до предела... Лучше позаботься о племянниках... Да, кстати. — Саяра посмотрела в упор на Шахисту. — Дай срочную телеграмму Убайджану. Пусть приезжает. Начинающему журналисту полезно посмотреть, что здесь происходит. Без него мы, пожалуй, не справимся.

Шахиста кивнула головой, опустила глаза.

— Я и сама думала об этом. Каждый день... Муратджан засылает сватов, дома нет покоя...

Саяра улыбнулась.

— Вот и прекрасно. Пусть соперники встретятся.

На съемки Саяра опоздала на целый час. Но, как всегда, еще ничего не было готово: плотники что-то колдовали вокруг декораций, операторы спорили друг с другом, помощник режиссера кричал на ассистента, тот в свою очередь — на гримера; словом, царила обычная предсъёмочная суматоха. Только один Шавкатджан молча расхаживал по площадке, заложив руки за спину, как генерал перед решающим сражением. Губы плотно сжаты, брови насуслены. Он встретил Саяру долгим изучающим взглядом.

— Ну, как настроение? Вид у вас неважный. Опять что-нибудь стряслось?

— Все нормально, — сдержанно ответила Саяра. Ей не хотелось ничего рассказывать о скандале в больнице.

— Вот и хорошо, — кивнул Шавкат и, взяв ее под руку, повел в сад.

Некоторое время они шли молча. Саяра настороженно ждала, что скажет Шавкат. Чего ожидать от этого неумемного человека — новой вспышки гнева или еще одной попытки сдержанного ухаживания? И то и другое в равной степени страшило ее. Шавкат шел, думая о чем-то своем, словно не замечая Саяры. Наконец он знаком попросил ее присесть на скамейку. Заговорил медленно, подбирая слова:

— Несклько слов, чтоб больше не возвращаться ко вчерашнему. Поверьте, я был с вами искренен во всем. Постарайтесь забыть мелкие обиды. Вы должны помнить одно: успех фильма действительно зависит от вас. Если не хотите подвести нас всех, выбросьте из головы сомнения и нерешительность. Вас единогласно утвердил худсовет студии. Так что отступать некуда. — Он ободряюще улыбнулся Саяре и, как бы читая ее мысли, добавил: — Попалась птичка!.. Ну, хватит выяснять отношения! До чего же это трудная и неблагодарная работа. Прошу вас, милая Саярахон, возьмите себя в руки. Сосредоточьтесь. Давайте еще раз вместе подработаем сегодняшнюю сцену.

Саяра покорно, с чувством обреченности открыла сценарий. Шавкат весь подобрался, на глазах превратился в другого человека.

— Итак, сегодня у вас маленький эпизод. Всего два-три слова. Но в этом скрывается вся трудность. Важны не слова, а состояние героини. Постарайтесь найти убедительные краски, чтоб передать ее переживания. Я — зритель, и я должен поверить вам. Быстро восстановим экспозицию.

Цветущий сад. Здесь устраивается званый ужин. Приглашен молодой инженер. Он влюблен в вас. Вы, усталая, хлопчете, стараясь как можно быстрее и лучше приготовить ужин. Гостю

хочется помочь вам, но правила этикета не позволяют ему, постороннему человеку, вмешиваться. Неотрывно следит он за каждым вашим движением. Наконец не выдерживает и, обращаясь к вашему мужу, говорит: «Давайте распределим обязанности: вы помогайте готовить, а я буду накрывать на стол». Дальше следует реплика вашего мужа: «Вы что-то перепутали, дорогой друг. Разве сегодня Восьмое марта?!» Вот, собственно, и вся нехитрая сцена. Но от вас потребуется многое. Вы в кадре крупным планом. Попробуйте точнее и многостороннее передать все движения души героини. Вас обидели, оскорбили в присутствии человека, который вам далеко не безразличен. Гордость, уязвленное самолюбие, наконец, боль. Смотрите, какая огромная гамма чувств! Помните, внимание зрителя сосредоточено только на вас. Вот ваша единственная реплика:

— В своем остроумии вы сегодня превзошли самого себя!

Еле сдерживая слезы, вы выбегаете из комнаты... Понятна ваша задача в этом эпизоде?

Саяра кивнула.

— Давайте попробуем.

Саяра встала, сделала несколько нерешительных шагов и еле слышно произнесла:

— Разрешите мне самой еще раз продумать эту сцену.

— Ну, что ж. Попробуйте сосредоточиться. Но учтите, скоро начинаем съемки.

Шавкат оставил Саяру одну.

Месяц назад, когда Саяра прочла этот сценарий, ей все казалось в нем естественным и правдивым. Как живо она представляла себе сцену, которую ей предстояло сейчас сыграть! Она видела сад, мужа, развалившегося на супе, узнавала в молодом инженере чьи-то знакомые черты. Как искренне ей было жаль героиню... и... себя! А теперь? Что с ней случилось? Саяра закрыла сценарий и вновь опустила на скамейку. Нахлынули воспоминания.

Там, в городе, осталась дочка, Акрам. Жизнь, еще недавно так хорошо налаженная, сломана. Она не знает, что ждет ее впереди. Рядом, в больнице, лежит женщина, судьба которой странным образом слилась с ее судьбой... А она, Саяра, должна почему-то сочувствовать героине, у которой придуманная жизнь и придуманная беда. По сравнению с тем, что пережила Хамида, все, что происходит в сценарии, и впрямь выглядит детской забавой.

Саяра вышла на съемочную площадку смятенная и растерянная. В чем она может убедить зрителей, когда в душе нет ни капли жалости к героине? Шавкат терпеливо, снова и снова пробовал объяснить ей смысл сцены... Но Саяра была глуха ко всему. Она лишь старательно повторяла слова, заученно улыбалась, с ученической прилежностью и з о б р а ж а л а страдания. Измученные жарой люди вновь и вновь повторяли сцену.

И все напрасно. Окончательно выбившись из сил, огорченный Шавкат отпустил всех и объявил перерыв до вечера.

Саяра чувствовала себя разбитой и несчастной. Больше всего она была рада наступившей передышке. Но ее ждало еще одно испытание. Не успел Шавкат уйти, как Саяру со всех сторон окружили девушки.

— Что с тобой происходит?

— Тебя будто подменили!

— Может быть, на тебя так действует жара?

Саяра зажала уши и бросилась прочь. Она перевела дыхание, когда съемочная площадка осталась далеко позади. Неожиданно наступившая тишина и мерное жужжание пчел подействовали на Саяру успокаивающе. Она обхватила руками ствол яблони, прижалась лбом к ее прохладной коре.

«Так дальше нельзя! Я просто пропаду. Надо найти выход. Надо! Но какой?»

Внезапно Саяра почувствовала, что она не одна. Затравленно оглянулась и увидела недалеко от себя тонкую фигурку Нилуфар. Девушка молча стояла в стороне, видно не решаясь подойти. Заметив, что Саяра смотрит на нее, Нилуфар несмело двинулась к ней навстречу.

— Апа, ападжан! — Нилуфар на полуслове смолкла.

Саяра видела, что Нилуфар очень взволнованна. Наступила неловкая пауза. Наконец Нилуфар выпалила:

— Отдай мне эту роль!.. — Саяра удивленно подняла брови.

— Саярахон, я сама не знаю, что я говорю, но мне так хочется сыграть... Я не сплю ночами, я просто извелась... Я понимаю, то, что я говорю, ужасно, но ничего не могу с собой поделать...

Нилуфар говорила все сбивчивее и тревожнее. Она торопилась, боясь, что Саяра не поймет ее.

— Знаешь, когда ты играешь, я каждое слово повторяю за тобой. Мне так и хочется крикнуть тебе: «Не так, не то... Она совсем другая!..» Посмотри, как я сыграла бы последний эпизод.

Нилуфар торопливо отбежала в сторону, легко провела рукой по лицу, распрямилась... Застенчивая, чуть усталая улыбка, руки, проворно наводящие порядок на мнимом дастархане. Вот она накрывает скатерть, проходит мимо безразличного к ее хлопотам мужа, вот, оглядываясь через плечо, ловит взгляд гостя... Саяра невольно залюбовалась подругой. Пораженная, она словно впервые видела свою подругу. Тонкие, искусно подкрашенные брови, длинные ресницы, гибкая, ладная фигурка. Нилуфар играла со страстью, словно перед ней была не Саяра, а целая комиссия придирчивых экзаменаторов, решающих ее судьбу.

«Да, да, — думала Саяра, наблюдая за подругой. — Все решается само собой. Эта роль написана для Нилуфар».

Возбужденная и уставшая, Нилуфар опустила прямо на траву под деревом. С надеждой заглянула в глаза подруге.

Саяра подошла, села рядом, обняла, сказала с чуть грустной улыбкой:

— Ты просто молодчина! Кто знает, может быть, из тебя действительно получится настоящая актриса? Сегодня же поговорю с Шавкатджаном.

Нилуфар испуганно отпрянула.

— Нет, нет, только не это. Если он откажет, я не знаю, что сделаю с собой!

— Что же ты хочешь?

— Я буду с тобой откровенна до конца. Я вижу, что тебе тяжело здесь, ты мне ничего не рассказываешь, но я ведь не слепая. Уезжай отсюда, умоляю тебя! Так будет лучше и тебе и мне.

Нилуфар ткнулась лицом в грудь Саяры, со стоном проговорила:

— Я просто схожу с ума!.. Я не могу без него... без Шавкатджана.

Только теперь Саяра начала кое-что понимать. Она невольно отодвинулась от Нилуфар.

— А как же Зафар?

Нилуфар вскочила, нервно прикусив губу.

— Что с ним станет, с твоим Зафаром? Долго горевать не будет, не волнуйся!

Саяру поразила жесточенность в голосе подруги.

— С тех пор как я познакомилась с Шавкатом, Зафар перестал для меня существовать.

Подавленная, Саяра молчала. Что она могла сказать подруге? Неожиданно Нилуфар побледнела и стала суетливо прощаться.

— Вот он, идет сюда. Сам! Я не могу с ним сейчас встречаться. Не в силах,— прошептала девушка и быстро скрылась за деревьями.

Саяра осталась одна. Растерянно оглянулась. Шавкат был уже совсем близко. Она попыталась собраться с мыслями. Сейчас она скажет ему все, а дальше — будь что будет.

Шавкат подошел, приветливо улыбнулся:

— Вот вы куда скрылись, беглянка!

Он был мягок и предупредителен. Саяре казалось, что он разговаривает с ней, как с тяжело больной.

— Я опять по вашу душу. Ну-ка пойдемте, попробуем еще разок. Вот увидите, сейчас у вас все прекрасно получится.— Он протянул ей руку, словно приглашая следовать за собой.

Саяра покачала головой.

— Опять за свое! — искренне огорчился Шавкат.— Скажите честно, что вам мешает работать?

— Я не актриса.

Шавкат даже крикнул от досады.

«Не то», — поморщилась Саяра.

— Возьмите лучше вместо меня Нилуфар.

— Что вы так заботитесь о Нилуфар? Каждому свое. Нилуфар никто не обижает. Но она не может быть героиней в этом фильме. Я это вам уже говорил не раз. Что вы упорствуете, Саярахон? — Видно было, что Шавкат дал себе слово не срываться.

Саяра проклинала себя в душе. Неужели она так беспомощна, что не может членораздельно объяснить Шавкату, что права?

Режиссер выжидающе смотрел на нее. Наконец Саяра решилась.

— Вы не однажды говорили, что друг мне.— Шавкат утвердительно кивнул головой.— Если так, наберитесь терпения, выслушайте и попробуйте понять меня. Еще и еще раз я убеждаюсь, что я не актриса. Это ошибка. Мое место не здесь. Лучше сказать об этом честно, чем мучить себя и вас. Ведь результат все равно будет один — я не справлюсь. Хорошо хоть, что съемки только начались.

На этот раз в голосе Саяры было что-то такое, что заставило Шавката со страхом понять: она говорит серьезно.

— А потом...— Саяра помедлила,— я совершенно охладела к сценарию,— решила она наконец сжечь за собой все мосты.

Она перевела дух, как после тяжелой работы, взглянула на Шавката. Он стоял, опустив голову, глубоко задумавшись.

— Я здесь за эти дни повзрослела на десять лет. Таково насмотрелась!.. Горевать вместе с моей героиней над ее игрушечными бедами... Увольте, просто не могу... Простите меня...— окончательно сбилась Саяра, видя, как убит Шавкат.— Я... Простите...

Шавкат вздохнул, трудно пошевелил плечами, как скованный.

— Да!.. Задали вы мне задачу. Я и сам многое вижу. Но изменить сценарий, увы, не в моих силах. Я подумаю... Но давайте еще вернемся к нашему разговору. Не будем считать его окончательным.

Неожиданно он ободряюще улыбнулся.

— Может быть, попробуем еще, Саярахон?

Саяра испуганно отступила.

— Не могу.

— Ну, что ж.— Шавкат вздохнул и взглянул на часы.— Мне пора. Хочется все же верить, что я не ошибся в вас. Надеюсь, до скорой встречи.

«Кажется, я выполнила свое обещание. Нилуфар будет играть в этом фильме главную роль»,— с грустью подумала Саяра, провожая взглядом быстро удаляющуюся фигуру Шавкатджана.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Убай приехал в Бака-Булак. Узнав историю Хамиды и Садыквою, он возмутился. «Непременно выступлю в газете,— решил он.— И позлей! С фельетоном! Надо проучить него-дяев!»

Но Хамида отнеслась к его словам равнодушно. Встретила она Убай тепло. Когда он склонился над ее койкой и назвал свое имя, улыбнулась, тихо сказала: «Слышала. Знаю...» Но едва Убай заговорил о газете, о публичном осуждении тех, кто покрывает ее мужа, перебила:

— Не вмешивайтесь, Убайджан! Будет только хуже!

Убай недоуменно посмотрел на Саяру. В этот раз она удивила его. Чем именно, он, пожалуй, сам затруднился бы сказать. Саяра похудела, устала, у глаз легли тонкой паутинкой морщинки, и в то же время во всем ее облике появилась какая-то зрелая завершенность, значительность.

— Объясните, Саярахон. Ничего не понимаю!

— Я тоже еще не очень разобралась... Но, увы, уже настроена не так оптимистично, как несколько дней назад.

— Да перестаньте говорить загадками! Я привык белое называть белым, а черное — черным. А тут все как-то шиворот-навыворот. Можете объяснить толком, что происходит?

— Могу. Один человек искалечил жену, а кое-кто пытается спрятать концы в воду.

— Вот я и хочу знать — почему?

— Попробую объяснить, но трудно... Как вы думаете, хороший тут колхоз или плохой?

— Хороший, растущий... Во всяком случае, так принято думать.

— Верно. И председатель его — тоже растущий. А сбивать с ног тех, кто растет, не положено. За это не похвалят. Скажут, за деревьями леса не разглядели.

Хамида слушала, прикрыв ресницами глаза.

— Так зачем же меня позвали? — угрюмо спросил Убайджан.— Выходит, Садыквою благодарность надо выносить?

— Я уж сама как-нибудь, без газеты разберусь,— промолвила Хамида.— Не хватало, чтоб на меня еще ополчились соседи. За клевету на колхоз... Тогда уж совсем выживут из кишлака.— Хамида устало прикрыла глаза.— Я уже навоевалась, сыта по горло... Сначала с райсом — он мне указал на дверь. Потом решила просить помощи у мужа Саярыхон — и очутилась в больнице. Дальше?.. С меня хватит!

Убай растерялся.

— Значит, я ничем не могу помочь?

— Поговорите с райсом,— вмешалась Саяра.— Может, вам больше повезет.

Хамида протестующе махнула рукой.

— Оставьте. Пусть Убайджан за свою Шахисту воюет. И ему

раис может стать поперек дороги. Нечего из-за меня осложнять с ним отношения.

Убай вышел из палаты в замешательстве. Какой-то заколдованный круг! И что еще за всемогущий раис, во владения которого он попал?

Во дворе больницы, в тени под алычой, его ждала Шахиста. Она молча выслушала Убая и тихо сказала:

— Бедная сестренка. Она боится не за себя, а за детей. Ты еще не все знаешь.

— Может быть, не все. Но достаточно, чтоб понять, что она волнуется не только за детей, а еще кое за кого.— Убай выразительно посмотрел в глаза Шахисты.— И сейчас ты мне объяснишь — почему? Что тут происходит?

Шахиста густо покраснела.

— Сваты дома каждый день...

— С чем тебя и поздравляю!

— Спасибо.

— Ну а родители?

— Сваты не от кого-нибудь, от брата самого раиса. Ты думаешь, родителям легко отказать раису?

— Опять этот раис! Прямо владетельный бай какой-то! Да что вы здесь, крепостные все у него, что ли? — Убай помрачнел.— С меня хватит. Сейчас же пойду к этому типу!.. А вечером — жди в гости. Буду говорить с твоими родителями!

Шахиста искоса, с лукавинкой посмотрела на Убая.

— Мой отец привык беседовать с женихами!

— И отлично! Только не забудь приготовить плов... Твой плов, Шахиста, твоими руками приготовленный! — Убай хотел притянуть Шахисту к себе, но та ударила его по руке и, выскочив из-под алычи, легко взбежала по ступенькам больничного крыльца.

— Не забывайтесь, Убайджан! Это вам не молодежное кафе! Здесь совсем другие порядки, и устанавливает их Турабджан-ака, наш раис. А строптивым он сворачивает шею. Так-то!

Убай шутливо поклонился, приложив руку к груди.

— О мудрейшая из женщин, сколь ценен твой совет! Я буду впредь скромн и благочестив. Может быть, хозяин здешних мест сжалится надо мной и подарит мне в жены лучший цветок, который когда-нибудь произрастал на его земле!

Шахиста со смехом скрылась за дверь.

Хоть и шутил Убай, но рассказы о всеильном раисе все-таки смущали его. Не то чтобы он испугался, нет. И все же чем ближе он подходил к правлению, тем чаще опускал руку в карман и ощупывал журналистский билет. Еще поглядим, кто кого!

Но в правлении было пусто, жарко и сонно. Скучающий бухгалтер меланхолично сообщил: «сам» уехал на бюро райкома, совещание кончится поздно, и раис, очевидно, заночует в районе. Словом, сегодня ждать его нечего. Невольно Убай почувствовал облегчение: «Это хорошо, что его нет. Огляжусь, разузнаю все

толком, отберу факты поувесистей, явлюсь во всеоружии: «Асса-лам алейкум!»... Тогда посмотрим, кто кого!»

Выйдя из правления, он постоял, обдумывая, куда сейчас идти, с какого конца начать. И решил встретиться с Садыквоем.

Улочка, ведущая в бригаду Садыквоя, была настолько узкой, что нельзя было понять, как по ней ездят, едва ли тут могли разминуться две встретившиеся арбы. Верхушки джиды, орешника и серебристых тополей, растущих по обе стороны улицы, соединялись между собой и образовывали плотный шатер. Было тенисто, свежо и влажно. Через распахнутые двери, через проемы дувалов виднелись уютные, политые водой дворики. Глиняные помосты окружены яркими цветами и застелены столь же яркими одеялами. У таңдыров хлопотали женщины, и по улице тянуло сладковато-сочным запахом испеченных лепешек. Он так и видел их перед глазами — румяные, обжигающие, хрустящие. Невольно рот наполнило слюной. От всего веяло извечным, прадедовским покоем. Хотелось войти в один из этих двориков, лечь на сури, глядеть в небо и ни о чем не думать.

Пройдя с километр, Убай остановился: улочка внезапно оборвалась, и перед ним открылась ласкающая зеленюю, невыгодная лощина, по которой протекала горная речушка — сай... Дальше, по ту сторону лощины, до самого холмистого взгорья, тянулись густые сады. Слева от пыльной дороги виднелось хлопковое поле... Лощина суматошно жила... звучала голосами. В ожидании стада весело кричали и носились в пыли мальчишки. Из садов доносилось мычание телят. А блеяние овец почему-то навевало светлую грусть.

Убай прошел мимо мальчишек, игравших в чиллак, остановился на обрывистом берегу речушки. От хлопкового поля навстречу ему шел невысокий, подобранный, опаленный солнцем до густой лиловости человек с седеющей бородкой. Он остановился около мутного, бежавшего неподалеку арыка, положил на землю огромный, не по росту кетмень и, засучив рукава на крепких, казалось, состоящих из одних перекрученных сухожилий руках, стал не торопясь, со вкусом умываться. Убай подошел, поздоровался, спросил, как отыскать бригадира.

— Бригадира... Гм-м... — Старик влажными пальцами разгладил брови и бороду. — Кроме девчат-поливальщиц, сейчас никого на поле нет.

— Но где же все-таки бригадир?

Старик сморщился в улыбку и оглядел с ног до головы Убая.

— Вижу, вы не здешний... Может, показать его дом?

— А-а, ладно! — махнул рукой Убай и осторожно, следя за выражением лица старика, спросил: — Не скажете ли, где здесь сад Маткабула-ака?

Старик значительно поднял лохматые брови, не спеша снял с себя шелковый белбаг, не спеша вытер им лицо и руки и вдруг почему-то рассмеялся.

— Сад его недалеко. И сам Маткабул рядом с тобой, сынок. Маткабул по прозвищу Дядя. А почему «Дядя» — аллах его ведает. Так, значит... Горный козел сам наскочил на барса.

Он положил на сухое плечо свой кетмень, сморщился все в той же лукавой улыбке:

— Кто спросил про сад, должен отведать с него плодов! «Веселый человек мой будущий тесть!..» Убай почему-то представлял старика Маткабула именно таким. Невольно улыбаясь, он двинулся вслед за ним.

Старик и Убай пересекли маленький, огороженный колючкой, собранной на корм для скота, дворик и очутились в саду — большом и очень густом; все здесь росло в полном беспорядке: яблони и шелковицы, карагачи и урючины, джиды и тополь, слива и тал. Деревья переплетались, теснились, обнимались друг с другом. В этой беспорядочности и веселой одичалости чувствовалась эдакая вселенская щедрость: живи и радуйся, что с тобой рядом кто-то другой, непохожий на тебя.

И опять Убай с тихим счастьем почувствовал — именно так оно и должно быть, так, а не иначе.

В глубине сада виднелся глинобитный домик, весь увитый виноградом. Из домика вышла худенькая, невысокая, загорелая, как весельчак Дядя, женщина. И в то же время во всем ее облике угадывалось что-то неповторимо милое и родное для Убая, присущее одной лишь Шахисте. Завидев Убая, она прикрыла платком улыбающийся рот.

— Ассалам алейкум, мать Шахисты, — произнес старик. — Все ли в порядке?.. И слава аллаху. А теперь большая к вам просьба: постелите одеяла на супе, чтоб я и сынок могли малость отдохнуть.

Чуть опустив платок, женщина приветливо рассматривала Убая.

— Шахиста уже приготовила вам место на супе. Никак только в толк не возьму, откуда она узнала о вашем желании?

Убай улыбался так широко и так радостно, что у него заныли скулы. Он силился быть серьезным, но из этого ничего не получалось.

За домом, под виноградными лозами, несколько девушек в атласных платьях, с маленькими зеркальцами в руках, наводили на брови усью. С преувеличенно испуганным визгом они повскакали с мест.

— Сидите, доченьки, сидите, — сказал старый Маткабул, но девушки, толкаясь и бросая быстрые лукавые взгляды, закрываясь рукавами, кинулись в дом.

Шахиста проворно хлопотала под старым тутовником.

— Эх-хе-хе! Ну вот и добрались до нашего рая! — Подсунув пальцы под шелковый белбаг и хитро посмеиваясь, Маткабул повернулся к Шахисте. — А в раю-то не мешало бы вкусить райское. Чем порадуешь нас, доченька?

— Я уже обжарила для плова мясо и морковь! — Шахиста кинула Убаю смущенную и счастливую улыбку и убежала.

— Мой дом — ваш дом, — сказал старик гостю. — Можете прилечь, можете пройтись по саду. Не стесняйтесь, сынок! Чувствуйте себя свободно.

Убая очень хотелось вновь увидеть Шахисту, пусть мельком, ненадолго: Лишь бы увидеть! Лишь бы услышать ее голос!

— Спасибо. Если можно, я отдохну здесь.

— А я чуток поброжу. Везде хозяйский глаз нужен. Отдыхай, сынок. — Он заговорщически подмигнул и, твердо, уверенно ступая, удалился в сад.

Убай растянулся на мягком ватном одеяле, замер... Базилика вокруг супы лила свой сладкий запах.

Ракеты, космос, думающие машины, пропахшие бензином города — двадцатый суетный век, мечущийся в поисках счастья!.. А оно, оказывается, одно — вечно и неизменно — в отдыхе после работы, в запахе цветов, в руках любимой, разливающей чай или качающей ребенка, в доброте тех, кто с тобой рядом!

На дорожке показалась Шахиста с большим подносом в руках. Увидев Убая одного, она нерешительно остановилась.

— Ты что, боишься меня? — шепотом спросил Убай и протянул к ней руки.

— Отцу что скажешь?

— Скажу, что я умный, веселый, красивый, смелый, талантливый, что за такого феноменального парня не грех отдать не одну дочь, а по крайней мере — десяток. Но я исключительно из скромности прошу только одну. — Он сделал торжественное лицо и многозначительно поднял вверх палец.

— Распустил перья! Смотри, как бы этакий павлин от ворот поворот не получил, — рассмеялась Шахиста и поставила поднос. Изловчившись, Убай попробовал схватить Шахисту за руку, но она ловко, с легкостью горной серны, отскочила.

— Жаль, что косы остригла! Теперь только начинаю понимать, для чего они нужны женщине.

— Потому и остригла, чтоб не потакать молодым феодалам. — Шахиста проскользнула мимо Убая и помчалась к дому.

А небо было густое-густое, перенасыщенное синевой, и в нем уже затеплились первые блеклые звезды. От нежности у Убая перехватило дыханье. Он вспомнил время, когда Шахиста носила длинное, до пят атласное платье и прическу «кырк-кокил» — сорок косичек с неизменной шитой золотом тубетейкой. Право, это ей очень шло. Каким он был глупцом, что сам заставил ее остричь длинные, падающие ниже колен волосы! Но все равно, с косичками или без косичек, — кто может сравниться с его милой Шахистой! Нежная, застенчивая, гордая! А ведь и старое лицо ее матери еще красиво. В нем живет та же одухотворенная доброта, что светится в Шахисте...

Из сада вернулся Маткабул, его шелковый белбаг был набит яблоками, сливами и персиками. Рассыпав фрукты на дастархане, сказал:

— Угошайся, сынок, дарами аллаха,— присел на край супы, осторожно спросил: — Вы, значит, работаете в газете?

— Да.

— Еще один.

— Что — «один»? — не понял Убай.

— Еще одного прислали пастись на поле старого Маткабула. Сколько вас, сынок, у меня перебывало! Не сочтешь. Все кругом вытоптали. Писали-переписали...

— Я приехал по делу вашего зятя Садыквоя.

Улыбка в глазах старика потухла, густые брови нахмурились.

— Беда у нас большая, сынок,— глухо сказал старик.— Что поделаешь, сама выбирала... Старая песня каждый раз на новый лад поется. Свой ум молодому не вложишь. Садыквой — бешеный. Не для таких смиренных мусульман, как мы. Говорили ей. Упрашивали... Не слушают молодые родителей. Да что теперь на следы головой кивать?

Убай с сочувствием смотрел на осунувшееся лицо старика, жалел его и робел перед ним.

— Я приехал, чтобы добиться справедливости,— сказал Убай.— Говорят, что раис защищает его... бешеного. Почему? Почему молчат ваши односельчане? Отчего ваша дочь, Хамида-апа, уходит от откровенного разговора? Помогите мне во всем разобраться, Маткабул-ака!

Старик сидел, опустив голову, и не спешил с ответом. Наконец он промолвил:

— А чего удивляться, сынок? Допустим, ваша газета прочит этого ошпаренного джигита... Попадет он в тюрьму. А что дальше, позвольте вас спросить?

— Вас дети волнуют?

— И о детях подумать не вредно, каждый пальцем укажет, что отец за решеткой... Но я не о внуках сейчас,— тихо произнес старик.— Ты, сынок, приехал и уехал. А нам в кишлаке жить. У этого джигита есть мать, отец, есть родня, друзья, близкие... Много жалельщиков найдется. Что сделано, того не вернешь, скажут: «А человека погубили». О Хамиде плохо говорить станут. Кишлак не город. У нас свои законы, хоть и неписанные. Раис — что? Он сам их побаивается.

— Уютно, должно быть, живется здесь негодяям, а? — горячо выпалил Убай.

Маткабул-ака невесело взглянул на него, вздохнул.

— Не торопись, сынок. За советом пришел, имей терпение выслушать. Я сам не хочу, чтобы муж дочери в тюрьме оказался. Его позор на голову Хамиды падет. Кишлак не город. Ты говоришь — раис! Несправедливо он поступает, ох как несправедливо! Всю вину задумал на дочь свалить! А этот басмач —

невиннее голубки получается! — Видно было, что старик заговорил о самом больном.

Еле сдерживая гнев, Убай сказал:

— А вы, ака, еще оправдываете председателя!

— Не оправдываю, а просто вижу глубже тебя. Садыквой — верный слуга раиса. — Старик разглядывал Убая, будто решая, продолжать ему дальше или не стоит.

— Прошу вас, я должен знать все.

— Видишь ли, у раиса есть брат младший, в женихах ходит. Ему дочь моя, Шахиста, приглянулась. Вот Садыквой и обещал председателю дело уладить. Шахиста-то сама упрямится. Чего, честно говоря, не знаю. Брат раиса — парень неплохой, в городе учится и не чета Садыквой — добр, даже слишком добр. А у нас все не славу богу, дочери городской приглянулся. Неизвестно кто. Мы его и в глаза не видели. Может, прохожим какой? Собьет с пути младшую да бросит.

«Вот так да-а! Похоже, отец ничего не знает», — заерзал на одеяле Убай. — Я-то думал, старик хитрит, делает вид, что не догадывается...» И совсем смутившись, вставил невпопад:

— Сейчас не прежние времена, чтоб насильно замуж выдать.

— Что верно, то верно, — кивнул старик. — Вот я жену-то свою увидел только в чимилдике. А как живем? Не то чтобы замаяхнуться на нее, пальцем не тронул. Можно сказать, на руках по жизни пронес. А нынче... Сегодня Лейли и Меджнун, а завтра — кошка с собакой!

Убай чувствовал, что надо как-то начинать разговор, но язык не поворачивался.

В дверях показалась Шахиста.

— Можно плов подавать, отец?

— Подавай, дочка, подавай, — ответил Маткабул-ака.

Слегка развалившись, Убай краем глаза следил за Шахистой. Она поставила лаган с пловом, украдкой взглянула на Убая и вновь скрылась в доме.

Все было хорошо — и вечер, и собеседник-старик, и плов, приготовленный руками Шахисты.

Но надо было начать настоящей разговор. Сватовство! Видит аллах, как это было сложно!

— Шахиста... ваша дочь... отличная хозяйка!

— На дочь не жалуюсь. Она у меня редкий человек — и умом бог не обидел, скромная... Пусть аллах пошлет ей хорошего жениха!

— Да сбудутся ваши слова, отец! — воскликнул Убай, наверно, излишне горячо — от смущения, от распиравшей его любви к Шахисте, к старику, ко всему удивительному миру. — Отец... Я хочу... Разрешите уж сразу! Вы говорили о городском парне, который вскружил голову вашей дочери?

— Ну?... Глаза старика блеснули и спрятались за густыми бровями.

— Вы тут нелестно о нем отозвались...

Старик сощурился.

— А ты что же, под защиту его берешь? Случаем, не дружок твой?

Убай раскрыл было рот, да так ничего и не сказал.

— Что как конь после дальней дороги дышишь?

— Так вот... Может, тот парень и не очень хорош...— Убай вновь хватил ртом воздух и замолк.

Старик разлил по пиалам кок-чай. На небе высыпали крупные звезды, воздух был прохладен и свеж, как ладони девушки. О чем-то своем шептала вода в ближнем арыке.

— Дочка у меня редкий человек! — повторил старик.

— Да,— эхом отозвался Убай.

— Отдыхай, сынок. Утро вечера мудренее. А мне еще на полив надо...

Старик захватил с собой блюдо с остатками плова. Убай опрокинулся на спину, раскинул руки. Небо качнулось и застыло.

А базилика лила, лила свой сладкий, хмельной запах.

— Вставай, соня, вставай, лежебока! Не стыдно так долго спать?

Убай открыл глаза и тут же закрыл их, ослепленный яркими лучами солнца.

— Ну и засоня, пушками не разбудишь! — смеялась Шахиста и теребила его, и дергала за руку, боясь, что он снова заснет.— Вставай, в лощине тебя ждет председатель!

— Какой председатель?

— А ты что, не знаешь?

— Ах, да, брат твоего возлюбленного!

— Вот именно!

— Ты смотри у меня!

Убай быстро вскочил, умылся и направился к лощине. В лощине оказался не председатель, а его шофер. Сам председатель дожидался гостя в правлении, в своем кабинете. Увидев Убая, Турабджан поднялся ему навстречу.

— Кому хорошо живется в наше время, так это вашему брату, журналисту. Даже в командировке спят до полудня! А тут встанешь с первыми петухами, работаешь как вол, и все равно шишки на тебя валяются!

— Что-то вы не похожи на человека, на которого валяются все шишки!

— Да на мне столько шишек, что их уже просто не видно!

Турабджан шутил, скрывая растущую тревогу. Неспроста приехал к ним этот журналист, ох неспроста! И зачем он, Турабджан, ввязался в эту историю с Садыковым? Но, с другой стороны, как было и не ввязаться? На карту поставлена репутация колхоза. Что бы сказали в райкоме, в обкоме, узнав об этом

щекотливом деле? Нет, эту историю нельзя предавать огласке. Турабджан сразу понял, едва узнал о случившемся. Поэтому и поспешил договориться с участковым, взял Садыквою на поруки... А может, он действительно поторопился? Парторг, молодой парень, раньше слова поперек не говорил, а сейчас возражает, грозил даже прокурору сообщить. И еще вот этот журналист... Каким-то неуловимым чутьем Турабджан чувствовал, что Убай приехал по поводу именно этой истории. Пока приезжий молчит, не торопится карты выкладывать. Ну что ж, и у Турабджана есть свой козырь: журналист-то оказался тем самым парнем, который отбил Шахисту у его младшего брата! Так что, если сильно заартачится, можно и припугнуть — не своди личные счета. И все-таки надо держать ухо востро.

— Ну что ж, начнем знакомство с кишлаком,— бодро сказал Турабджан.— Что осмотрим сначала — поля или новостройки?

— Да я, право, не знаю,— замялся Убай.— Приехал-то я по другому делу.

— Если вы даже приехали, чтобы повесить вашего покорного слугу за ноги, все равно надо начать знакомство с жизнью кишлака. А там — авось и передумаете! Писатель должен изучать жизнь, разве не так?

— Вам бы стать председателем Союза писателей,— рассмеялся Убай.

Турабджан тоже усмехнулся.

— Я догадываюсь, по какому делу вы приехали, ука. И все же я считаю, что вы сначала должны познакомиться с нашими делами, с нашими планами, узнать об успехах колхоза. Иначе статья ваша может получиться необъективной. Нельзя знать только одну сторону жизни своих героев. Надо знать о них все.

— Здорово вы научились ограждать себя от критики! Ну, что ж, поедем, посмотрим с разных сторон на вашу жизнь, чтобы не допустить необъективности, а точнее — очернительства.

— Вот это другой разговор!

Вдоль широкой асфальтированной улицы, по которой они ехали, стояли новые кирпичные дома. То и дело машина останавливалась. Турабджан с кем-то разговаривал, что-то проверял, что-то показывал Убаю. Чувствовалось, что эти новые дома приносят ему настоящую радость. Заходили они и в квартиры. Люди встречали их приветливо, предлагали чай, сладости, радостно суетились. Но раис в гостях не засиживался.

— Знаю вас, хотите отделаться пиалой чая. Ничего не выйдет! Вот зарежете барана, тогда и позовете,— отшучивался он.

Чем больше присматривался Убай к председателю, тем больше он ему нравился. И тем больше удивляло: как мог такой человек взять под свою защиту Садыквою? Как мог обидеть Хамиду и ее отца? Неужели из-за Шахисты?

Только один человек не обрадовался, увидев председателя в своем дворе. Когда они вошли к нему, он лежал, свернувшись

клубком на сури посреди двора, и равнодушно смотрел перед собой. Столь же равнодушно посмотрел он и на председателя и, поглубже завернувшись в свой халат, повернулся на другой бок.

— Ну, что, куса, теперь чем недоволен? — спросил Турабджан. — Получил дом, лежишь, отлеживаешь себе бока и все бурчишь. Ну и дела!

— Я отработал сорок лет и сам знаю, что теперь делать — отлеживать бока или плясать под бубен!

— Да, уж ты заработался!.. Кто-нибудь есть дома? — Турабджан прошел во двор, а старик опять повернулся на другой бок и внимательно посмотрел на Убая.

— Можно подумать, что дом построили на его деньги, — кивнул старик в сторону председателя. — Извините, откуда будете?

— Я приехал из города.

— В гости?

— Нет, по делам. Я из редакции газеты.

Не успел Убай окончить фразы, как куса проворно вскочил, сошел с сури, почти вплотную приблизился к Убаю:

— Напишите фельетон про этого выскочку, — горячо зашептал он. — Всыпать ему надо! Пусть научится разговаривать с людьми, ценить их! Я тоже мог бы работать с ним, но унижаться, кланяться ему в ноги не намерен! Напишите, напишите про него! — Увидев приближающегося председателя, куса вновь улегся на помосте и свернулся клубком. Взгляд его опять выражал полное равнодушие.

— Ты что, безбородый, опять за кляузы? — Несмотря на столь успешное притворство кусы, Турабджан сразу догадался, в чем дело. — Эх, старик! Тебе же все равно никто не поверит! Прошли твои времена! Кто поверит лежебоке?

— Мои времена прошли, но и ты не вечен! Проходит слава и у настоящих властелинов мира.

— Эх, куса! Недаром говорят — горбатого могила исправит! — Турабджан махнул рукой и вышел на улицу. — Этот куса был когда-то правой рукой прежнего председателя. Сидит парень на пенсии и поливает всех грязью. Не хочет видеть наших успехов, во всем ищет одни недостатки.

Заметив легкую усмешку на лице Убая, Турабджан побледнел.

— Зря смеетесь! Конечно, в нашей работе много недостатков. Очень много. Но, как говорится, за мечту не корят, и я верю, что кто-нибудь да скажет нам спасибо!

Убаю стало неловко. Некстати усмехнулся! Действительно, он увидел много хорошего, а до сих пор не сказал председателю ни одного доброго слова.

— Прощу прощения, я не хотел вас обидеть. Домá действительно у вас просто замечательные... И, я слышал, построен еще какой-то грандиозный дворец. Успехи налицо. Но... у меня к вам дело...

— Сейчас перейдем к этому делу. Можете быть спокойны, дорогой. Садыквой никуда не убежит. Но сначала я бы хотел поговорить с вами.

— Пожалуйста.

— Ну и отлично.— Турабджан коротко бросил палвану: — Домой!

В просторной комнате было сумрачно и прохладно. Убай уселся в предложенное кресло, с удовольствием вытянул ноги, огляделся. Политый водой пол, опущенные шторы, бесшумно работающий вентилятор — какая благодать среди этой изнуряющей жары! Турабджан придвинул поднос с фруктами. Казалось, он в чем-то сомневался, во всяком случае, не торопился начинать разговор. Так и есть. Вот он встал, подошел к окну. Открыл его. Из сада вдруг донеслись пьяные выкрики. Турабджан поморщился, закрыл окно, включил свет.

— Ну что, начнем?

— Да, разговор серьезный.— Турабджан заложил руки за спину и остановился перед Убаем.— Вы взяли за очень тонкое дело, ука. Поэтому я и хочу спросить вас об одной вещи, которая на первый взгляд не имеет к делу никакого отношения. Но это только на первый взгляд. Поэтому не удивляйтесь. Вы действительно любите Шахисту?

— Странный вопрос.

— А что здесь странного? Вопрос очень важный. Вы, наверное, знаете моего брата. Он, может, и несовременный парень, но зато я знаю наверняка, что он был бы хорошим, верным мужем Шахисте.

Убай пожал плечами.

— Что я могу сказать? Тут все решает сама Шахиста.

— Нет, дело не в Шахисте, все зависит от вас!

— Это почему же?

— Не прикидывайтесь наивным, дорогой! Шахиста — простая кишлачная девушка. А вы — журналист, писатель с прекрасным будущим.

— Что-то уж больно высоко вы меня возносите. Писатель, прекрасное будущее...

— Ничего, я еще спущу вас на землю,— вежливо улыбнулся Турабджан.— А может, вы — человек избалованный, столичный — просто кружите девушке голову, а потом бросите, как надоевшую игрушку?

— Какие у вас основания так говорить?

— А самые простые. Шахисту трудно узнать. Она отрезала свои чудесные косы, вырядилась так, будто она заморская киноактриса, а не девушка из кишлака. Неужели парень, который действительно любит девушку и хочет на ней жениться, может пососоветовать ей такое?

— Послушайте, раис-ака.— Обвинения председателя были

так нелепы, что Убай не сразу нашелся, что ответить.— Неужели дело в прическе и одежде?

— Да, и в прическе, и в одежде!

— А я, когда утром увидел вас, подумал: «Вот это современный председатель!» Теперь я вижу, что, видимо, ошибся.

— Вот как! Один-ноль в вашу пользу! — Турабджан расхохотался. Но тут же вновь стал серьезным. Передвинув стул на середину комнаты, тяжело опустился на него.

— Нет, дело совсем не такое простое, как вы говорите. Что это вообще такое — современный человек? Объясните мне, вы ведь литератор! У нас существуют старые обычаи, традиции, которые вошли в нашу плоть и кровь с молоком матери. Как быть с ними? Отбросить и смеяться над ними или придерживаться их?.. Нет, погодите, я знаю, что вы сейчас скажете: хорошее надо взять, а плохое отбросить. Но это просто сказать, а в жизни получается иначе. Мы тут как раз недавно спорили об этом с Акрамджаном. Может быть, я и был в чем-то неправ, слишком держался за старое. Может, и так. Но вот через несколько дней к нам нагрянули эти... с киностудии, и среди них — кто бы вы думали? — Саярахон, собственной персоной! Нет, я был тысячу раз прав, когда говорил Акрамджану: он слишком разбаловал свою жену, слишком «современно» подошел к семейной жизни! И вот вам результат! Убай улыбнулся.

— Вам почему-то смешно! А вы посмотрели бы на этих киношников! Девушки ходят в брюках, мужчины в этих... как они называются...

— Шорты,— подсказал Убай.

— Ну да, словом, в трусиках. Обнимаются при всем честном народе. На стариков — ноль внимания. Куда это все приведет?

— Мне вспомнился один случай, раис-ака. Едут в трамвае два старика и спорят. Одному из них лет восемьдесят, другой помоложе, за шестьдесят. Восемидесятилетний качает головой, говорит: «У современных девушек совсем не осталось стыда. Тьфу, смотреть стыдно! Носят платя выше колен. Тьфу, тьфу!» А тот, который помоложе, отвечает: «Вам уже перевалило за восемьдесят. Чем смотреть на колени девушек, не лучше ли перебирать четки и думать о боге, таксыр?» Конечно, это шутка, но зачем же все смешивать в одну кучу? Безусловно, есть незрелые юнцы, и, возможно, они совершают недостойные поступки. Но неужели из-за них надо цепляться за отжившие обычаи, позволять унижать женщину? И еще... по-моему, пора вернуться к нашему разговору.

— Да...— Турабджан задумчиво потер лоб.— Не думайте, ука, что этими рассуждениями я хочу выгородить себя. Просто вопрос этот очень сложный. Давайте вернемся к нашему разговору. Почему я решил взять Садыквою на поруки? Прямо скажу: не хотел я выносить сор из избы. Но почему?.. Личных интересов у меня в этом деле нет. Просто хотел оградить честь семьи Садыквою... Всего колхоза, наконец!

— При чем тут колхоз?
— Наш колхоз один из передовых в районе. А такой безобразный случай мог бы очень повредить нам.

— Вот как!

— Что, хотите сказать, что уличили меня? А я, как видите, и не очень скрывал. Все так делают, не я первый, не я последний. Поработаете с мое, поймете, что я прав. А что касается Садыквоя... мне его тоже судить трудно. Вы знаете, из-за чего все произошло?.. Если Хамида такая хорошая и порядочная, то зачем ей понадобилось встречаться с прежним возлюбленным, да еще в укромном месте? У нее муж, дети, семья. Зачем было ворошить прошлое!

— Вы намекаете на ее встречу с Акрамом-ака?

— Да, я говорю именно об этом! Пусть даже она и не имела в виду ничего... такого. Пусть просила о встрече только для того, чтобы пожаловаться на меня. Но тогда зачем было назначать свидание вечером, таясь от людей? Почему нельзя было просто прийти в правление и выложить правду?

— Но ведь за эту самую правду вы и уволили ее с работы, разве не так? Зачем ей было идти в правление? А встретиться с Акрамом-ака на людях — потом света не увидишь от Садыквоя!

— Ну знаете, опять я виноват!.. Хорошо, пусть все будет так. Но ответьте мне откровенно: что бы вы сказали, если бы узнали, что ваша девушка встречается тайно от всех, в укромном уголке с человеком, которого она раньше любила?

Убай развел руками.

— Не знаю...

— И на том спасибо. А я думал, вы скажете: «Был бы очень рад!» В конце концов Садыквой ведь мужчина! Разве он виноват, что любит и ревнует свою жену?

— Ничего себе любовь! Пырнуть ножом!.. И вообще, разве честно — замечать все это, поскольку колхоз передовой!

— Ну, ладно! — Турабджан неожиданно встал, взял со стола тюбетейку. — Я сказал все, что думал. Сказал откровенно, а там — решайте, как знаете! Садыквоя мы накажем и сами. Остальное решайте сами. Все!

Кивнув Убаю, он направился к дверям, но в это время из сада опять послышались пьяные голоса. Чей-то тенорок затянул полузабытую песню:

Зачем-зачем со мной ты повстречался,
Зачем нарушил мой покой?

— Вот дураки! — Турабджан остановился, потом пинком ноги открыл дверь.

Посреди двора, у водоема, стоял, покачиваясь, Муратджан и с ним еще двое парней. Раскачиваясь, как молодые деревца на ветру, еле шевеля языками, они «пели». Увидев на пороге Убая, один из парней рванулся вперед:

— Вот он, стихоплет!.. Сбил с пути Шахисту и еще смеет расхаживать по нашему кишлаку!

Муратджан пьяно мотал головой:

— Эх, Шахиста, Шахиста!..

Еле сдерживаясь, Турабджан шагнул, схватил брата за ворот:

— Эх ты, глупец, размазня! Где твоя мужская гордость? Не слышал разве: насильно мил не будешь!

— Оставьте меня, акаджан! — простонал Муратджан, пьяно мотая головой. — Что вы понимаете в любви?

— Надо быть мужчиной. Вот что я понимаю! — Турабджан неожиданно поднял брата на руки и понес в дом.

Приятели Муратджана растерянно переглянулись и повернули к воротам.

Турабджан догнал Убая на улице. Открыл дверцу машины, нервно закурил.

— Палван! — устало обратился он к шоферу. — Жены дома нет, посиди с Муратджаном. Как бы он чего с собой не сделал! Ума-то у него как у малого ребенка!

Турабджан, нервничая, давил на газ, резко поворачивал руль.

— Может, вы и правы, — сказал он наконец, когда машина вывернула на большак. — Нашел бы себе Муратджан девушку, женился... А то ходит, хнычет, ждет, когда брат уговорит родителей отдать дочь за него! А что может сейчас брат, будь он хоть трижды раис!

Краешком глаза Убай незаметно следил за Турабджаном. Следил и невольно улыбался. «А все-таки он ничего — этот раис!»

Проехав по сморенной жаром, пыльной улице, машина выскочила к лощине и, минуя густые сады, свернула к зеленеющим полям хлопка. С гребня холма хлопковое поле, разделенное туговником на квадраты, и полевой стан, видневшийся вдали, — все казалось миниатюрным, похожим на архитектурные макеты, но с каждым километром пути они становились реальнее, четче, приобретали свои действительные размеры. Черные жучки, ползавшие по грядкам, оказались тракторами, а спичечный коробок превратился в небольшой дом. Вскоре Убай смог разглядеть и женщин, трудившихся на поле.

Сидевший за рулем Турабджан чему-то про себя усмехнулся и круто повернул машину к полевому стану. Первым их встретил Маткабул-ака. Неизменный кетмень за плечами, брюки засучены выше колен.

— Чему обязаны посещением таких высоких гостей? — спросил он с едва заметной иронией. — К нам, девушкам, редко джигиты заглядывают. Сыро тут, да кетмени тяжелые. Чего доброго, еще работать можем заставить! — Старик озорно подмигнул девушкам-кетменщицам.

— Просто боимся, как бы грозный владыка гарема не разгневался,— легко включился в игру председатель.— Смотрите, как вы тут расцвели, уважаемый Маткабул. Вас прямо не узнать.

— И то верно. Надо же как-то положение спасать. Теперь молодые джигиты бензином пропахли. Не только к девушкам, к скакунам редко подходят.

— Сдаюсь, отец, на обе лопатки положил.— Турабджан со смехом поднял руки.— Нам с вами, стариками, тягаться трудно.

И тут же, меняя тон на деловой, спросил:

— Бригадир был сегодня?

— Был, да весь вышел,— нехотя ответил Дядя.— Объявился милиционер и увел вашего бригадира. В кишлачном Совете ищите.— Маткабул явно не хотел называть зятя по имени.

— Гм...— Турабджан озадаченно почесал за ухом.— Увели, говорите. Ну что ж, и туда сейчас заглянем.

— На несколько слов, раис, задержать хочу вас.— Старик шагнул вперед и стал на пути у Турабджана.— Хочешь не хочешь, и я к этому отношению имею. Неплохо бы и мое слово вам услышать,— сказал он мягко, но настойчиво.— Может, устарел я, однако... Не по мне это, чтоб зятя в тюрьму сажали. Дочке от этого легче не станет.

Турабджан вспыхнул:

— Это вы своей дочке скажите, а не мне!

Голос старика дрогнул.

— Без малого сорок лет провел с кетменем я на этих полях. Из уважения к моей старости, к моему труду тебе бы не худо повнимательнее прислушаться к моим словам, сынок.— Маткабул перешел на «ты».— Несправедлив ты к моей дочери. Видит аллах, несправедлив! — почти выкрикнул он на высокой ноте.

Турабджан молчал. Только было видно, как на скулах играли желваки. Наконец он овладел собой, отрывисто бросил:

— Простите, отец! — Выразительно глянув на Убая, не пригласил — приказал: — Поехали!

У входа в кишлачный Совет их встретил пожилой мужчина в форме лейтенанта милиции. Турабджан язвительно заметил:

— Как видно, мое слово для тебя ровным счетом ничего не значит. У нас же был уговор насчет Садыквоя. Или я уже не могу никого взять на поруки?

Лейтенант густо покраснел:

— Ничего не поделаешь. Закон есть закон, председатель.

— Ладно, не оправдывайся,— примиряющим тоном сказал Тураб.— Повидаться хоть с арестованным позволишь? Какие твой закон на этот случай указания дает?

Лейтенант облегченно вздохнул:

— Другим бы не разрешил, а уж вам как председателю уважение оказать можно.

— И на том спасибо.— Турабджан, не дослушав, толкнул ногой дверь.

Убай вошел следом и остановился на пороге. В маленькой полутемной комнатке было прохладно. Глиняный пол тщательно полит и выметен. Убай сощурился, ожидая, когда глаза привыкнут к полумраку.

— Я думал, ты горюешь. А он гляди как устроился. Чисто, прохладно, как в раю. Лежит себе да в потолок поплеывает! А ну-ка, встань, поздоровайся с человеком! Как-никак специально, чтоб на нас с тобой поглядеть, журналист из Ташкента прикатил. Прославил ты нас, ничего не скажешь!

В дальнем углу комнаты скрипнула кровать, и Убай наконец увидел Садыквой. Он сидел, лениво опершись руками о матрац, недобро поглядывая в их сторону.

— Разрешите оставить вас наедине? — церемонно произнес председатель. — Мне в поле пора, дел по горло. Вы уж тут сами решайте, фельетон ли писать или как по-другому... Ты, Садыквой, очень уж не трясись. Хоть он и газетчик, а скоро свояками будете. По всему видать, к тому дело идет.

Турабджан усмехнулся и быстро вышел.

Мельком взглянув на журналиста, Садыквой отвернулся. Убай с нескрываемым интересом рассматривал этого человека. Он представлял его себе совсем не таким. Смуглый, почти черный, он был скорее похож на цыгана, чем на узбека. Чернобрый, черноглазый, нос с горбинкой, весь какой-то ладный, статный, по-своему красивый. Садыквой сидел, плотно сжав губы, уставившись в одну точку, всем своим видом давая понять, что незваный посетитель пришелся ему не по вкусу.

Убай попытался завязать разговор.

— Давайте познакомимся. Я действительно работаю в газете. Меня зовут Убай... Председатель, конечно, пошутил, когда говорил о фельетоне. Я приехал, чтоб разобраться, на месте разобраться во всем случившемся. Попробовать понять, что побудило вас совершить этот... поступок. — Убай говорил медленно, с трудом подбирая слова. Садыквой был совершенно безучастен к разговору. — Я уже разговаривал с вашим раисом, был в больнице. — Садыквой недобро повел черным глазом в его сторону. — Теперь я бы хотел услышать вас. Словом, мне надо выяснить правду.

При слове «правда» Садыквой неожиданно заговорил:

— Пусть мои слова вас не обидят, но правды вам не понять.

— Почему же?

— Потому что у правды сто лиц. Для вас, молодых, любить — все равно что семечки щелкать. Сегодня с одной, завтра с другой, — говорил Садыквой, все больше ожесточаясь. — А для меня это мука! — Он стиснул зубы и застонал. — Вся моя вина в том, что я люблю свою жену и отомстил за свою честь!

— Ножом?

— Да! Вам этого не понять! — Глаза его сверкнули ненавистью. — Лучше бы этот нож я вонзил себе в грудь!

«Вся моя вина в том, что я люблю свою жену»,— мысленно повторил Убай с неожиданным для себя состраданием к Садыквою. В этих словах он весь — с его пониманием любви, жизни, чести. Он так ничего и не понял. Любовь и нож! Слышал ли он когда-нибудь, что со словом «любовь» должны соседствовать другие слова: «нежность», «уважение», «ответственность»? Убай видел, что этот человек мучается. И все-таки решительно отказывался понять и, тем более, оправдать его.

— Да, нам, видно, трудно договориться,— наконец со вздохом сказал он.— Что бы вы ни говорили, принять вашу сторону невозможно. Вы же все еще пытаетесь оправдаться в своих глазах, ищите несуществующие улики. Напрасно.

— А письмо, которое я нашел у нее?.. Письмо от любовника! Это тоже «несуществующая улика»?

— Я бы хотел взглянуть на него.

Садыквой вновь потерял интерес к разговору, устало махнул рукой.

— Ни к чему все это! Все равно вы скажете, что в письме нет ничего особенного.

— А если в нем действительно нет ничего особенного?

— Давайте кончать! Я с самого начала знал, что мы не пойдем друг друга. Я не из трусливого десятка. И если бы не дети, то, поверьте мне, знал бы, что с собой делать!

В эту минуту в дверях показался лейтенант.

— Товарищ корреспондент, вас к телефону.

Убай с облегчением выскочил из комнаты.

Убай сразу же узнал говорившего.

— Акрам-ака, неужели это вы! Уже приехали?

— Я, я,— услышал он в трубке спокойный, чуть глуховатый голос Акрама-ака.— Мы приехали с Зафаром. Как дела?

— Мы должны увидеться. Немедленно. Откуда вы говорите?

— Мы в правлении колхоза. Турабджан вам на глаза не попадался? Если по дороге наскочите на него, скажите о нашем приезде.

— Будет сделано,— с облегчением сказал Убай и добавил: — Как хорошо, что вы приехали. Вы даже не представляете, как хорошо!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Через несколько дней после того, как Акрам отправил письмо на имя министра, в кабинете раздался телефонный звонок. Его просили срочно зайти в управление кадрами министерства. Акрама встретила худощавая пожилая женщина. В углу ее тесного кабинета сидел молодой, хмурого вида человек. Акрам узнал его — это был доцент архитектурного факультета политехнического института. Женщина представила мужчин друг другу и тут

же пододвинула Акраму папку в красном переплете. Там было лишь два документа — заявление Зафара и письмо Акрама на имя министра. В углу письма красным карандашом стояло размашистое: «Комиссия»...

Начальник управления кадрами долго и изучающе рассматривала Акрама и вдруг, улыбнувшись, сказала:

— Вот вы какой! Давно у нас не было подобных писем...

Акрам поморщился.

— Видите ли, я и сам не любитель этого «жанра». Но в институте создалась такая атмосфера, что волей-неволей пришлось взяться за перо.

— Вы меня не так поняли,— пояснила женщина.— На Султана Касымовича и раньше были жалобы. Я имела в виду другое. Редко кто по собственному желанию отказывается от столь высокого поста.

Акрам смущенно потер лоб.

— Дело не во мне. Тут надо разобраться в принципе. Институт лихорадит уже не первый год. Что ж, может быть, комиссия сдвинет что-нибудь с мертвой точки. Будем ждать. Только у меня одна просьба: мне надо на несколько дней выехать в кишлак.

— Пусть решает председатель комиссии.— Женщина кивнула на молчаливого доцента.

Не глядя на Акрама, тот сказал неожиданно сухим и официальным тоном:

— Работу начинаем завтра же, и присутствие автора письма считаю необходимым.

— Давайте начнем работу, а уж потом видно будет,— примиряюще сказала женщина.— Если возникнет такая необходимость — поедете. Только и у меня к вам просьба. Пусть до поры до времени наш разговор останется между нами. Для пользы дела. Не надо, чтоб в институте знали о решении министра... А то как бы не возникли кривотолки.

Акрам молча кивнул и откланялся. Последние слова начальника управления кадрами пришлись ему явно не по вкусу. Он решил, не откладывая, поговорить с Султаном.

В коридоре института у дверей директорского кабинета Акрам столкнулся с одним из сотрудников. Этого немолодого человека, отца многочисленного семейства, сохранившего, однако, юношеские замашки, все запросто называли Камильджаном, но мало кто помнил его фамилию. Он постоянно находился в суете и хлопотах — собирал деньги кому-то на день рождения, организовывал передачу в больницу, доставал путевки и, конечно, все институтские новости узнавал первым. Увидев Акрама, он не бросился со всех ног к нему навстречу, как это делал прежде, а вдруг с поскучневшим лицом загляделся на кого-то и прошел мимо. Акрам понял: решение министра в институте известно

всем — от директора до уборщицы. Султан изволит гневаться, и все верят, что он и на этот раз выйдет сухим из воды.

Акрам решительно вошел в директорский кабинет.

Всегда гладко выбритое круглое лицо Султана было бледно, щеки чуть отвисли. Он сидел, нервно постукивая по столу позолоченной авторучкой. На приветствие Акрама дернул головой, будто его свело судорогой, потом рывком поднялся с кресла, подошел к окну и долго молча смотрел на улицу. Наконец, овладев собой, обернулся к Акраму и, скрестив на груди руки, сказал с обидой в голосе:

— Вот от кого не ожидал, так это от тебя! Выходит, верно говорит пословица, что не враг, а друг набьет твою шкуру соломой!

Акрам терпеливо выждал, пока директор выскажется. Ответил:

— Знаю и другую пословицу: друг бранит, а недруг льстит.

— Это ты брось. Друг бранит прямо в глаза, а не пишет заушательские письма на имя министра!

Акрам пожал плечами.

— Разве это наш первый разговор? И жаль, что ты так все понял.

— А как прикажешь еще понимать? — вдруг взорвался Султан. — Думаешь, я так наивен, что не уловил, что кроется за всей этой возней? Ну что ж! — В голосе его звучало нескрываемое злорадство. — Поживем — увидим, не окажешься ли ты лишним на чужом празднике! Боюсь, как бы твой гениальный дружок не оставил тебя с носом!

Акраму было неловко за директора. На какую-то долю секунды ему захотелось повторить все, что он говорил Султану прежде, — без дипломатии, резко и прямо. Но в следующее мгновение он понял, что это будет разговор двух глухонемых. Султан все равно перевернет все с ног на голову.

Акрам устало махнул рукой и спросил:

— Я свободен?

Задохнувшись от злости, Султан жестом указал на дверь. Акрам последний раз оглянулся. Директор стоял посередине кабинета, скрестив руки на груди, в позе оскорбленной добродетели. Таким он его и запомнил — надутым, обиженным и... жалким.

На следующий день в институт явилась комиссия — целый «ревизионный взвод» из двенадцати человек. Никто не ожидал такой оперативности со стороны министерства, такого внушительного отклика.

— Не одного прислали, не двух! — шептались во всех углах.

— Глядите, какая сила! Ох, неспроста!

Улучив момент, в коридоре навстречу Акраму сломя голову кинулся Камильджан, улыбающийся, счастливый.

— Акрам-ака! Невероятно!.. Только в старину в нашем

народе были такие подвижники, как вы. Как жаль, что вы раньше не посоветовались со мной. Камильджан все знает, да не каждому скажет. Ведь если и с другой стороны заглянуть — совсем незавидная картинка!.. Хан в быту... Моральный облик оставляет желать лучшего. Мне даже известно имя последней его любовницы, — перешел он на доверительный шепот.

Камильджан так искренне и преданно глядел в глаза Акрама, что не было сил оборвать его, пройти мимо.

Акраму стало тяжело в стенах института. Стараясь ни с кем не встретиться, он поспешил уйти.

Оказывается, у Султана не так уж много друзей. Как легко все отшатнулись от него, не говоря уж о таких, как Камильджан. Значит, только страх заставлял людей молчать. И, если б не Зафар, толкнувший Акрама выступить, Султан до сих пор варил бы безнаказанно свое дурно пахнущее варево и никто не снял бы с казана крышку. Немного отдышавшись, Акрам вновь повернул к институту. Там он отыскал председателя комиссии и положил перед ним телеграмму Убая.

— Как хотите, а мне нужно ехать.

Доцент долго вчитывался в текст, хмурился, вздыхал и, наконец, неожиданно сказал:

— Хорошо. Я поговорю. Сделаю все, чтоб вы поехали. С вами мы всегда успеем встретиться.

Когда Акрам уже складывал вещи, позвонил Зафар.

— Слышал, ты едешь к себе в кишлак? Не прихватишь ли с собой попутчика?

Он с минуту помолчал и добавил:

— От Нилуфар письмо получил...

Автобус мчал по шоссе, и горячий ветерок врвался внутрь. Время от времени Акрам косился на Зафара. Вот как, оказывается, теперь все просто. Нет, он, Акрам, так не умеет. На месте Зафара он бы сейчас корчился от боли, и, пожалуй, каждый встречный мог бы легко прочесть, что творится у него в душе. А Зафар бесстрастным тоном сообщил, что Нилуфар написала в своем письме ни больше ни меньше: «Наши характеры и интересы не сошлись, мы должны расстаться». И Зафар спокоен. Даже способен еще иронизировать.

— Раньше мужчины бросали жен, сейчас этим занимаются невесты. Результаты эмансипации. В письме уведомляет, не очень заботясь о форме, что дает отставку...

Акрам был озадачен. Вновь и вновь он поглядывал на спокойное лицо Зафара. «Должно быть, вот он — настоящий герой нашего времени», — решил Акрам для себя и усмехнулся.

Турабджан, увидев Акрама с Зафаром, начал с места в карьер:

— Ну и влип же я в историю по милости твоей первой любви! Сначала ты схватил меня за горло. Потом твоя жена

читала мне тут душеспасительные проповеди! Мало! Прислали корреспондента из газеты... А теперь вижу — привезли еще одного на подмогу. Ничего не скажешь, дружно взялись. Обложили, как волка, со всех сторон.

Помолчав, добавил:

— Сдаюсь без боя. Уж не из Верховного ли суда будете? — спросил, щурясь, Зафар.

— Бери выше! — подзадоривал Акрам. — Из Союзной прокуратуры товарищ.

— Бедная моя голова! — полушутя, полусерьезно принялся причитать Тураб.— Оставишь меня в покое, если председательское кресло добровольно отдам твоей Хамиде?

— Смотри, каким покладистым стал. Председательское кресло — бог с ним! Хорошо бы, хоть сам чуть образумился.

— Это кому же из нас образумиться? — удивился Турабджан.— Будьте беспристрастным свидетелем, уважаемый гость! Сам кашу заварил, а нам — расхлебывать... И мы еще виноваты! Как вам нравится!

Турабджан был явно в ударе. Он так разошелся, что его трудно было остановить, особенно когда он узнал, что Зафар архитектор и приехал не по делу Садыквоя, а просто захотел на месте познакомиться с генпланом кишлака.

Неожиданно он предложил:

— Вот что, отдаю в ваше полное распоряжение машину, катайтесь, смотрите, что душе угодно. А то потом скажете, что Турабджан вам только центральную улицу показал. А я закончу свои дела и вечером загляну к Акрамджану. Там и поговорим обо всем.

Прощаясь, он не утерпел, извинившись, отозвал Акрама в сторону и с укоризной зашептал:

— Как же ты такую чудесную женщину из рук выпустил? Ведь ей цены нет!

— Оставь! — оборвал Акрам.

— Шалишь! Так просто от меня не отделаешься. Ишь как заговорил — оставь! Поделом тебе досталось, а то совсем от рук отбился. Молодчина Саярахон! Хватит, раньше ты учил меня уму-разуму, а теперь, видно, пришла моя пора. Скажи Нартаджи, пусть индюка зарежет да где-нибудь найдет пару бутылочек армянского — в гости загляну.— Не дав Акраму опомниться, он помахал рукой и ушел.

Наступил вечер, дразнящий аромат плова плыл над домом, но Турабджан не появлялся. Зафар, еще днем договорившись встретиться с Нилуфар, отправился к ней и пока не вернулся. Акрам, вконец измаявшись от своих невеселых дум, тоже решил выйти из дому, немного размяться.

Уже у выхода его остановил Нартаджи.

— Я бы хотел поговорить с вами, брат,— сказал он с неожиданной твердостью и, посмотрев на жену, которая в это время

вошла с самоваром, добавил: — Пойди присмотри за детьми. И скажи матери, что я прошу ее зайти к нам.

Акрам молча повернул назад и нехотя опустил на сури. Меньше всего ему сейчас хотелось начинать разговор. Но он понимал, что это неизбежно, и смирился. К тому же где-то втайне он надеялся хоть что-нибудь услышать о Саяре.

В комнату тихо вошла мать, села на самый краешек сури, ласково и печально посмотрела на Акрама. В ее глазах он все время читал немой укор: «Что же ты натворил, сынок?» Но пока он не услышал от нее ни слова упрека. Только утром, едва он переступил порог дома, она не удержалась и заплакала.

Вид Нартаджи был торжествен и суров. Вероятно, он изрядно готовился к своей обвинительной речи. Долго примеривался и, наконец, начал:

— Я позвал вас, мама, так сказать, на семейный совет.— Он откашлялся, почувствовав смущение.— Трудно, конечно, младшему брату выступить в такой роли, но, как говорят, стыд сильнее смерти. Нам надо решать, как жить дальше.— Нартаджи многозначительно посмотрел на Акрама.

«Нам надо решать, как жить дальше!» — машинально про себя повторил Акрам.— Какая нелепая фраза. Почему ему обязательно надо решать, как мне жить дальше?»

— То, что случилось, ложится позором на весь наш род.— Брат чувствовал себя все увереннее.— Мы оказались посрамленными перед всем кишлаком. До чего мы дожили! Нельзя выйти на улицу. За нашими спинами шушукуются, на нас указывают пальцами. Вы хотели жить по-своему — ваше дело! Оторвались от своей родни, стали у нас редким, дорогим гостем,— Нартаджи церемонно поклонился Акраму.— Но все-таки нельзя забывать, что здесь могилы наших предков, и мы должны с уважением относиться к их законам!

«Был ли этот человек когда-нибудь молодым? — с удивлением вслушиваясь в его слова, думал Акрам.— Ему впору в мечети проповедовать. Жил ли он когда-нибудь полной жизнью, любил ли?»

Раньше Акрама забавляла нарочитая степенность младшего брата, его рассудительная, выпрениная речь. Сейчас он словно увидел брата впервые: высокий, чуть сутулый, в глазах фанатичный блеск, опущенные уголки рта, дряблые щеки — на всем печать преждевременной старости.

Рядом тяжело вздохнула мать. До Акрама вновь стал доходить смысл слов Нартаджи.

— В нашем роду никогда не было неверных жен. Неужели вы не могли не доводить до позора! Надо бы первым расстаться с ней!

Акрам нервно застучал пальцами по колену. С каждой новой фразой в нем росло раздражение против брата.

— Женщина должна знать свое место в доме, слишком

много воли дали вы своей жене — и вот что из этого получилось, — не унимался Нартаджи.

«Дай такому волю — он может искалечить не одну жизнь!.. И эта непоколебимая уверенность в своей правоте! Воистину, невежество и глупость всегда живут рядом».

Акрам понимал, что происходит непоправимое — он навсегда теряет брата.

— Раз вы сами не можете как следует проучить свою жену, разрешите вмешаться мне.

Акрам всем телом рванулся вперед и тут же почувствовал легкую руку матери на своем плече.

— Уж больно ты много тут говорил, — сказала она сердито младшему сыну. — Без нужды и муха не летает. В семейной жизни бывает всякое. Жена с мужем побранится да стихнет, прежде чем кисейный платок на ветру высохнет! А ты, сынок, смотри, уж какую стену высокую построил!

— Оставьте ваши присказки, мама! — обиделся Нартаджи. — Вечно вы стараетесь всех выгородить. И вот вам результат...

— Не горячись! Не судьи мы им, а только погоревать над их бедой да раздором можем... Вдруг и ты, Акрамджан, в чем виноват... Давайте подумаем вместе... Я разговаривала с ней. Видела, как ей трудно, бедняжке! Что смотришь, сынок? Ходила к ней в больницу. Навещала ее. — Акрам с жадностью ловил каждое слово матери, но Нартаджи вновь заговорил:

— Не о том вы толкуете, мама, не о том! Сразу видно, что образование не пошло ей впрок. Вы мне скажите, чего ей еще не хватало? Дом — полная чаша. Белоручка! Жизни веселой ей захотелось! В корень смотреть надо. Я так считаю: если б она была порядочной женщиной, не бросила бы мужа и не связалась с этими... Знаем мы, для чего становятся артистками!

— Помолчи, сынок! — крикнула Махира-хола, но было уже поздно.

Мелкая дрожь, родившаяся где-то внутри, охватила Акрама с ног до головы.

— Не слишком ли долго испытываешь ты мое терпение? Хватит! Знай меру! Будь ты мне отцом родным, я и тогда не позволил бы тебе...

— Я забочусь о нашей чести!

— Оставь в покое наш род и нашу честь! Кто дал право тебе говорить от лица рода? Если ты так хорошо знаешь все обычаи и порядки, то знай и свое место младшего. Чем читать мне мораль, лучше подумай о своей семье. Посмотри, в кого ты превратил жену! Даже рабыня не так забита и бесправна!

— На ее плечи легло все хозяйство, оставленное нам от отца и деда, — с глухой обидой выдавил Нартаджи. — Что стало бы с нашим домом, с матерью, если б я тоже захотел стать образованным?

Это была любимая песня Нартаджи, и Акрам понял, что сгоряча угодил в свою же ловушку.

Вмешалась мать:

— За меня не беспокойся, сынок. Я уж как-нибудь доживу свой век. Зря ты на Акрама нападаешь. Без его помощи нам бы трудно пришлось. Он прав, подумай лучше о детях, о своей жене. Без любви да тепла любой цветок засохнуть может!

— Вот вы как заговорили! — Нартаджи круто повернулся и, хлопнув дверь, вышел в сад.

Акрам и Махира-хола остались сидеть на сури. На душе у каждого было невесело. Под окном в саду упало яблоко, в открытое окно, громко гудя, влетел шмель. Надо бы встать и зажечь свет. Но ни мать, ни сын не двигались с места.

— Я так боялась этого разговора... Глупый! Сам тогда не поехал учиться, а теперь ищет виновных!

Мать легким движением провела по волосам Акрама.

— Пойди к ней, сынок. Чует мое сердце, что она ждет тебя. Мужчина должен быть сильнее...

— Ладно, мама, может, как-нибудь образуется все... Отдохните... Я немного пройдуся.

Акрам вышел из дому и тут же окунулся в удивительный мир. Громко и зазывно квакали лягушки на плотине, с чувством исполняя свою нехитрую песню. Стреноженные лошади с хрупанием жевали траву, на тысячи звенящих осколков рвали тишину цикады. Акрам ступал осторожно, стараясь не нарушить гармонию ночных звуков. Он остановился у плотины, долго смотрел в звездное небо, отпечатанное на темной глади водоема. Мерно работали лопасти мельницы.

Они любили приходить сюда вдвоем с Саярой. Подстелив сухое сено, садились вон под тем талом. Как тогда Саяра радовалась всем ночным шорохам, как доверчиво и пугливо прижималась к его плечу! Акраму временами казалось, что весь этот зачарованный и звенящий мир с завистью смотрит на него!

Когда же это оборвалось? Где пролегла та невидимая трещина?.. Мелочные обиды, мелочные уколы самолюбия... Нельзя, нельзя быть рабом своих страстей. Завтра же он пойдет к Саяре в больницу, поговорит с ней открыто, начистоту. Не может быть, чтоб они не поняли друг друга... Кстати, и с Хамидой надо поведаться. Мог ли он предположить, что его записка сыграет такую роковую роль в ее жизни.

Акрам облегченно вздохнул и повернул к дому. Он уже подошел к темнеющим невдалеке садам, как от зарослей тала отделился силуэт и направился в его сторону. Акрам остановился.

— Зафар, неужели ты?

Зафар подошел почти вплотную. Спросил вроде бы шутя:

— Чего расхаживаешь по ночам, как привидение? Прошлое покоя не дает?

— Ты, я вижу, тоже не лопаешься от счастья,— в тон ему ответил Акрам.

— Ошибаешься. Я счастлив,— нервно рассмеялся Зафар.— Видишь, специально ищу тебя, чтоб пригласить на свадьбу.

— На свадьбу? — чуть оторопело переспросил Акрам.

— Да, брат... Нилуфар выходит замуж за Шавката...

Черная листва сада изнемогала от ночной духоты. Над уснувшей землей стоял оголтелый звон, на тысячу голосов кричали лягушки, то басами, то альтами.

Акрам не знал, как быть. Право же, обескураживающе легко все у Зафара: любил — не скрывал, что счастлив, отвернулась — тоже хорошо, смеется...

Неожиданно темная фигура Зафара стала оседать. В лягушачий неистовый хор вплелся еще один звук, скорее похожий на стон.

— Зафар...— шагнул к нему Акрам.

Зафар сидел на земле, опустив голову.

— Зафар!..

— Не надо. Отойди.

И Акрам отступил. Перед ним вдруг открылся Зафар. Что он знает об этом человеке? Всегда цветущ, весел!.. Как же глубоко он прятал свое горе и боль! И вот этот человек сидит у твоих ног сломленный, прямо на земле, и ночь надежно скрывает мужские слезы.

— Поднимись, Зафар...

Молчание.

— Ты слышишь меня?.. Поверь моему слову, не стоит так травить, мучить себя.

— Что же делать, знаю. И... люблю!

Акрам опустился с ним на теплую траву, обнял за плечи. Над спящей землей, не умолкая, кричали лягушки.

Хамида и Саяра узнавали почти все кишлачные новости едва ли не первыми. Они уже знали, что Акрам с Зафаром находятся в кишлаке и председатель отдал им свою машину. Много было желающих доложить Саяре, где они были, с кем встретились...

Весть о свадьбе Нилуфар с Шавкатджаном поразила Саяру. Она вдруг с новой силой ощутила, насколько все в ее жизни перепуталось. Еще вчера готовилась к новому, неприятному разговору с Шавкатом, представляла себе, как твердо и спокойно произнесет свое последнее «нет». А сейчас? Что с ней?.. Неужели ей жалко, что связь с кино потеряна безвозвратно? Может, ей завидно, что Нилуфар получила ее роль, что та станет актрисой, получит известность? Оказывается, не так просто рвать даже с такой, в сущности, пустой затеей.

Кинематография! Эта романтическая профессия не для нее. А право, в ней есть что-то праздничное! Расставаться с праздниками всегда грустно. Впереди ждут будни, врачебная работа, ночные дежурства — ответственность за чужую боль, чужую жизнь...

Все-таки как, в сущности, легко смогли обойтись без нее. А она-то мучилась, что подводит товарищей, срывает Шавкату его первую картину!

Саяра поняла, что больше уже ничего не связывает ее с кишлаком. Пора домой. Хамида уже начала ходить, через несколько дней ее можно выписывать.

Саяра принялась укладывать вещи...

Где-то рядом — Акрам! Приехал и даже не дал о себе знать. Выходит, что и ему ты не так уж нужна!.. Наверное, тоже найдет замену, как Шавкат вместо нее нашел Нилуфар...

Саяра собирала чемодан, и все валилось у нее из рук. Машину у Турабджана она все равно просит не станет. А рейсовый автобус в город отходит только утром.

Ночь легла на кишлак. Даже сюда, в больницу, ветер доносил шум воды у плотины, звонкий хор лягушек. Где-то рядом находится ее муж. Что-то он делает сейчас? Наверное, веселится с друзьями. Нет, в этом большом, чужом ей мире есть только одна точка опоры, одно родное существо — дочь!

Саяра тряхнула головой, возвращаясь к реальной жизни. Больше всего она хотела бы сейчас исчезнуть незаметно, ни с кем не встречаться, никому не говорить ненужных слов. Туда, в большой светлый дом, где в кожаном кресле отдыхает отец. А мать... мать, заглядывая в глаза, будет подавать чай, суетливо раскладывать вещи. За стеной, в кроватке, тихо посапывая, спит дочь.

Саяра решила пойти к Хамиде проститься. Судьба этой женщины многое открыла ей, многому научила.

Хамида приветливо встала навстречу Саяре.

— Как хорошо, что вы зашли, Саярахон. Давайте вместе поужинаем. Как бы мне хотелось принять вас дома,— сказала она и погрузстнела.

Со двора послышался веселый голос Турабджана:

— Можно войти или нужно специальное разрешение?

— Я сейчас узнаю, раис-ака,— ответил женский голос.

— На аппетит ваших больных не жалуетесь? А то тут один ташкентский гость свое лекарство привез. Проверенное средство. Только вот бутылки в аптеке подходящей не нашлось. Так вы уж не ругайтесь, пришлось в коньячную налить,— продолжал Турабджан.

Услышав слово «ташкентский гость», Саяра вздрогнула.

— Разрешите нарушить ваше уединение, дорогие женщины.— Турабджан уже входил в комнату.

Саяра резко обернулась. В дверях рядом с раисом стоял смущенный Зафар. Саяра безвольно откинулась на спинку стула.

Постепенно способность наблюдать возвращалась к Саяре. Она заметила, что Турабджан хоть и держится в своей обычной манере, но сегодня мало походит на обычного самоуверенного раиса. Он был, пожалуй, излишне многословен и суетлив, смущенно поглядывал на Хамиду.

— Милая Саярахон, какой же вы главврач больницы,— не унимался председатель,— если на ночь глядя едите простой борщ. Надо было намекнуть повару, он бы живо приготовил отменный плов! А уж куриный суп, кажется, всем больным не противопоказан.

— Научите, как это у вас делается,— нехотя откликнулась Саяра, здороваясь за руку с Зафаром.

— Сейчас попробуем,— сказал Турабджан, но, увидев, что Хамида собирается выйти, жестом преградил ей дорогу.

— Останьтесь, Хамида, прошу вас.

Хамида остановилась, в нерешительности переводя взгляд с Саяры на Зафара.

— Может, отложим до другого раза?..

— Нет, нет. Я именно хочу поговорить с вами в присутствии наших гостей.— Любимым жестом он потер лоб и усмехнулся.

— Вот призываю вас в свидетели. Пришел, так сказать, с повинной... Публично попросить у вас, Хамида, прощения. Кстати, вам небезынтересно будет узнать, что Садыквой понесет наказание по всей строгости закона. Чего вы, собственно, и добивались,— закончил он тихо.

Хамида изменилась в лице.

— Я не добивалась этого....

— Ладно, Хамидахон. Не будем начинать все сызнова. Я виноват во многом и прошу у вас прощения.— Он взглянул в глаза Хамиде.

— Зачем вы затеяли все это, раис? — срывающимся голосом прошептала Хамида.— К чему?

— О, аллах! — искренне огорчился Тураб.— Опять не угодил! Я честно пришел сказать вам, что был неправ! — Видя, что Хамида собирается возразить, запротестовал: — Только, ради бога, не будем сейчас выяснять отношения! Поговорим в другой обстановке. Не тут, не в больнице. У нас еще будет время. Сейчас вам надо запомнить одно: поскорее выздоравливайте, набирайтесь сил и приступайте к своей любимой работе. Может быть, я и плохой председатель, но у меня еще хватает мужества признавать свои ошибки,— добавил он, маскируя свое смущение смехом.

Хамида ничего не ответила. Порывисто собрала со стола посуду и вышла из палаты.

Турабджан растерянно посмотрел на Саяру.

— Неужели опять провинился?

У него был такой озадаченный вид, что Саяра рассмеялась.

— Если таково ваше смирение, то я не хотела бы иметь с вами дело во гневе.

— Скажите на милость, а я старался изо всех сил! Ну, да хватит об этом! Скажите, как ваши дела, Саярахон?

— Уезжаю,— сказала она отрывисто. Больше всего она боялась, что ее сейчас начнут расспрашивать о кино, давать советы или, что еще хуже,— уговаривать остаться.

Но Турабджан только спросил:

— Когда едете?

— Утром, с рейсовым автобусом.

Турабджан многозначительно хмыкнул.

— А вы знаете, что супруг ваш здесь, в кишлаке?

Саяра взглянула на Зафара и покраснела.

— Это меня не касается.

— Жаль, что не касается. А он... каждую ночь кружит вокруг больницы. Да, видно, напрасно... Он тоже завтра уезжает. Пришла срочная телеграмма. Его вызывают в город. Есть опасность, что ваш муж станет директором института. Правильно я говорю? — обратился Турабджан за поддержкой к Зафару.

Зафар кивнул.

Саяра вспыхнула.

— Можно подумать, что меня когда-нибудь интересовал его чин!

— Позвольте вам заметить, что — жаль. А мне вот, грешному, лестно, что столь высокий пост занимает мой друг. Между прочим, в машине места на всех хватит. Ваш приятель Убай тоже в город собрался. Вот все вместе и поехали бы, а?

— Спасибо. Сама как-нибудь доберусь.

— Что ж! Не смею больше навязывать свое общество. Помните, Саярахон, что мы всегда рады видеть вас у себя. Да и место врача я не зря предлагал. Спасибо... за все.— Турабджан прошелся по комнате.— И последняя просьба: передайте Хамиде, что я говорил все искренне. Пусть на меня больше зла не держит. Ну, пожалуй, мне пора. До свидания, еще раз! — Он неуклюже обнял Саяру.— Зафара я вам оставляю. Может, он будет более удачливым, чем я.

— Любопытный человек этот раис,— сказал Зафар, прислушиваясь к шуму отъезжающей машины.— А ведь он прав, Саярахон. Поедем завтра все вместе? Мне здесь тоже больше нечего оставаться.— В голосе его слышалась грусть.

Саяра умоляюще подняла руки.

— Неужели у них действительно свадьба?

— Сами в тень, а меня на солнышко. Ловко у вас получается,— принужденно засмеялся Зафар.— Вы же все отлично умеете сами!

— Простите, ради бога, Зафар. Действительно, такая нежданность! Мне Нилуфар говорила, что ей нравится наш эжиссер. Но свадьба, и такая скоропалительная?..

Зафар поморщился.

— Увы!.. Меня — в отставку.

Зафар смутился и постарался сменить тему:

— А вы... Дали отставку кинематографу? А ведь говорили, что дебют ваш был таким многообещающим!

— Мало ли что говорят? Я поняла, что не рождена быть кинозвездой. Видно, не судьба...

— Мне раис-ака рассказывал, как вы мужественно боролись

с ним за справедливость! Молодчина. Позвольте только один совет?

— Опять про Акрама?

— В общем-то, да!

— Прошу вас... Мне ведь тяжело. И потом, если б он хотел что-нибудь изменить, то нашел бы ко мне дорогу сам, без сватов.— Чувствуя, что может расплакаться, Саяра отвернулась.

— Все! Молчу! Извините меня.— Зафар торопливо вскочил со стула и начал прощаться.— До встречи в Ташкенте.

Саяра проводила его до ворот, вернувшись в кабинет, заперлась. Бессильно опустилась на диван.

Хватит, она сыта по горло чужими советами, пусть даже добрыми. Она не может больше видеть сочувственные взгляды. Зачем он только приехал... Скорее бы утро!

Она заставила себя встать, пройтись по комнате. Надо собраться с мыслями, подготовить все к отъезду, отдать последние распоряжения. Она села за стол, открыла историю болезни Хамиды. Первая ее больная! Где-то внутри жила гордость, что она не отступила в ту тяжелую ночь, не сдалась.

В дверь постучали. Весть об отъезде Саяры быстро разнеслась по больнице. На пороге кабинета стояла медсестра. Из-за ее плеча выглядывали знакомые лица больных. Все пришли ей сказать теплые слова, поблагодарить, пожелать счастливого пути.

— Не забывайте нас, дохтур-апа,— сказал старик сторож.

У Саяры потеплело на сердце. Значит, она нужна людям. Не безразлична. Ей верят. Ее здесь будут помнить.

Последней пришла Хамида.

— Не помешаю вам? Вы не устали? Нам тогда так и не дали поговорить.

Саяра с удивлением смотрела на Хамиду. Ее нельзя было узнать. Она распрямилась, похорошела. Глаза спокойные и ясные.

— Мне нужен ваш совет, Саярахон.

— Да, пожалуйста.

Хамида села, расправила халат, смахнула со стола несуществующий мусор.

— Я знаю, вы меня правильно поймете, вот и пришла к вам,— и, набравшись решимости, боясь, что ее перебьют, скороговоркой выпалила: — Решила окончательно. Я развожусь с мужем.— Словно освободившись от непосильной ноши, она облегченно вздохнула. Победно глянула на Саяру.— Ухожу совсем. Буду жить самостоятельно. Как-нибудь подниму детей на ноги. Сейчас не война, да и люди помогут.

— Ну вот, теперь я уеду спокойная. Вижу, что вы у меня совсем молодчина.

Хамида сидела смущенная и торжественная.

— Вы знаете, я хотела бы вам рассказать о себе, о своей жизни, хотя бы в нескольких словах... И об Акраме тоже. Между нами не должно остаться ни единого облачка.

У Саяры кольнуло сердце.

— Вы знаете, что мы с Акрамом вместе учились? И Тураб-джан тоже учился с нами. Хорошая это была пора!

Хамида задумчиво смотрела куда-то вдаль.

— Да... Мы договорились не расставаться никогда в жизни.— Она смущенно, словно извиняясь, глянула на Саяру.— Потом он ушел в армию. Я окончила восемь классов и устроилась на работу в правление. Меня выбрали комсоргом. Много молодежи в колхозе было. А Садыквой уже отслужил и работал у нас шофером. Часто мне приходилось в город на разные совещания ездить. Куда бы ни пошла — он всегда машину, как коня, поперек дороги ставил. А вечером, из города возвращаясь, обязательно до самых ворот довозил... Как я ни противилась, все по-своему делал. Вот людская молва и соединила нас вместе. Вы знаете, в кишлаке все люди как на ладони. Разговоры пошли, пересуды. Кто-то из доброхотов постарался Акраму сообщить. А Акрам, не разобравшись толком, написал мне письмо, горячее и несправедливое. Да и я не лучше была. Обидно мне показалось, что он не мне поверил, а сплетникам. Вот я и дала согласие на свадьбу...

Хамида протяжно вздохнула. Помолчала.

— Скоро поняла, что ошиблась. Да сделанного не вернешь. Молодая. Перед людьми неловко было... Потом дети пошли. Так своими руками и загубила жизнь. Даже винить некого. Вот такая нехитрая история, Саярахон. Беде надо случиться, чтоб поумнела!

«Странно сплелись наши жизни,— думала Саяра.— Она и я — обе любили Акрама. И теперь обе одиноки. Только она, кажется, мужественнее, чем я. Решила — точно отрезала».

— У вас все будет хорошо, Хамидахон, не может быть, чтоб у такого, как вы, человека жизнь не наладилась.

— Спасибо, Саярахон. Трудно мне объяснить, что вы для меня сделали. Не красноречива я.

Она как-то удивительно молодо улыбнулась.

— Знаете, что-то раис уж чересчур ко мне внимателен. Во дворе встретился, все просил забыть старое. Так и жду подвоха... Ну, отдыхайте. У вас завтра трудный день.

Нет, видно, в этот вечер ей не суждено было отдохнуть. Не успела закрыться дверь за Хамидой, как раздался телефонный звонок. На Саяру с упреками накинулась Нилуфар. Неужели она способна так обидеть подругу — не прийти на свадьбу!.. Ее просит не только она, Нилуфар, но и Шавкатджан. «Не поздно ли вспомнили обо мне?» — невольно подумала Саяра, но ничего не сказала. Она лишь ответила, что завтра уезжает. Это решено, и она ничего изменить не может. Ей показалось, что Нилуфар облегченно вздохнула, довольным голосом пожелала Саяре счастливого пути.

Неожиданно трубку взял Шавкатджан.

— Счастливым вы человек, Саяра. Всегда знаете, что хотите в жизни.

Саяра так и не поняла, что он имел в виду.

— Желаю вам успеха,— сказала она искренне.

Телефонистка дала отбой.

Скорее бы утро! Не раздеваясь, она легла на диван, забылась в тревожном сне.

На рассвете Саяру разбудил стук в дверь. Густые сумерки еще висели в комнате. Саяра задохнулась, вскочила. Сердце билось почти у горла.

— Кто там?

— К вам пришли...— Голос сторожа спокоен.— Говорит, что больной.

Комната покачнулась. «Он! — стучало в мозг.— Он!..»

Она зачем-то подошла к окну, поправила распустившиеся волосы, сказала нарочито бесцветным голосом:

— Пусть войдет!

Похудевший и осунувшийся, он смущенно остановился на пороге.

— Здравствуй, Саяра... Я пришел за тобой.

Вместо ответа она сглотнула подступивший к горлу комок.

Акрам шагнул к ней, сильным, как в молодости, движением, отнял ее руки от лица.

— Я пришел за тобой, Саяра!

1970

